

Ч

астное агентство, которое

ГАРАНТИРУЕТ своим клиентам избрание
в депутаты **ЛЮБОГО УРОВНЯ**. Лишь бы платили!
И раньше все проходило без сучка
и задоринки. Но **ТЕПЕРЬ!!!**

До выборов в Государственную Думу осталось
всего-то **ТРИ ДНЯ**, — а события вдруг приняли
ВЕСЬМА неожиданный оборот.

Один из клиентов агентства внезапно остался
без соперников, — ведь его конкурент... **УМЕР!**

Другой не вовремя оказался на больничной
койке... Третьему, похоже, вообще «не светит», —
потому что заартачившийся губернатор упорно
держится за «своего» кандидата...

ТРИ ДНЯ — на решение проблем, которые
ВООБЩЕ НЕВОЗМОЖНО РЕШИТЬ. И тогда за
дело берется сам руководитель «Миллениума» —
гениальный циник Петровский!..

ISBN 5-17-020035-8

9 785170 200351

МАНИПУЛЯТОР
ТРИ ОСЕННИХ ДНЯ

ЧИНГУЗ АБДУЛЛАЕВ

ЧИНГУЗ АБДУЛЛАЕВ

НОВИНКА

МАНИПУЛЯТОР
ТРИ ОСЕННИХ ДНЯ

ЧЕРНЫЙ КВАДРАТ

ЧИНГИЗ АБДУЛЛАЕВ

МАНИПУЛЯТОР

Три осенних дня

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТРЕЛЬ
МОСКВА
2003

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6–44
А13

Компьютерный дизайн
И.А. Герцев

Слайд предоставлен фотоагентством M–STAR

Подписано в печать 20.06.2003. Формат 84x108 32. Усл. печ. л. 16.8.
Печать офсетная. Тираж 20000 экз. Заказ № 1229.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

Общероссийский классификатор продукции ОК–005–93,
том 2, 953000 – книги, брошюры

Любое использование данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

Абдуллаев Ч.

А13 Манипулятор: В 2 т. Т. 1. Три осенних дня: Роман /
Ч. Абдуллаев. – М.: ООО «Издательство Астрель»:
ООО «Издательство АСТ», 2003 – 316, [4] с. – (Чер-
ный квадрат).

ISBN 5–17–020035–8 (Т. 1)

ISBN 5–17–013412–6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5–271–07160–X (Т. 1)

ISBN 5–271–07164–2 (ООО «Издательство Астрель»)

УДК 821.161.1–312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6–44

ISBN 5–17–020035–8 (Т. 1)

ISBN 5–17–013412–6 (ООО «Издательство АСТ»)

ISBN 5–271–07160–X (Т. 1)

ISBN 5–271–07164–2 (ООО «Издательство Астрель»)

© Текст. Ч. Абдуллаев, 2003

© ООО «Издательство Астрель», 2003

Кто мог подумать, что завтра
вспыхнет зарницей? Кто предви-
дел позор, огонь и нещадную ночь
Альянса? Кто бы сказал, что исто-
рия хлынет на перекрестки – на-
ша история, страсть и бесчестье,
толпы как море, гулкое слово
«Кордова», смесь реальности и
сновиденья, ужаса и величия!

Хорхе Луис Борхес
Из сборника «Создатель»

НАЧАЛО

Утром он любил прислушиваться к со-
ловьям, которые облюбовали деревья во-
круг территории его дачи. Птицы почему-то
не садились в его саду, видимо, избегая по-
являться в пространстве хоть и большого,
но огражденного высоким забором участка.
Они словно опасались, что здесь им грозят
неприятности, и все попытки садовника
приманить их оканчивались неудачей – со-
ловьи с завидным упорством распевали за
оградой. Кто знает, может, их отпугивало
присутствие людей, может, запахи от ма-

шин, но они явно чувствовали себя увереннее там, снаружи, на бесхозных деревьях.

Вот и сейчас во двор въехали сразу два автомобиля: темный шестисотый «Мерседес» с водителем и помощником, выполнявшим роль своеобразного телохранителя, и серебристый джип «Ниссан патрол» с четырьмя охранниками из частного агентства. Выходя к ним, он подумал, что вся эта «бутафория» нужна только для того, чтобы произвести впечатление на его особо доверчивых клиентов. На самом деле никакая охрана не может спасти человека от меткого выстрела снайпера. Но на неискушенную публику мощные автомобили и охранники производят ошеломляющий эффект.

Святослав Олегович Петровский, руководитель частного агентства «Миллениум», сел в автомобиль и отправился на работу. Его супруга и дети жили в Англии, куда он их отослал еще два года назад.

Едва машины выехали со двора, как зазвонил мобильный телефон.

– Доброе утро, Святослав Олегович, – начала ежедневный традиционный доклад его секретарь. Шеф не любит терять время на выслушивание своих же планов уже в

офисе, поэтому по договоренности помощник звонил ей, когда они только выезжали с дачи, а она, рассчитав время, набирала номер патрона точно в тот самый момент, когда автомобили начинали путь в город.

– Доброе, – недовольно буркнул он. – Так что у нас там сегодня?

– Утром вы просили напомнить вам насчет Омска, чтобы позвонить губернатору. Днем – ленч с итальянским послом. Вечером, в пять, вы встречаетесь с вице-премьером правительства...

– Что еще?

– Вы хотели позвонить Виктории, – сказала секретарь.

– Правильно. – Он поморщился. Действительно нужно позвонить. Но не хочется. С другой стороны, эта дамочка еще может понадобиться. Она определенно обладает большими способностями. – Напомнишь мне перед свиданием с послом, – со злостью проговорил Святослав Олегович, – только не забудь. Она обещала кого-то прислать. И не говори мне больше «ленч». Неужели нельзя сказать нормально по-русски: «У вас сегодня обед с послом»? Поняла?

– Да, – ледяным голосом отозвалась она. – Я все поняла.

– Паша звонил? – спросил он на всякий случай, хотя прекрасно знал, что Брянцев будет связываться с ним напрямую. Но обижать секретаря не хотелось. Петровский высоко ценил ее деловые качества.

Инне Фоменко было тридцать лет, и она уже четыре года работала в его агентстве. Знала английский и французский, была исполнительна, точна и аккуратна, а главное – ей можно было доверять даже такие личные тайны, о которых обычно секретарям не говорят. Верный своим принципам, Святослав Олегович брал на работу людей только после тщательной проверки. И потом в течение года время от времени еще проверял, чтобы убедиться в абсолютной лояльности сотрудников.

Инна Фоменко была надежным человеком. Разведена, одна воспитывает десятилетнего сына. Петровский знал, что она всецело зависит от той зарплаты, которую получает в его агентстве. А для женщины, даже со знанием двух языков, но не обладающей эффективными внешними данными, устроиться на работу в качестве личного секретаря ди-

ректора самого крупного аналитического агентства в стране с зарплатой в тысячу долларов практически невозможно. Нет, конечно, теперь много молодых женщин, получающих куда большие деньги, но им, как правило, приходится отрабатывать расположение своих хозяев собственным телом, «компенсировав» таким образом их немалые затраты.

Петровский многое знал о своем секретаре. Знал, что у нее больная мать, проживающая в подмосковном поселке. Знал, что иногда к ним домой заходит сосед, бывший прапорщик, ныне успешно владеющий небольшой аптекой, в которой больше половины всех продаваемых лекарств были самодельными и фальшивыми. От них, разумеется, никто не умирал, но они также и не помогали старушкам и старикам, которые охотно покупали у бывшего прапорщика снадобья по более низким ценам, чем в дорогих аптеках, и не подозревали в этом никакого подвоха.

Новоявленный провизор имел семью и трех мордастых дочек, похожих на него, как капельки воды, но ему хотелось чего-то еще и «для души». Именно так он выразился, когда впервые пришел к соседке с самогон-

кой в красивой бутылке из-под виски. Тогда Инна его выгнала. Выгнала и во второй раз. Но когда он явился опять, а сын ее в это время был в школе, разрешила ему остаться. Хотя потом с отвращением мылась под душем, словно в чем-то сильно испачкалась. Прапорщик стал приходить еще и еще. Она прогоняла его и снова принимала, каждый раз моясь под душем все с большим отвращением и не желая признаться самой себе, что ей все же нравятся его грубые объятия, пахнувшие потом подмышки и жесткая щетина усов. Конечно же ей хотелось иметь рядом мужчину, хотя бы на время, и хотя бы такого, на которого в иной ситуации и не посмотрела бы.

Петровский все это знал. Но никогда не говорил с Инной о ее личной жизни.

Взглянув на часы, он нахмурился. Паша уже должен бы позвонить из Курска. Он выехал туда, чтобы на месте обеспечить прохождение нужного кандидата в депутаты Государственной думы. Агентство Петровского было известно всей стране не только своей аналитической деятельностью, а скорее практическими достижениями по выдвижению нужных кандидатов и гарантиро-

ванному их избранию, которых оно всегда добивалось. Вот и теперь нужно было помочь местному курскому бизнесмену Сергею Качанову стать законодателем.

Бизнесмен имел две судимости и очень был похож на бандита, какими их обычно изображают в кинофильмах и карикатуристы. Бычья шея, выпученные глаза, короткая стрижка, уши, расположенные гораздо ниже бровей, что указывает на несомненную «интеллектуальную одаренность»... Но Петровского не интересовали его антропологические особенности. Приехавший к нему Качанов пообещал заплатить два миллиона долларов за свое гарантированное прохождение в депутаты. И он с удовольствием согласился с ним поработать.

Двести тысяч долларов ушло на подкуп чиновников в аппарате губернатора, чтобы они согласились с кандидатурой Качанова. Еще несколько сот тысяч – на взятки должностным лицам в Москве. Бизнесмен срочно вступил в правящую партию и вообще стал одним из столпов этой партии в Курской губернии. Оставалось подобрать ему нужного соперника и обеспечить избрание.

Одного соперника нашли сразу – придурковатого учителя истории из близлежащего к городу села, такого чудака из тех, кто в молодости увлекается якобинскими идеями, а потом на всю жизнь остается восторженным поклонником левых взглядов. Его выдвинули местные коммунисты, и Петровский помог им деньгами, чтобы обеспечить нужную рекламную компанию. Второго соперника нашли по тому же принципу – журналиста местной газеты, выходящей тиражом в тысячу экземпляров. Газета почти не раскупалась, а журналиста не уважали даже в собственной семье. Его супруга достаточно часто и громко рассказывала, как неудачно вышла замуж за человека, не способного обеспечить семью маломальским приличным доходом. Сама она работала парикмахершей и была на хорошем счету у местных жителей.

Журналист слыл, конечно, демократом, всегда голосовал за демократические партии. Но поскольку жители Курска и области с большим удовольствием отдавали свои голоса за коммунистов, у него не было никаких шансов быть избранным в отличие от сельского учителя. И хотя Петровский был

уверен, что полностью контролирует ход предстоящих выборов, он решил на всякий случай подстраховаться, вовремя подсказать избирательной комиссии, что несчастный учитель в описи своего имущества не указал принадлежащего ему покосившегося сарая рядом с домом. Дело, разумеется, передали в суд, который и снял опасного соперника с выборов. Несмотря на грозные жалобы коммунистов, судья, получивший двадцать тысяч долларов, согласился с доводами избиркома.

Теперь можно было прогнозировать абсолютную победу Качанова уже в первом туре. Демократический журналист, даже без помощи Петровского, наверняка бы ему проиграл. Пристрастия местных жителей были всем известны. В первую очередь они голосовали за коммунистов, а в отсутствие таких – за представителей правящей партии. Качанов и представлял эту партию, которая обещала поднять пенсии старикам, дать работу молодым и прибавить зарплату учителям и врачам. В общем, бизнесмен мог выехать на волне ее популизма, а в сочетании с организационными и финансовыми возможностями Петровского должен был

победить с огромным преимуществом. Все предварительные расчеты показывали, что он наберет больше семидесяти процентов голосов, тогда как его соперник не получит и десяти.

Вспомнив о Качанове, Петровский с удовольствием закрыл глаза. Он справедливо считал выдвижение бизнесмена своей личной удачей. Из двух миллионов долларов они уже потратили почти треть, и он справедливо полагал, что оставшиеся деньги должны быть их бонусом за хорошую работу. До выборов оставалось два дня, и Святослав Олегович командировал в Курск одного из своих сотрудников, Павла Бубенцова, чтобы тот проконтролировал на месте ход дела.

Зато в Омске и в Башкирии, где агентство «Миллениум» опекало других кандидатов, все шло не так гладко. В Омске они проталкивали кандидата от правой партии, который пользовался поддержкой известного банка. Банк готов был заплатить за него три миллиона долларов. Но, во-первых, не давал в качестве аванса больше пятисот тысяч, а во-вторых, руководители банка, входящие в финансовую корпорацию «Фи-

нойл», давно конфликтовали с губернатором Омска, который был креатурой другой финансовой группы, и это могло сказаться на выборах. Губернатор выдвинул своего ставленника – представителя правящей партии, работающего директором крупного комбината. Если учесть, что большинство избирателей, проживающих в трех поселках, трудились на этом комбинате, то шаг губернатора следовало считать достаточно продуманным. Кроме этих двоих в кандидаты были выдвинуты еще несколько человек. В Башкирии же все было с точностью наоборот. Там выдвигался известный артист, на кандидатуре которого настаивали коммунисты. Петровский никогда не стал бы бесплатно поддерживать этого человека, но с такой просьбой к нему обратились представители крупнейшей финансовой компании России. Дело в том, что артист имел шансы стать не только депутатом Государственной думы, но и членом Совета Федерации от Башкирии, а это беспокоило очень влиятельных людей, в том числе и в правительстве. Было решено, что он должен пройти в Государственную думу и не претендовать на верхнюю палату. И Пет-

ровскому заплатили за это достаточно крупную сумму.

Кроме выдвижения и поддержки перечисленных депутатов в данный момент агентство занималось еще и выборами нового губернатора в одном из сибирских округов. После внезапной смерти прежнего главы округа там назначили новые выборы, которые должны были состояться через два месяца. Руководитель «Миллениума» точно знал, что в борьбе за это место столкнутся представители двух самых влиятельных финансовых группировок страны, и теперь терпеливо ждал, когда к нему обратятся за помощью.

Когда раздался телефонный звонок, он, взяв мобильный телефон, посмотрел на номер. Наконец-то Паша из Курска. Заранее улыбнувшись хорошей новости, Петровский включил аппарат.

– Как дела, Паша? – радостно поинтересовался он.

И услышал в ответ глухой голос Бубенцова:

– Очень плохо, Святослав Олегович.

Только этого не хватало! Огромные деньги могли запросто уплыть из его кармана.

– Что случилось? – рявкнул Петровский.

Водитель и помощник испуганно оглянулись на него.

– У нас ЧП, Святослав Олегович. – По всему чувствовалось, что Бубенцов испуган и расстроен.

– Говори, что у вас там происходит, – закричал Петровский. – Неужели у Качанова нашли еще одну неучтенную судимость? Что с ним?

– С ним все в порядке. Но наш журналист... Сегодня ночью он поехал к сестре в деревню за молоком...

– Ну и что? Пусть сидит там хоть до выборов. Пусть хоть в Африку ездит за носорогами. Выборы считаются состоявшимися, если придут хотя бы двадцать пять процентов избирателей. Сам журналист нам больше не нужен. Может находиться где хочет...

– Вы не поняли, – довольно невежливо перебил его Паша, и от этого стало еще страшнее, – он не доехал до деревни. Машина, в которой они ехали, столкнулась с рейсовым автобусом...

Для такого опытного человека, как Петровский, достаточно было одной этой

фразы. У него больно закололо в левом боку. Час от часу не легче. Чтобы гарантировать победу Качанова, они убрали всех кандидатов, даже этого придурковатого учителя. У него остался только один соперник – этот журналист, который должен был триумфально проиграть. Но если он погиб, бизнесмен не может участвовать в выборах единственной, безальтернативной кандидатуры. Тогда все их старания окажутся напрасными. По закону Качанова снимут с выборов, затем назначат для них другую дату, и начнется новое выдвижение кандидатов.

– Господи ты боже мой! – тяжело вздохнув, прорычал Петровский. – Он погиб?

– Еще нет. Но он сидел рядом с водителем в старом «Москвиче». Автобус смял их в лепешку. Водитель погиб, а нашего журналиста отвезли в реанимацию. Я только сейчас говорил с врачами. У него снесено полчерепа, никаких шансов выжить. Но сердце пока еще бьется.

– Дуй в больницу! – закричал потерявший всякое терпение Святослав Олегович. – Быстро в реанимацию! Заплати врачам, пусть подключат этого придурка к аппарату–

ре, пусть сохраняют его еще два дня. Только два дня. Меня не интересует его голова. Пока бьется сердце, он считается живым, и его не вычеркнут из избирательных бюллетеней. Ты меня понимаешь?

– Уже еду.

– Хорошо. Теперь слушай дальше. Если понадобится пересадка сердца, значит, ты организуешь ему эту пересадку. Потребуется пересадить голову – пересади голову.

– Чью голову? – испугался Паша.

– Свою, – заорал Петровский. – Если нужна кровь, сдай свою кровь. В общем, делай, что хочешь, но только чтобы он жил. Еще два дня. Всего два дня. Спасай его так, словно он твой родной отец.

– Я все понял, – прокричал Паша. Очевидно, он уже бежал к автомобилю.

– Звони мне каждые полчаса. – Петровский почувствовал, что задыхается.

В сорок пять лет у него уже была небольшая одышка – сказывалась напряженная работа последних пятнадцати лет. И вообще он всю жизнь пытался прыгнуть выше своей головы. Сорок лет ничего не получалось. Он помнил все свои унижения, свое нищенское существование, согласие рабо–

тать за гроши на известных журналистов и политических деятелей. Святослав Олегович огромным трудом завоевывал себе репутацию и выстраивал собственное благополучие. И вдруг из-за кретина, который решил отправиться в деревню за молоком, чтобы сэкономить несколько рублей, теперь он может потерять целый миллион долларов. Нет, даже гораздо больше, чем эти деньги. Репутацию. Петровский слишком хорошо знал, почему Качанов так рвется в депутаты.

Дрожащей от нетерпения рукой он набрал номер Бубенцова.

– Ты где, Паша? – спросил, едва услышав знакомый голос.

– Едем в больницу, – ответил тот.

– Я тебя прошу, Паша, – Святослав Олегович чудовищным усилием воли взял себя в руки, – ты должен что-нибудь придумать. Если Качанов останется один, его вычеркнут из избирательных бюллетеней и он не сможет в воскресенье стать депутатом.

– Не волнуйтесь, Святослав Олегович, – попытался успокоить его Бубенцов. – У нас все схвачено. Если даже сейчас не пройдет, снова его выдвинем и все равно

выберем. Через два месяца. Мы такую работу провели...

– Идиот! – закричал Петровский. – Какие два месяца? На него возбуждено уголовное дело в республиканской прокуратуре. Если он сейчас не пройдет в депутаты и не получит депутатского иммунитета, его привлекут к уголовной ответственности и арестуют. Тогда мы потеряем все наши деньги. Поэтому он нам и платит два миллиона. Нельзя оставлять его на следующие выборы, ты меня понимаешь?

– Понимаю, – раздался виноватый голос Бубенцова. – Я все сделаю. Вы не волнуйтесь.

– Ты мне еще посоветуй валидол пить, – со злостью парировал Петровский, глянув на притихших водителя и охранника. Не нужно при них говорить о том, сколько платит Качанов, им это знать не обязательно. Кажется, он нервничает и начинает допускать ошибки. Святослав Олегович опять тяжело вздохнул и принял решение: – В общем, так – вижу, от тебя пользы, как от козла молока. Сегодня вечером я сам прилечу в Курск. Как только приедешь в больницу, сразу мне позвони. Или он уже умер?

– Сейчас говорил по второму телефону с врачами, – ответил Паша. – Он еще жив. Честное слово, жив.

– Давай быстрее! Раздай деньги кому надо, привези туда лучших специалистов. Я на тебя рассчитываю, Паша. Как фамилия этого идиота?

– Врача?

– Журналиста.

– Нечипоренко. Василий Нечипоренко.

– В какой он больнице?

– В больнице «Скорой помощи».

– Если умрет, не знаю, что я с тобой сделаю. Можешь тогда перейти границу и попросить политического убежища на Украине. Или оставайся в Курске, – прорычал Петровский.

Не успел он договорить, как его аппарат вновь зазвонил. На второй линии к нему пыталась пробиться Инна. Святослав Олегович переключился на вторую линию.

– Звонили от вице-преьера, – сообщила секретарь. – Он перенес встречу с вами на восемь вечера. Я сказала, что вы согласны.

– Дура! – закричал он, потеряв терпение. – Позвони и отмени нашу встречу. Скажи, что я не смогу с ним встретиться...

– Но вы сами говорили мне вчера, что в любое время...

– Вчера я много чего говорил. Отменяй встречу к чертовой бабушке. Скажи, что у меня нашли заразную болезнь. Дифтерию или сифилис. Не знаю, придумай что хочешь. Но встречу отмени. И закажи мне срочно билеты в Курск. Узнай, когда туда летают самолеты. Хотя нет, лучше закажи нам самолет. Частный рейс. Сегодня на пять часов в Курск. Ты все поняла?

– Конечно.

– И еще найди мне телефон заместителя министра здравоохранения. Кажется, Власов его фамилия. Мы помогали его дочке взять премию на конкурсе Чайковского. Позвони и скажи, что я хочу с ним поговорить.

– Сейчас сделаю. Вас сразу соединить?

– Немедленно. – Он убрал аппарат. – И давай быстрее! – рывкнул водителю. – Плетешься, как кобыла. Будто у тебя не «Мерседес», а ржавое ведро.

Водитель хотел объяснить, что большая пробка впереди – не его вина, но, глянув на помощника, который сделал ему предосте-

регающий жест пальцем, промолчал. Все знали, что хозяина, когда он в таком состоянии, лучше не нервировать.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

К офису они подъехали спустя двадцать минут. К этому времени Инна наконец-то нашла заместителя министра здравоохранения, который сидел на совещании. Настойчивая Инна сумела выбить из секретаря Власова номер его мобильного телефона и соединила чиновника со своим патроном.

– Андрей Николаевич, здравствуйте, – нервно произнес Петровский, глядя на часы, – извините, что отвлекаю вас, но очень важное дело.

– Добрый день, – недовольным голосом откликнулся Власов. Ему было неприятно слышать Петровского и вообще с ним общаться. В прошлом году любящему отцу пришлось заплатить сто тридцать тысяч долларов, чтобы гарантировать дочке призовое место на конкурсе Чайковского. А позже стало жаль потерянных денег. Все

педагоги и участники конкурса прекрасно понимали, что девочка явно не тянет на призовое место и ее утешительная премия – всего лишь заслуга отца музыкантши.

– Что вам нужно? – сухо поинтересовался Андрей Николаевич.

– У нас большая проблема в Курске, – быстро объяснил Петровский, – в автомобильную катастрофу попал известный тамошний журналист Василий Нечипоренко. В очень тяжелом состоянии он сейчас находится в больнице «Скорой помощи». Вы не могли бы проконтролировать, все ли для него нормально организовано? Дело в том, что он выдвинут кандидатом в депутаты Государственной думы.

– В Курске работают опытные специалисты, – строго проговорил Власов. – И я не совсем понимаю, почему вы обращаетесь ко мне.

– Мы хотим, чтобы журналиста оперировали лучшие врачи города, – попросил Святослав Олегович. – Вы ведь знаете, кто там лучший. Пошлите туда людей, позвоните им...

– Не понимаю, почему я должен это делать...

– А мы готовы прислать «посылку», чтобы компенсировать ваши труды, – быстро добавил Петровский. Он помнил, что передачу денег в их агентство Власов сам называл «посылкой».

Заместитель министра все понял.

– Тяжелая посылка? – поинтересовался он.

– Килограмм пять, – ответил Петровский. И с возмущением подумал: «Он еще торгуется. Право же, у людей не осталось ничего святого. Где его клятва Гипократа?»

– Десять, – уверенно произнес Власов, – и я возьму дело под личный контроль.

– Наверное, я ошибся, – согласился Петровский, – конечно, десять. Сейчас мы вам пошлем. Только вы позвоните сразу.

– Хорошо, но я буду ждать вашу посылку. До свидания.

– У людей не осталось ничего святого, – вслух пробормотал Святослав Олегович, выскакивая из салона автомобиля.

В приемной Инна поднялась при его появлении. Кроме нее здесь сидела еще какая-то молодая особа. Высокого роста, в джинсовой мини-юбке и вязаной кофте, туго обтягивающей грудь. С одного взгляда он

оценил и внешние данные молодой женщины, и выражение ее лица.

– Кто такая? – спросил Петровский.

– Прислала Виктория, – пояснила Инна. Она знала, зачем Виктория посылает таких молодых девочек ее шефу. Нет, лично ему они не были нужны. Он вообще мало интересовался женщинами, сохраняя относительную верность своей супруге. Вот если бы ему заплатили приличную сумму за измену, он наверняка изменил бы своей жене, но никто не предлагал подобных сделок. Такие девицы Петровскому были нужны для работы.

– Как тебя зовут? – спросил Святослав Олегович у посетительницы.

– Илона, – ответила та, чуть облизнув губы.

– Сколько тебе лет?

– Девятнадцать.

– Москвичка?

– Я из Подмосковья...

– Все понятно. Прописки нет и не предвидится. Жилья тоже нет, что-то снимаешь. Виктория тебя иногда использует. На самом деле тебе уже двадцать и зовут не Илоной. Все правильно?

– Да, – растерянно признала девушка. – Это Виктория придумала мне новое имя...

– Понятно. Это в ее вкусе – Илона, Элиза, Элеонора, Валерия. Нужны запоминающиеся красивые имена. Так какое у тебя настоящее имя?

– Надя.

– Вот и хорошо. Присядь в уголочке и подожди. Я тебя потом позову. Инна, соедини меня срочно с Пашей и вызови ко мне Юлая Абуталиповича.

– Сейчас все сделаю, – кивнула секретарь.

Петровский вошел в кабинет и устало рухнул в кресло. Все было так здорово продумано, и вдруг эта нелепая авария. В любом другом случае кандидату можно было бы объяснить, что произошел несчастный случай и что он наверняка победит на следующих выборах, которые состоятся через два месяца. Тогда ему найдут двух ничтожных соперников, чтобы подстраховаться. Но Качанова такой вариант не устроит. Он предупреждал, что должен обязательно победить именно в это воскресенье, чтобы пройти в депутаты Государственной думы, иначе прокуратура раскрутит его уголовное дело на полную катушку всего за неделю или две.

– Паша на проводе, – сообщила Инна.

Петровский поднял трубку и услышал взволнованный голос помощника:

– Он пока жив, но врачи говорят, что через несколько часов умрет. У него уже не работает мозг, хотя сердце пока еще бьется.

– Это у тебя не работает мозг, – пробормotal Святослав Олегович. – Сиди в больнице и следи, чтобы они подключили к нему всю нужную аппаратуру. Договорись с врачами. Никто не должен ничего знать, даже если он умрет. Ты все понял?

– Мы здесь втроем, – успокоил его Паша. – Приходил один журналист из его газеты, но мы его прогнали.

– Не переусердствуй, – предупредил Петровский.

Дверь открылась, и в кабинет вошел его заместитель Юлай Абуталипович, человек с характерными раскосыми башкирскими глазами. Заместитель отвечал за финансовое благополучие компании. Святослав Олегович и Юлай Абуталипович были знакомы много лет, еще с первых кооперативов, которые открывали в конце восьмидесятых.

– У нас проблемы, – начал Петровский, – в Курске Нечипоренко попал в ава–

рию. Поехал за молоком в деревню и столкнулся с автобусом. Звонил Паша, говорит, что журналист не выживет. А придурка учителя мы уже убрали из избирательных бюллетеней.

– Плохо, – сразу понял ситуацию заместитель, – мы гарантировали Качанову, что он станет депутатом. Нужно ему позвонить и узнать, нельзя ли перенести выборы на два месяца. На всякий случай, если этот журналист умрет.

– Нельзя, – поморщился Петровский, – он меня предупредал. Найди какой-нибудь ящик и положи туда десять тысяч долларов. Пошли этому гниде Власову, он обещал контролировать лечение Нечипоренко.

– Сейчас пошлю, – кивнул Юлай. – Но ты все равно позвони Качанову. На всякий случай.

– Как у нас в Башкирии и в Омске? – поинтересовался Петровский.

– В Башкирии все хорошо, – улыбнулся его заместитель, – там у меня все схвачено. В Омске проблемы с губернатором, думаю, нам нужно завтра туда полететь.

– Я сегодня вечером лечу в Курск, – сообщил Святослав Олегович.

– Это правильно, – согласился Юлай Абуталипович, поднимаясь со стула.

В этот момент зазвонил телефон – на сей раз правительственный. Петровский поднял трубку и, услышав голос говорившего, сделал знак рукой своему заместителю, чтобы тот не уходил из кабинета.

– Еще раз здравствуйте, Святослав Олегович, – раздался холодный голос Власова. Он не скрывал своих антипатий, и было件нятно, что не собирается долго разговаривать.

– Мы уже отправили вам «посылку», – быстро проговорил собеседник.

– Ваша «посылка» уже не нужна. Я говорил с главным врачом больницы. У этого журналиста нет ни одного шанса. Его подключили к аппарату искусственного дыхания, но сердце долго не выдержит. Час, от силы два. Извините, врачи ничего не смогут сделать. Так что, думаю, вам лучше отозвать вашу «посылку». До свидания. – И он положил трубку.

Петровский остался сидеть с растерянным выражением лица. Юлай Абуталипович понял, что произошло нечто ужасное.

– Умер? – спросил он тихо шефа.

– Почти, – прошептал Святослав Олегович, наконец опуская трубку. – Сказал, что умрет через час. Или два. Врачи считают, что нет никаких шансов. Ни одного.

– Позвони Качанову, – снова предложил Юлай, возвращаясь на свое место. У него был идеально круглый череп с редкими на нем волосами. Когда Юлай нервничал, его руки непроизвольно поправляли очки на носу. Вот и сейчас он все время трогал свои очки.

Петровский знал об этой его характерной особенности.

Посмотрев на заместителя, он придвинул к себе записную книжку, нашел номер мобильного телефона Качанова, набрал его.

– Слушаю, – раздался резкий голос бизнесмена.

– Добрый день, Сергей Викторович, – преувеличенно любезно начал Петровский, хотя Качанов был моложе его лет на десять. – Как у вас дела? Где вы сейчас находитесь?

– В Москве, – услышал он в ответ, – но вечером возвращаюсь в Курск. Уже приготовили шампанское, чтобы в воскресенье отметить нашу победу. Ребята говорят, что за Нечипоренко никто не станет голосовать. Он даже десяти процентов не наберет.

– Конечно, – согласился Петровский, вновь посмотрев на своего заместителя. Тот кивнул головой, подсказывая, что нужно начать неприятный разговор. – Как у вас с прокуратурой? – осторожно поинтересовался Святослав Олегович. – Они еще не успокоились?

– Куда там! Наоборот, провели обыски на моих складах в Москве и в Ростове. Следователь так прямо и сказал, что через несколько дней выпишет ордер на мой арест. Я не стал ему возражать. Пусть поперхнет, когда узнает, что меня выбрали в Государственную думу.

– Вы думаете, его угрозы серьезны?

– У них на меня полно всякого материала. И еще одна гнида нашлась из моих бывших компаньонов, решил дать показания в прокуратуре. Ну ничего. Я ему эти показания в глотку вобью...

– Сергей Викторович, – укоризненно произнес Петровский, – разве можно так говорить по телефону? Не стоит нервничать. Я думаю, все будет в порядке. У нас, правда, возникли небольшие проблемы...

– Какие еще проблемы? – не понял Качанов.

– Несущественные. Надеюсь, они не повлияют на выборы. Дело в том, что ваш соперник Василий Нечипоренко попал в больницу. Решил поехать за молоком и столкнулся с автобусом.

– Это его проблемы, – рассмеялся Качанов. – Пусть теперь отдохнет. Думаю, никто не скажет, что за рулем автобуса сидел мой человек и нарочно его сбил.

– Нет–нет, конечно, не скажут, – успокоил его Петровский, – там все абсолютно чисто. Это случайная авария. Но дело в том, что мы по вашей просьбе исключили из списка участников другого вашего соперника – учителя истории.

– Правильно сделали, – у Качанова, видимо, было хорошее настроение, – не нужен нам этот чудака на букву «м». Пусть детям мозги пудрит, а не избирателям. Еще не хватало такого придурка в Государственной думе. Да над ним там все смеяться будут.

– Наверное, – вежливо согласился Петровский. – Но у нас есть еще два дня... Сегодня только пятница. Может, нам поговорить с судьей и вернуть его обратно в избирательные списки?

– С каким судьей? – не понял Качанов. – Судья уже получил свой куш и отвалил.

– Сергей Викторович, – снова перебил его Петровский, – не нужно говорить такое по телефону. Я имею в виду, конечно, не судью, который вынес решение. Он не может его отменить. Но мы можем обратиться к председателю областного суда, чтобы он пересмотрел решение судьи. Или к прокурору, который может подать протест.

– Зачем? – Качанов немного насторожился. – Вы ведь говорите, что все нормально.

– У нас некоторые сложности с Нечипоренко, – выдавил наконец Петровский, – он в больнице в тяжелом состоянии.

– Ну и что? Пусть лежит. Он мне не мешает.

– Нечипоренко в очень тяжелом состоянии, – вынужден был сказать Петровский, – врачи считают, что он может не выжить...

До Качанова наконец дошло. Кроме профессиональных юристов есть еще одна категория людей, хорошо разбирающаяся в сложностях юридической казуистики. Это бывшие уголовники. Они знают законы не хуже правоведов. Помолчав секунд двадцать, бизнесмен спросил:

– Если он умрет, то у меня не будет конкурента на выборах?

– Вот именно, – честно признался Петровский.

– И тогда меня снимут с выборов? – осознал кандидат в депутаты.

– Только формально, – быстро пояснил Святослав Олегович, – только из-за отсутствия соперника. А потом мы снова выдвинем вас, и вы гарантированно...

– Послушай меня, сука, – вдруг разозлился Качанов. – Я согласился на два миллиона долларов, чтобы уйти от прокуратуры. А ты меня подставить хочешь? Не нужно было такие деньги брать... Или тебе кто-то больше дал?

«Типичное уголовное мышление», – подумал Петровский, но сдержавшись, вслух произнес совсем другие слова:

– Вы же сами настояли, чтобы мы убрали учителя истории.

– Ну и правильно настоял. В Курске все за коммуняк голосуют, будто вы не знали. Ты мне мозги не пудри. Если я в воскресенье не пройду, то в понедельник следователь на меня ордер выпишет. И я с тобой из тюремной камеры говорить буду.

– У нас есть варианты, – вставил Петровский.

– Какие еще варианты? – Качанов выругался.

– Мы можем подать протест на решение суда и вернуть учителя истории в качестве кандидата. Можем организовать ваш отъезд за рубеж в командировку, а потом провести выборы. Вы ведь можете уехать на два месяца в командировку?..

– Ты мне зубы не заговаривай! – закричал бизнесмен, потеряв всякое терпение. – Или ты ничего не понимаешь, твою мать? Мне не нужна твоя Дума, мне нужен депутатский иммунитет. Я должен был победить в это воскресенье. Куда я убегу? Возьму все склады, все мое барахло? Мне понадобится грузовой состав, чтобы это вывезти. Да куда бы я ни убежал, меня сразу выдадут. У меня две судимости, а на носу еще новое расследование. Ах ты сволочь, значит, ты меня обманул?!

– Успокойтесь, – строго посоветовал Петровский, – не нужно так нервничать. И еще я не люблю, когда вспоминают мою маму. Не дергайтесь. Мы что-нибудь придумаем...

– Думай, – согласился Качанов, – но учти: если в воскресенье я не стану депутатом, то в понедельник можешь заказать себе гроб. Мне мои деньги не нужны. Мне нужна депутатская книжка. Вот и весь мой сказ. – Он отключился.

Петровский тоже положил трубку и опять посмотрел на своего заместителя.

– Ты все понял?

– Он угрожает? – усмехнулся Юлай Абуталипович.

– Еще как! Говорит, что могу заказывать себе гроб. В общем, орет и ругается.

– Правильно ругается, – философски заметил заместитель. – За два миллиона мы должны были Нечипоренко на руках носить. И сами молоко ему привозить. И корову подарить.

– Скажи еще что-нибудь обидное, – отмахнулся Петровский, – нашел время шутить.

– Я тебя знаю, – улыбнулся Юлай, – ты у нас светлая голова. Все равно что-нибудь придумаешь. Чем могу помочь?

– Приготовь деньги. Наличными. Тысяч триста или четыреста. Если нужно, купим всю больницу, но чтобы никто не узнал о

смерти Нечипоренко. В общем, придумаю что-нибудь. Когда можешь привезти деньги?

– Через час. – Заместитель снова поднялся.

– Давай быстрее, я тебя жду

Юлай Абуталипович вышел из кабинета. Петровский устало откинулся на спинку кресла, расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке. Затем нажал кнопку переговорного устройства.

– Как дела, Инна?

– Я заказала самолет, – сообщила секретарь, – отменила вашу встречу с итальянским послом и вице-премьером. Сказала, что у вас умерла любимая тетька и вы срочно вылетаете.

– Сообщила куда? – оживился Петровский.

– Да. В Санкт-Петербург. Объяснила, что это ваша любимая тетька.

– Молодец, – усмехнулся Петровский. Упоминание Санкт-Петербурга магически действует на чиновников любого ранга, после того как президентом стал выходец из этого города. Теперь любой родственник в Северной столице может оказаться очень полезным.

– Вас ждет Илона, – напомнила секретарь.

– Пусть войдет, – распорядился Петровский. – Может, она лучше предыдущей дуры? Только называй ее Надей, а не Илоной.

«Предыдущая дура» сбежала с каким-то музыкантом, а через месяц приехала и умоляла взять ее обратно. Петровский ее прогнал и приказал никогда не пускать в офис. Если человек не видит собственной выгоды, он ничего не в состоянии понять в этом мире, был убежден он.

Молодая женщина вошла в кабинет и замерла у двери.

– Ближе, – приказал Святослав Олегович.

Она сделала несколько шагов к его столу.

– Еще ближе, – тоном, не терпящим возражения, повторил он.

Девушка подошла к нему.

– У тебя свои волосы или парик? – спросил он, глядя на ее светлые кудряшки.

– Парик, – призналась она.

– Сними.

Она стащила парик. Настоящие волосы оказались каштанового цвета. Короткая стрижка ей шла гораздо больше. Лицо стало

более вытянутым и одухотворенным. Хотя, возможно, это лишь видимость.

– Виктория говорила, что ты не прошла по конкурсу, – вспомнил Петровский.

– Я поступала...

– Неважно, – перебил он ее, – все приезжающие мечтают стать актрисами. Это сразу видно по тебе.

Она стояла, переминаясь с ноги на ногу.

– Раздевайся, – махнул Петровский рукой, – хочу посмотреть, на что ты годишься. Поглядим, какая ты актриса.

Девушка заколебалась. Ему понравилось ее смущение. Значит, еще не совсем испорченная девка. Это очень хорошо.

– Раздеться? – не поверила она услышанному. – Как это – раздеться?

– Снять с себя все, – пояснил Петровский. – Как же ты собиралась быть актрисой, если не можешь раздеться в присутствии постороннего человека? Считаю, что я режиссер.

– А вы действительно режиссер?

– Либо ты сейчас начнешь раздеваться, либо уйдешь отсюда навсегда, – повысил голос Святослав Олегович. – У меня нет времени на разговоры. Считаю до трех. Раз...

Девушка оглянулась по сторонам и молча начала расстегивать юбку. Затем сняла кофту.

Ему не понравились ее колготки, но он оценил, что они были без видимых повреждений. Она вопросительно посмотрела на него.

– Никто не собирается тебя насиловать, – нахмурился он, – раз тебе сказали, значит, нужно раздеваться.

Ее нижнее белье не понравилось ему еще больше. Он чуть поморщился. Разве можно экономить на таких вещах? Через полторы минуты молодая женщина стояла перед ним абсолютно обнаженной, пытаясь прикрыть груди. Он не ошибся. У нее была очень хорошая фигура. Если ее отмыть и научить манерам, можно будет использовать для любой работы.

Петровский встал и подошел к ней. Отвел ее руки, посмотрел на груди. Девушка закрыла глаза. Кажется она была готова к тому, что он сейчас набросится на нее и начнет насиловать прямо в кабинете.

«Начиталась, как все, дешевых детективов», – с огорчением подумал Святослав Олегович, возвращаясь на свое место.

Надя удивленно открыла глаза, не понимая, что происходит.

– Да, – сказал он в ответ на так и не прозвучавший вопрос, – я никогда не встречаюсь с незнакомыми женщинами. Тем более на работе, в своем кабинете. У тебя такое изумленное лицо, будто ты ждала, что я начну тебя убивать прямо здесь. Старайся держать свои эмоции под контролем. И вообще будь готова к любой ситуации.

Она попятилась от него, обиженно заморгав. Он кивнул.

– Одевайся, все в порядке. Отправляйся в магазин и купи себе приличное нижнее белье. Я скажу, чтобы тебе дали деньги.

– Я его в магазине покупала у Киевского вокзала, – обиделась Надя, – говорили, что французское. Триста рублей заплатила.

– Настоящее французское белье стоит от трехсот долларов до тысячи, – поучительно проговорил Петровский, – а тебе продали китайский или турецкий ширпотреб. Купи хорошую одежду, лучше всего джинсы или брюки. И никогда не носи парики, не мажь лицо разной гадостью, иначе у тебя будет аллергия. Сегодня я улетаю в

Курск, а завтра вернусь, и мы поговорим. И еще одно важное условие. Не смей встречаться ни с кем без моего разрешения. Квартиру мы тебе найдем. Будешь получать для начала долларов... пятьсот. Надеюсь, тебе хватит. Квартиру оплачивать будем мы. И еще тебе нужно учиться. Выглядишь, как дешевка. Родители живы?

– Мама жива.

– Откуда ты приехала? Только не ври, я все равно проверю.

– Из Липецка. – Девушка быстро одевалась.

– Давно?

– Полгода назад.

– Заразу никакую не успела подцепить?

– Какую заразу? – Она не поняла, и это тоже было хорошим сигналом.

– Грипп какой-нибудь, – пошутил он, – или ангину. Учти, ты поступаешь на работу в солидную организацию. Один раз увижу, как ты кому-то строишь глазки или решила таким образом поправить свое материальное положение, сразу вылетит с работы. Без разговоров. И вообще из Москвы уберешься.

– Не понимаю, что я должна делать...

– Это я тебе потом объясню. А сейчас иди в тридцать четвертый кабинет, там тебе дадут деньги и скажут, куда ехать.

Она кивнула и вышла.

– Инна, – позвонил Святослав Олегович секретарю, – скажи, чтобы эту девочку одели и привели в порядок. Косметика, парикмахерская, макияж. Пусть найдут ей приличное белье, хорошие колготки. Ты меня поняла? – И, положив трубку, тяжело вздохнул. Странно, что он никак не отреагировал на красивую молодую женщину, стоявшую перед ним обнаженной. А у нее такая отличная фигура! И небольшие груди, как раз помещающиеся в ладонях. Раньше он любил именно такой тип женщин. Но это было давно. Тогда он хотя бы чувствовал некоторое волнение при виде красивого тела. А сейчас ощущал себя врачом, которого ничем нельзя смутить. «Уже сорок пять, – подумал Петровский, – чего мне выпендриваться? С женой у меня все в порядке. А другие женщины меня всегда мало интересовали. Или не интересовали вообще». Действительно, по-настоящему он чувствовал себя удовлетворенным, когда его агентство проводило очередную ус-

пешную пиар–кампанию. Даже деньги и гонорары, получаемые за работу, его волновали не так, как сама возможность проявить себя в очередной раз, доказав всем, что он лучший специалист в этой области. Петровский был трудоголиком и самое большое удовольствие получал от своей работы.

«Нужно завести какую–нибудь любовницу, – неожиданно подумал он, – я становлюсь слишком равнодушным. Так недолго и в импотента превратиться».

– Инна, зайди ко мне, – позвал он секретаршу.

Она вошла в кабинет.

– Как ты думаешь, – неожиданно спросил Святослав Олегович, – я еще могу нравиться молодым женщинам?

– Вас интересует конкретно мое мнение или вообще? – уточнила она, не улыбнувшись.

– И то, и другое.

– Мне вы нравитесь. А вообще не знаю. Если вы имеете в виду девицу, которая сейчас вышла...

– Спасибо, можешь идти, – отмахнулся Петровский. Когда она ушла, он про-

шел во вторую комнату, находящуюся за кабинетом, встал перед зеркалом и внимательно посмотрел на себя. Мужчина средних лет с отеком лица, намечающимся вторым подбородком. Хорошо, что волосы еще в порядке, хотя уже начинают образовываться залысины. И зубы хорошие. Он улыбнулся своему отражению. И для такого тела хотят заказать «гроб»? Этот дурачок Качанов считает, что может ему угрожать. Наверное, даже не предполагает, что ничего не сможет сделать. Петровскому достаточно поднять трубку – и к вечеру Качанов уже будет разговаривать с чертями на том свете. Эта «операция» стоит совсем недорого. Однако такое решение проблемы слишком непрофессионально. Репутация дороже. Если просочится слух, что его клиент, заплативший два миллиона, не только не прошел в депутаты, но и случайно оказался убитым, в агентство «Миллениум» больше никто не обратится. Тогда можно потерять гораздо более крупные деньги, а главное – репутацию успешного профессионала, нажитую очень нелегким трудом.

ВОСПОМИНАНИЯ

В конце восьмидесятых, когда разрешили кооперативы, он еще работал в конструкторском бюро. Они неплохо разбирались в компьютерах и, создав тогда первый кооператив, заработали миллион рублей уже к началу девяностого года. Рынок огромной страны насыщался дешевым ширпотребом: турецким текстилем, польской кожей, тайваньской бытовой техникой, китайскими пуховиками. Кооператив Петровского доставлял компьютеры. Все шло хорошо, вот только деньги обесценивались быстрее, чем они их зарабатывали. Именно в этот момент он и познакомился с Юлаем Абуталиповичем, который переводил деньги на фиктивные счета, обналичивая огромные суммы. К девяносто первому году их кооператив насчитывал уже двадцать восемь человек, а оборот фирмы составлял более десяти миллионов рублей. Первый тревожный звонок грянул в январе девяносто первого, когда премьер Павлов начал проводить свою своеобразную денежную реформу. Нужно было за несколько дней обменять все крупные купюры, имевшиеся в наличии.

По досадной случайности как раз к началу объявленной реформы они получили крупную сумму за новую партию компьютеров. Пришлось разделить ее между всеми сотрудниками, привлечь к делу их жен и детей, чтобы не потерять эти деньги. Потом начались многочисленные проверки, и часть заработанного пришлось потратить на ревизоров и сотрудников банков, дотошно старающихся их в чем-то уличить. А в середине девяносто первого, когда начался всеобщий неуправляемый бардак, они потеряли сразу две партии компьютеров. Первую разграбили в товарном вагоне, проходящем через Харьков, а вторую украли в суматохе, царившей в аэропорту Новосибирска. Два таких удара подряд стоили слишком дорого небольшому кооперативу. В конце девяносто первого на счету у них оказалось всего около двух миллионов рублей. Хорошо еще, что по настоянию Юлая Абуталиповича успели расплатиться со всеми долгами. А затем наступил январь девяносто второго, когда все цены взлетели до немыслимых высот. Повсюду в городах стояли толпы людей, торгующих всяким ширпотребом. Деньги обесценивались так стре-

нительно, что превращались в ничего не стоящие бумажки.

Два года они еще пытались выжить, придумывали всевозможные оплаты в рассрочку, поставляли качественные компьютеры из Европы, искали новые формы сбыта. Но ничего не помогало. Маленький кооператив без поддержки государственных чиновников был обречен. Уже позже Петровский понял свою главную ошибку. Он работал по обычной схеме, принятой в других странах, рассчитывая получать минимальную прибыль за свой товар. А нужно было найти поддержку в лице государственных чиновников, которые могли гарантировать любые прибыли. Достаточно было оформить крупный заказ на поставку компьютеров в любое министерство или на крупное предприятие. Никого не интересовало, что компьютеры были устаревшими и не годились для работы. Зато можно было получить настоящие деньги, а модная техника списывалась в утиль. Масштабы грабежа собственной страны не поддавались никакому учету, но Петровский все еще пытался играть по каким-то правилам.

Эти два года многому его научили. Позже он узнал, что ушедший из его кооперати-

ва бухгалтер Яша Слаповский сумел заработать за этот период более двухсот миллионов долларов. Яша не был финансовым гением и тем более изобретателем новых технологий. Он нашел необходимые знакомства в министерстве внешнеэкономических связей и регулярно получал лицензии на вывоз нефти и газа из страны. При невероятной разнице между внутренними и внешними ценами любое разрешение подобного рода автоматически делало человека миллионером. Почти все высшие чиновники министерства, работавшие в тот период, стали успешными финансистами, суммы взяток зашкаливали за миллионы долларов.

К девяносто третьему году стало ясно, что кооператив разваливается. Нужно было уходить в структуры, близкие к государственным предприятиям. Воровать по-крупному и делать настоящее состояние можно было только из денег государственного бюджета. К этому времени один знакомый Петровского, подрабатывающий частным автомобильным извозом, стал миллиардером за счет близости к московской мэрии и размещения в ее банке счетов государственных предприятий и министерств. Другой знако-

мый, занимавшийся мелкой фарцовкой и спекуляцией, стал еще более богатым человеком благодаря махинациям с целым рядом государственных предприятий, которые были переданы в его распоряжение одним росчерком пера. Петровский знал, что некоторые подобные решения подписывались в ресторанах, во время деловых встреч или в саунах, где велись приватные беседы. Президент, ничего не смыслящий в экономике, поручил ее реформировать группе молодых проходимцев. Они взялись за дело с энергией, свойственной людям, совершенно не знакомым с существом дела. Среди них были откровенные циники, которые нагло и беззастенчиво грабили собственный народ, обманывая не только главу государства, но и собственное окружение. Правда, были и другие, искренне верящие, что все трудные экономические вопросы можно решить за несколько месяцев, одним указом освободив все цены. Однако и первые, и вторые, как правило, не забывали набивать собственные карманы, считая это нормальным в процессе гигантской распродажи страны, какой еще никогда не было в истории мировой цивилизации. В результате

противостояние президентских структур и Верховного Совета достигло своего пика к осени девяносто третьего и вылилось в ожесточенное противоборство.

После расстрела парламента, показательно демонстрировавшегося по телевизору, уже ничто не могло остановить новый курс. К этому времени основные игроки на рынке уже разделили все национальные богатства огромной страны и начали ожесточенную борьбу за новые сферы влияния.

К началу девяносто четвертого года стало ясно, что кооператив нужно закрывать. Насыщенность рынка компьютерами была очевидной для любого беспристрастного аналитика. Петровский впервые задумался, как ему существовать дальше. И именно в это время к нему обратился Яша Слаповский, его бывший бухгалтер, ставший весьма состоятельным человеком.

Слаповский хорошо знал аналитические способности своего бывшего патрона. И он предложил ему помочь одному своему знакомому в Псковской области одержать победу на выборах. Гонорар был неслыханный. Слаповский предложил триста тысяч долларов – гораздо больше, чем они могли

получить в своей фирме за несколько месяцев работы. Петровский собрал всю свою команду и выехал в Псков. Выборы должны были состояться через четыре месяца. Человек, за которого платил Слаповский, отставал от основного кандидата на двадцать пять процентов. Было ясно, что они рискуют не получить денег.

Петровский решил проявить всю свою изобретательность. Были отпечатаны сотни листовок, по телевизору начали крутить рекламные ролики их кандидата, старушкам платили деньги, чтобы они распространяли грязные слухи об основных соперниках. Слухи рождались один чудовищнее другого. И наконец Святослав Олегович придумал совершенно уникальное ноу-хау в избирательных технологиях.

Когда невероятными усилиями удалось поднять рейтинг их кандидата так, что разрыв между ним и противником составил всего семь процентов, он предложил следующее. Соперника звали Михаилом Александровичем Шевелевым, и по всему городу висели плакаты с призывом голосовать за Михаила Шевелева. Петровский приказал своим ребятам найти в области другого Ми-

хаила Шевелева. После долгих поисков в небольшом городке Изборске, расположенном почти на границе с Эстонией, такой мужчина отыскался – Михаил Алексеевич Шевелев. Он был старше своего однофамильца на двенадцать лет, работал сторожем в магазине и часто напивался до такого состояния, что уходил в глубокий запой на несколько дней. Понадобилась неделя, чтобы привести его в относительный порядок. Ему вставили зубы, купили костюм и зарегистрировали его в качестве кандидата в депутаты. Соперники опешили от такой наглости. Никто не ожидал, что в избирательных бюллетенях появятся сразу два Михаила Шевелева. Но формально все выглядело правильно, а избиратель не обязан был знать, что отчество первого несколько отличалось от отчества второго. Теперь реклама Михаила Шевелева заработала сразу на двоих кандидатов. Представители соперника пытались подать в суд, но было уже поздно. В результате выборов второй Шевелев получил восемь процентов голосов и оттянул на себя избирателей настоящего Шевелева. Зато кандидат Петровского получил на полтора процента больше других и стал депутатом.

Яша Слаповский лично привез деньги. Триста тысяч долларов в упаковках.

Получив их, Святослав Олегович целый день просидел в своем кабинете, обдумывая судьбоносное решение. И к вечеру понял, что с этого момента его кооператив больше не будет функционировать. Вместо него появилось частное аналитическое агентство «Миллениум», призванное помогать политикам во время избирательных компаний. Первые деньги были заработаны в Пскове. Но по-настоящему важным для Петровского и его агентства стал девяносто пятый год, когда они приняли участие в выборах мэра Северобайкальска. Именно тогда он окончательно понял, что его призвание – политика. И тогда же прочувствовал все сложности, с которыми ему придется столкнуться. Впервые в судьбе Святослава Олеговича речь шла о его собственной жизни.

Когда они взлетели, Петровский с раздражением подумал, что за аренду самолета придется заплатить еще тысяч сорок. Ничего, если все пройдет благополучно, они впишут и это в счет нового депутата. Качанов должен понять, что авария не входила в их планы.

Хотя по большому счету это, конечно, личный прокол самого Святослава Олеговича. Нужно было предусмотрительно оставить в списках кандидатов еще одного «дурачка», чтобы гарантировать прохождение бизнесмена. Но они настолько были уверены в собственных силах, что решили ограничиться одним соперником. Кто же мог предположить, что за два дня до выборов он отправится за молоком в эту проклятую деревню?!

Петровский поморщился. На высоте самолет начало слегка трясти. Появившаяся стюардесса предложила что-нибудь выпить.

– Не нужно, – отмахнулся Святослав Олегович, – когда мы прилетим в Курск?

– Через час, – улыбнулась она.

– И нас все время будет так качать?

– Мы в зоне турбулентности, – пояснила стюардесса.

– Можно поменять коридор, – мрачно посоветовал Петровский, – хотя мне все равно. Когда будем садиться, скажите мне, я свяжусь с моим помощником. Надеюсь, мне разрешат разговаривать по мобильному телефону?

– Правила безопасности полетов... – начала девушка.

– Они не для нас, – отмахнулся Петровский, – и вообще не мешайте мне. Я нанял частный самолет, чтобы работать в полете, а не кататься на вашем вездеходе.

Рядом с ним находились двое его сотрудников. Они молча переглянулись, понимая настроение шефа. У одного в руках был дипломат с деньгами. Святослав Олегович достал телефон и набрал номер Бубенцова.

– Как у вас дела? – спросил он своего помощника.

– Мы едем в аэропорт, – сообщил Паша.

– Я не спрашиваю, куда ты едешь, – разозлился Петровский. – Как здоровье этого придурка?

– Плохо, – виноватым голосом ответил Бубенцов. – Я оставил в больнице моих людей. Они дежурят рядом с реанимацией, но врачи говорят, что он скоро умрет. У него... подождите, сейчас прочту, я записал... У него... «Травмы, не совместимые с жизнедеятельностью».

– Мог бы и запомнить, – огрызнулся шеф. – Каждый раз удивляюсь, почему я тебя терплю.

– Его с трудом достали из автомобиля, – безжалостно добавил Паша. – Врачи счита-

ют, что он должен был умереть еще несколько часов назад.

– Это ты должен был мне сообщить в первую очередь, – повысил голос Петровский. – Надеюсь, он не умрет, пока мы не прилетим в Курск. Кто там главный врач больницы?

– Симонов. Игорь Сергеевич Симонов, – отчеканил Бубенцов. – Я собрал на него целое досье. У него дочь в Нижнем Новгороде, живет с мужем и двумя детьми. Она работает в музыкальной школе, муж военный. Еще у него есть младшая дочь, которая живет с ним. Она разведена, у нее один сын...

– Сам Симонов женат?

– Да. Жена тоже врач, но уже на пенсии. Вышла два года назад. Все говорят, что Симонов очень хороший врач, в городе его уважают.

– Теперь я знаю, почему до сих пор тебя не выгнал, – усмехнулся Петровский.

– Что? – не понял Бубенцов.

– Ничего. Хорошо, что собрал все данные. Домашний адрес главного врача у тебя есть?

– Конечно, есть.

– Молодец. В общем, встречай нас минут через сорок.

– Я вам еще хотел сказать... – несмело начал Паша.

– Что еще?

– Качанов выехал из Москвы. Он бросил все свои дела и едет на двух машинах в Курск. Хочет узнать, что случилось с Нечипоренко. Разговаривал со своим предвыборным штабом, предлагает проводить выборы в любом случае и никому не сообщать о смерти Нечипоренко, если тот умрет.

– Идиот, – выругался Петровский. – Впрочем, имея дело с таким типом, нужно быть готовым ко всему. Когда он должен приехать в Курск?

– Часа через три, раньше не успеет, даже если будет гнать машины всю.

– Прямо из аэропорта мы едем в гости к твоему Симонову, – решил Петровский. – Что говорят лечащие врачи?

– Они считают, что нужно отключить систему искусственного дыхания. Все равно сердце бьется вхолостую. Ждут, когда дадут согласие родственники.

– Где сейчас его жена?

– В больнице. Она ничего не соображает. Плачет и кричит.

– Когда придет в себя, будет поздно. Найди какую-нибудь сердобольную старушку и пошли за ней. Пусть объяснит жене, что самоубийство – большой грех, чтобы та настаивала на лечении, ни в коем случае не разрешала отключить аппаратуру. Ты меня понимаешь?

– Уже звоню по другому телефону. Найдем их соседку. Мы ей платим деньги уже два месяца. Она ходит домой к Нечипоренко и узнает для нас все новости. Жена Нечипоренко ей доверяет. Такой «божий одуванчик». Сейчас скажу, чтобы организовали машину и привезли ее в больницу

– Правильно. – Петровский знал про соседку и недовольно подумал, что сам должен был предложить такой вариант. Когда случаются похожие трагедии, потрясенные родственники больше доверяют знакомым людям, хватаясь за любую возможность.

– Действуй. – Он отключился и сразу набрал номер телефона Юлая Абуталиповича, а когда тот ответил, спросил: – Что у нас в Омске?

– Плохо, – признался Юлай. – Губернатор настаивает на личной встрече. Хочет обговорить все условия в случае поражения его кандидата.

– Какой у нас рейтинг?

– Фифти–фифти, никакой гарантии. В последний момент они смогут задействовать своих людей. В городах мы постараемся проконтролировать ситуацию, но в селах и поселках они вбросят дополнительные бюллетени, и мы ничего не сможем сделать. Правда, во второй тур наш кандидат все равно гарантированно проходит. Хотя, конечно, было бы лучше, если бы он набрал больше голосов, чем его соперник. У того может оказаться мощная поддержка. Особенно в рабочих поселках, где этого директора комбината хорошо знают. Впрочем, Бронштейн обещает, что все будет в порядке.

– Что предлагаешь делать?

– Нужно лететь в Омск. Я знаю, что в Курске у тебя тоже важное дело, но если мы упустим Омск, то потеряем «Финойл». А они наши крупнейшие заказчики. Ты помнишь, сколько они нам заплатили в прошлом году?

– Я могу не успеть, – глянул на часы Петровский. – Из Курска до Омска на пря-

мую не добраться. Может, ты полетишь вместо меня?

– Губернатор не будет разговаривать ни с кем, кроме тебя, – возразил Юлай. – Ты у нас известная личность, про тебя в газетах пишут, на телевидении твое мнение спрашивают. Меня он даже не примет.

– Сукин сын, – зло отреагировал Петровский. – Ведь специально ждал до последнего дня, чтобы начать торговаться. Может, мы все–таки сумеем протолкнуть нашего кандидата? В общем–то у Леонида Исааковича осечек никогда не было.

Леонид Исаакович Бронштейн по праву считался ведущим специалистом их аналитического агентства. Он вернулся из Америки еще семь лет назад и с тех пор работал консультантом в «Миллениуме». Бронштейн был гражданином Советского Союза. Родился в Одессе и жил там до восемнадцати лет, после чего переехал в Москву и поступил в МВТУ имени Баумана. Получив высшее образование, несколько лет работал по специальности, а затем эмигрировал в Соединенные Штаты. Это было в восемьдесят втором году, когда перемены в обществе казались невозможными.

Леонид Исаакович прожил в Америке четырнадцать лет, сумел получить американское гражданство и создать небольшую рекламную фирму. Дела у него шли неплохо, но в начале девяностых он переключился на новых советских миллионеров, которым требовалась консультация по финансовым вопросам в Америке. А через несколько лет Бронштейн перевел свой бизнес в Москву. Именно тогда Петровский с ним и познакомился. Леонид Исаакович получал за свои услуги очень много, больше всех остальных сотрудников «Миллениума», вместе взятых. Его гонорар составлял от ста тысяч до полумиллиона, но Петровский считал сотрудничество с ним весьма выгодным. Он стоил таких денег, гарантируя прохождение любого кандидата. А кроме того, казался неистощимым на всевозможные выдумки.

– Бронштейн тоже считает, что ты должен прилететь в Омск, – безжалостно сообщил Юлай.

– Иногда я думаю, что у тебя нет нервов, – пробормотал Петровский. – Мог бы мне этого и не говорить.

– Позвони ему, – посоветовал Юлай.

– Ты же знаешь, он не любит, когда его дергают.

– Двадцать минут назад он сам мне звонил. Я думал – ты еще летишь, не хотел тебя беспокоить.

– Я включил телефон в самолете, – сообщил Петровский, почувствовав, что их закачало еще сильнее. – Надеюсь, с этим корытом ничего не случится.

Он набрал номер Бронштейна и подождал, когда тот ответит. Годы, проведенные в Америке, сказались на речи Леонида Исааковича – он говорил по-русски с заметным акцентом.

– Добрый вечер, Леонид Исаакович, – начал Петровский, услышав знакомый голос.

– Здравствуйте, Святослав Олегович. Я звонил к вам в Москву, но Юлай Абуталипович сказал, что вы вылетели в Курск. Пытался перезвонить по вашему мобильному, но он был отключен.

– Я отключил его, когда мы взлетали, – пояснил Петровский, – а сейчас включил.

– Еще в самолете? – ужаснулся Бронштейн. – Это очень опасно. Может, мы поговорим, когда вы сядете?

– Мне разрешили разговаривать, – соврал Петровский, покосившись на двух стюардесс, скромно сидящих в конце салона. – Зачем губернатор хочет со мной встретиться?

– Чтобы поторговаться, – коротко ответил Леонид Исаакович. – Очевидно, понимает, что его кандидат может проиграть. Дело в том, что его директор – весьма непопулярная личность в рабочих поселках. С одной стороны, он, конечно, играет роль отца-благодетеля, раздавая продукты и пайки пенсионерам, а с другой – мы запустили слух, что деньги за эти «подачки» вычитаются из фонда заработной платы комбината и фонда социальной защиты. В общем, люди получают продукты и ругают своего директора.

– Получают, но все-таки ругают, – усмехнулся Петровский. – Типичная психология люмпенов.

– Ну не скажите, – возразил Бронштейн. Он был настоящим психологом. – Людям вообще трудно отказаться от любого дара. «Бойся данайцев, дары приносящих». Это не люмпенская психология, а нормальная. Вы же знаете, что премию «Триумф» присуждают самым известным деятелям культуры нашей страны – он именно так и

сказал: «нашей», – это огромная сумма в пятьдесят тысяч долларов. Всем прекрасно известно, кто дает эти деньги и откуда они у спонсора. Но ни один из уважаемых деятелей культуры за все время существования «Триумфа» не отказался от пятидесяти тысяч долларов. Ни один. Хотя все глубоко презирают выдающего их спонсора. Или вы считаете, что это тоже «люмпенская» психология?

– Вы, как всегда, правы, – согласился Петровский. – Какой у нас рейтинг?

– Примерно равный с соперником, но мы немного впереди. Осталось два дня, и я думаю, что неожиданностей не произойдет. Наш кандидат и директор комбината пройдут во второй тур. Гарантированно пройдут. А во втором туре у нас есть эффективные резервы для усиления. Сразу двое кандидатов твердо обещали отдать нам голоса своих избирателей. Думаю, мы победим во втором туре при любом раскладе. Поэтому губернатор и хочет заранее обговорить условия своего поражения. Похоже, его команда тоже умеет просчитывать варианты. Хотя мне все равно не нравится эта неожиданная встреча, и я пытаюсь узнать, что именно произошло в Москве. Я имею в виду наших спонсоров.

– Понимаю. Значит, мне нужно прилететь в Омск?

– Желательно. Если вы увидите с губернатором до первого тура, возможно, у нас не будет никаких проблем. Мы снимем противостояние и сможем провести нашего кандидата без лишней нервозности.

– Когда встреча? – выдохнул Петровский.

– Завтра днем. Губернатор будет вас ждать. Он, кажется, немного комплексует, когда имеет дело со мной. Американский гражданин, и к тому же еврей, его сильно смущает. Сейчас все немного патриоты и антиамериканцы, независимо от того, к какой партии они принадлежат. Хотя на губернатора давят из Москвы.

Они требуют, чтобы прошел кандидат от правящей партии.

– Обязательно прилечу, – согласился Петровский, – хотя еще не представляю, как это сделать.

Он убрал телефон и, взглянув на стюардессу, подходившую к нему в начале полета, спросил:

– Мне можно пройти в кабину экипажа?

Она посмотрела на свою напарницу и несмело ответила:

– Это запрещено, но вы можете войти.

– Я не собираюсь угонять ваш самолет, тем более что сам за него заплатил, – улыбнулся Святослав Олегович, поднимаясь с места.

Трое мужчин, сидевших в кабине пилотов, повернулись к гостю.

– Извините, ребята, что я вас беспокою, – начал Петровский, – но у меня большая проблема. В Курске я пробуду часов пять, а потом мне очень нужно вылететь в Омск.

– Куда? – не поверил второй пилот.

– В город Омск, – терпеливо повторил Святослав Олегович. – У меня там срочное дело.

Пилоты переглянулись.

– Это невозможно, – сказал первый пилот. Ему было не больше пятидесяти. Сухопарый, худощавый мужчина с седыми волосами и резкими чертами лица.

– Почему невозможно? У вас не хватит топлива? Мы можем заправиться в любом городе по пути туда.

– Нет, вы меня не поняли. Дело не в топливе. У нас небольшой самолет. До Курса и обратно мы можем летать, а в Омск нам придется лететь часов десять или двенадцать.

цать. На нашем самолете мы туда не долетим. Нам придется сделать как минимум две посадки.

– Значит сделаем, – согласился Петровский.

Летчики снова переглянулись.

– Невозможно, – повторил первый пилот, – очень далеко. Надо прокладывать новый маршрут, согласовывать наш полет. И вместе с посадками это займет еще больше – часов четырнадцать или пятнадцать. Вам лучше лететь рейсовым самолетом, так будет гораздо быстрее.

– Понятно. Спасибо, ребята. Уважаю профессионалов. – Он вышел из кабины, доставая телефон. И набрал номер Инны: – Срочно выясни самый быстрый маршрут по трассе Курск–Омск. Мне нужно знать, как можно быть к утру в Омске. Ты все поняла?

– Вы уже прилетели в Курск?

– Нет. Черт побери, нас так трясет! Только садимся. Узнай побыстрее, как можно добраться до Омска. Сейчас семь часов вечера. Считай, что я должен улететь из Курса после двенадцати. Ты все поняла? У тебя есть несколько минут, пока мы при-

землимся. Жду твоего звонка. – Он вернулся на свое место, наконец убирая телефон. Болела голова от постоянного напряжения.

– Извините, – робко произнесла стюардесса, подходя к нему.

– Опять хотите напоить меня водой? – пошутил Петровский. – Или водкой?

– Нужно пристегнуться. Мы начинаем снижение.

– Обязательно. – Он пристегнулся. – А знаете что? Дайте мне стакан газированной воды.

– Хорошо. – Стюардесса улыбнулась. Этот незнакомый мужчина ей понравился. Он проговорил все время по телефону, и было очевидно, что у него много работы. Он не выпил за все время пути ни капли спиртного и даже не приставал к миловидным стюардессам. Предыдущие хамы, заказывающие индивидуальные рейсы, как правило, опустошали бары и приставали к стюардессам, считая, что за все уплачено.

Она принесла воды и, дождавшись, когда он выпьет, унесла стакан.

– Девушка, – позвал ее Петровский.

– Что? – обернулась к нему стюардесса.

– Как вас зовут?

– Анна, – ответила она, глядя прямо на него.

– Спасибо вам, Анна, – поблагодарил он, закрывая глаза. И не дожидаясь ее вопроса, пояснил: – За то, что не мешали.

Самолет пошел на посадку. В этот момент позвонила Инна. Петровский достал телефон.

– Вам лучше вернуться в Москву до одиннадцати вечера и вылететь в Омск отсюда. Есть рейс «Аэрофлота», самолет вылетает из Шереметьева без пяти минут двенадцать. Вы будете в Омске в шесть часов десять минут утра по местному времени.

– Шесть часов лета? – изумился Петровский. – В прошлый раз я летал через Нижний Новгород быстрее.

– Только три часа. Это разница во времени между Москвой и Омском, – напомнила Инна.

– Действительно, забыл. Но я не успею к одиннадцати. Никак не успею.

– Тогда можно через Екатеринбург. Если вы сумеете быть к утру в Волгограде, то сможете вылететь оттуда в Екатеринбург, а затем с пересадкой в Омск. Будете в городе к одиннадцати часам утра, – доложила Инна.

– Это меня больше устраивает. Когда нужно быть в Волгограде?

– Хотя бы в шесть утра.

Петровский задумался. Обернулся к одному из своих сотрудников.

– За сколько можно доехать на машине от Курска до Волгограда?

– Часов за пять, – ответил сотрудник, – может, немного меньше. Но ночью лучше перестраховаться. Дороги плохие.

Петровский нахмурился. Самолет уже сдвинулся. Инна терпеливо ждала, что он решит.

– Закажи нам билеты в Омск через Екатеринбург, – решил Святослав Олегович, – я постараюсь успеть в Волгоград. Ты как договаривалась с самолетом? Он должен отвезти меня обратно в Москву?

– Конечно. Мы заказали рейс в оба конца. Туда и обратно. Так дешевле. Юлай Абуталипович предложил оплатить рейс в оба конца. Он сказал, что вам не обязательно оставаться в Курске на всю ночь.

– Правильно сказал. – Петровский посмотрел на часы. Нужно договориться с летчиками. – Заказывай три билета. Мы полетим все вместе. Чтобы билеты ждали в аэропорту. У них есть там депутатская комната?

– Я все узнаю, – пообещала Инна.

Он решительно расстегнул ремни, поднимаясь с места.

– Мы уже садимся, – крикнула стюардесса.

– Ничего, – отмахнулся Петровский, проходя в кабину экипажа.

– Вернитесь на свое место, – предложил первый пилот, когда он открыл дверь в кабину.

– Я не хочу вас отвлекать, – прокричал он. – А в Волгоград вы можете полететь?

Летчики переглянулись в очередной раз.

– У нас полетное задание только в Курск и обратно, но если вам нужно...

– Меняйте маршрут, – приказал Петровский. – Вылетим в два часа ночи. Или в час, я пока точно не знаю. Полетим в Волгоград... Я не буду возвращаться обратно в Москву.

– Хорошо, – согласился первый пилот, – но вы должны договориться с нашей фирмой.

– Разумеется, – согласился Петровский, держась за стенки кабины. – Я прямо сейчас перезвоню. Будете ждать меня в аэропорту. Надеюсь, до Волгограда у вас хватит горючего? И, кроме того, каждый из вас получит по тысяче долларов за ночное бес-

покойство. Все, включая стюардесс, – добавил он улыбнувшись.

– Спасибо, – усмехнулся первый пилот, – вы, видимо, очень занятой человек.

– Очень, – согласился Петровский. – Иногда сам удивляюсь, насколько я занятой человек.

В аэропорту их ждали два автомобиля. Сотрудники разместились в заказанном джипе, а для Петровского нашли приличную иномарку – почти новый «Ауди». Машины тронулись в город, когда Бубенцов дрожащим от волнения голосом начал докладывать:

– У нас пока все в порядке. Старушку-соседку уже отвезли на нашей машине в больницу. Я пообещал ей пять тысяч рублей, если она будет все время с женой Нечипоренко. Пусть убеждает ее, что врачи должны бороться за жизнь любого, даже самого безнадёжного пациента до конца. Так и сказал.

– А что врачи?

– Все нормально. Симонов уехал домой, а лечащий врач ничего не решает без главного. Но там есть один молодой аспирант, такая гнида...

– Не понял. Опять проблемы?

– Нет–нет, никаких проблем. Просто он очень продвинутый. Все время говорит, что нужно отключить Нечипоренко от аппарата искусственного дыхания и использовать его тело как донорское для других больных.

– Я его самого использую как донора, – со злостью пообещал Петровский. – Умные все стали! У этого несчастного Нечипоренко ни сердце, ни печень, ни почки давно ни на что не годятся. Их пересаживать никому нельзя.

– Активисты их партии требуют тщательного расследования по факту аварии, – добавил Бубенцов, – в прокуратуре им обещали выдать заключение экспертов. Но это глупо. Аварию видели несколько человек, все свидетели говорят одно и то же.

– Это меня меньше всего беспокоит. – Петровский помолчал, затем сказал: – У нас есть три возможных варианта. Первый для нас самый надежный. Любым способом продержат Нечипоренко до выборов. Хотя бы еще два дня. Тогда не будет никаких проблем, и Качанова выберут в это воскресенье. Вариант второй, если Нечипоренко умрет, – он увидел, как съежился от страха Па-

ша, – нужно уговорить прокурора или председателя областного суда внести протест по поводу исключения из избирательных списков учителя истории. Завтра суббота, но это можно сделать сегодняшним числом, если мы, конечно, договоримся. Протест должен быть принят и рассмотрен. Для этого твоим ребятам необходимо найти председателя местного суда, чтобы тот согласился принять протест задним числом, рассмотреть его и отменить решение его судьи. Тогда мы снова включим нашего учителя, и Качанов сможет принять участие в выборах. Как ты думаешь, у этого историка есть шансы победить нашего кандидата? Только честно?

– Процентом двадцать пять коммунисты всегда набирают, – напомнил Паша. – Но Качанов победит в любом случае. Даже если в первом туре не наберет больше пятидесяти.

– Нужно, чтобы набрал, – решительно заявил Петровский, – ему приспичило стать депутатом именно в это воскресенье, иначе его потом арестуют. Приходится помогать всякому сброду, – в сердцах добавил он.

Бубенцов деликатно промолчал.

– И третий вариант, – продолжил Петровский, – самый рискованный. Необходимо

скрыть смерть Нечипоренко и договориться с врачами, что они сохранят это в тайне еще двое суток. Какой вариант лучше выбрать?

Паша не решился заговорить. Он знал характерную манеру своего шефа. Тот умело формулировал задачи и сам же давал варианты их разрешения, выбирая наилучший. Собеседник ему был нужен лишь для того, чтобы слушать и соглашаться с его мнением.

– Применим все три варианта, – холодно констатировал Святослав Олегович, – сделаем так, чтобы гарантировать этому сукину сыну попадание в депутаты.

– Он скоро приедет в Курск, – напомнил Бубенцов, – боюсь, может нам все испортить.

– Если я еще буду думать о нем, то у меня вообще не хватит никаких сил. Пусть ведет себя скромнее. Тебе сообщат, когда он появится в городе?

– Да. Я заплатил дежурным на посту ГАИ. Они позвонят, когда машины Качанова будут въезжать в город.

Петровский кивнул и закрыл глаза.

К больнице они подъехали через полчаса. Святослав Олегович и Паша вошли в здание и направились к реанимационному

отделению. У дверей их ждали двое сотрудников Бубенцова. Здесь же на стульях сидели жена и дочка Нечипоренко. Их утешала пожилая женщина в платке, которая гладила несчастную женщину по плечу и что-то тихо ей говорила.

Бубенцов требовательно постучал в дверь. Им открыла медсестра, уже знавшая, что из Москвы приедет очень важный гость. Она молча пропустила гостей в отделение. Бубенцов протянул ей пятьсот рублей. Для медсестры это были немалые деньги – половина ее месячной зарплаты. Они прошли дальше. У дверей палаты, где находился больной, остановились. Паша показал через стекло на больных.

– Их здесь двое. Он и еще один инвалид. Упал в открытый канализационный люк, говорят, что повредил себе печень.

Петровский поморщился и посмотрел через стекло на обоих лежащих на кроватях.

– Что вы здесь делаете? – услышал он возмущенный голос за спиной и обернулся.

Перед ними стоял молодой человек лет двадцати пяти. Русые волосы, правильные черты лица, пухлые губы и светлые глаза. Больничный халат явно великоват. Было за-

метно, как он смущается, общаясь с посторонними. Петровский с интересом посмотрел на него, затем перевел взгляд на Бубенцова, требуя объяснений.

– Аспирант, – пояснил Паша, – тот самый.

Святослав Олегович развернулся к молодому человеку.

– Я представитель избирательной комиссии, – сообщил он. – Мне нужно знать, что случилось с нашим кандидатом в депутаты. Какое у него состояние?

– Извините, – пробормотал аспирант, – я не знал. Ему очень плохо. Думаю, до утра не дотянет. Обширные внутренние повреждения, кровотечение. Отказала левая почка. Серьезно поврежден мозг. Но сердце пока держится. Хотя я объяснил его супруге, что это одна видимость. Мы уже потеряли его как личность. К сожалению, он не сможет поправиться, это невозможно.

– Что вы предлагаете? – деловито спросил Петровский.

– Отключить аппаратуру и не мучить человека, – ответил молодой человек. – Зачем продлевать его агонию? Всем понятно,

что он рано или поздно умрет. По-моему, гораздо гуманнее дать ему спокойно заснуть.

– Вы православный человек? – строгим голосом поинтересовался Святослав Олегович.

– Вообще-то я атеист, – улыбнулся молодой врач. – Трудно быть верующим, когда специализируешься на хирурга.

– А он православный, – заявил Петровский, – и его семья тоже глубоко верующие люди. Представьте, какую боль вы наносите им вашим предложением. Покончить с собой – значит лишиться божьего благословения. Для верующих людей такой грех просто невыносим. Не говоря уже о том, что по правилам православной церкви самоубийц нельзя отпевать и хоронить рядом со всеми. Вы понимаете, на какую боль обрекаете его родных и близких?

– Об этом я не подумал, – пробормотал изумленный аспирант, – но раз вы так считаете... Он ведь все равно уже умер. Только сердце пока работает.

– Это вы так считаете, – строго проговорил Петровский, не позволяя собеседнику обороняться, – но его близкие сидят сейчас за дверью. Они молятся о его благополучии. Неужели вы такой черствый человек?

– Я не настаиваю, – выдавил молодой врач, – если вы так думаете. Конечно, мы будем держать его здесь столько, сколько будет работать его сердце. Никто не посмеет отключить больного от аппаратуры без разрешения родных.

– Вот это правильно, – согласился Святослав Олегович, – вы должны помнить то, о чем я вам сейчас говорил. А теперь выйдите к жене несчастного, утешьте ее и подбодрите, она так нуждается в вашей поддержке. И не нужно говорить о поврежденном мозге. Зачем лишать человека последней надежды? Пусть думает, что у ее супруга еще есть возможность выкарабкаться, уйти от неминуемой смерти.

– Конечно, – пробормотал вконец запутавшийся аспирант. – Я прямо сейчас... Извините... я пойду. – И он поспешил отойти. Восхищенный Бубенцов радостно произнес:

– Вы гений, Святослав Олегович. Теперь он будет играть на нашей стороне.

– От этого нам не легче, – прагматично заметил тот, – хотя одной маленькой проблемой стало меньше. Где лечащий врач? Найди мне его.

– Сейчас приведу. – Бубенцов побежал в конец коридора. Петровский посмотрел

ему вслед. Паша, конечно, человек проверенный и работоспособный. Но отсутствие инициативы ничем не заменишь. Он всего лишь прекрасный исполнитель. Другое дело Леонид Исаакович. Этот может придумать такую невероятную комбинацию, что никто, кроме него, не поймет истинного мотива сделанного.

Паша вернулся с лечащим врачом, мужчиной средних лет, в помятом белом халате. У него была круглая голова, редкие, словно завитые, каштановые волосы, крупный мясистый нос. Подойдя к Петровскому, он коротко представился.

– Михаил Сидоров.

– Очень приятно. – Петровский пожал протянутую руку. – Я из Центральной избирательной комиссии, из Москвы, Святослав Петровский. Вы, наверно, знаете, что ваш пациент был зарегистрирован кандидатом в депутаты Государственной думы по вашему избирательному округу.

– Он и Качанов, – кивнул врач, – об этом знают все наши жители.

И за кого вы лично собираетесь голосовать? – поинтересовался Святослав Олегович. – Если, конечно, не секрет?

– Никакого секрета. Только за Качанова. Он деловой мужик, у него есть деньги, связи. А этот несчастный приличного дома до сих пор не имеет. Если он себе ничего пробить не может, разве сумеет для нас что-нибудь сделать? Зачем нам такой депутат? – пожал плечами Сидоров.

– Справедливо, – поддержал его Петровский, – но спасать нужно всех, независимо от ваших политических воззрений.

– Кто же его убивать собирается? – пошутил Сидоров. – Он и так уже не жилец. Никто не виноват, что Нечипоренко попал в такую аварию. Мы сами не верили, что он столько протянет.

– Очень жаль, – посочувствовал Петровский, – но я поэтому сюда и приехал. Вы знаете, какие деньги тратятся на избирательные кампании? Это очень накладно и для вашего города, и для вашей области в целом. Но если вдруг Нечипоренко умрет, придется назначать новые выборы. Вы понимаете, насколько это сложно в материальном, да и в моральном плане? Любой будущий кандидат будет считать, что он как бы занимает место погибшего. Это очень сложная этическая проблема.

Сидоров, не понимая, почему ему об этом говорят, молча слушал.

– Было бы правильнее, если бы вам удалось продержат Нечипоренко еще два дня, – сказал наконец главное Петровский. – Тогда нам не пришлось бы отменять выборы и все прошло бы спокойно.

– Он не протянет два дня, – убежденно возразил врач. – Никак не протянет. Счет идет на часы, может, даже на минуты.

– Нужно подумать о тысячах избирателей, – пояснил Петровский, – они не виноваты, что так получилось. Вы лишаете их права выбора. Они должны сами решать, кто им нужен в качестве депутата. Вот вы для себя решили. И сделали правильный выбор. Но дайте и остальным решить для себя. – Он говорил тихо и проникновенно. Замотанному на тяжелой работе врачу даже не пришло в голову спросить: какой же у людей может быть выбор, если один из кандидатов уже почти погиб? И вообще, о чем тут речь? Ведь в случае невероятной победы Нечипоренко ему уже все равно не быть депутатом Государственной думы.

– Я с вами согласен, – устало вымолвил Сидоров. – Но мы не в силах его спасти.

– Нужно его поддержать, – показал на запертую дверь Петровский. – У вас же есть некоторые возможности. Прямые инъекции в сердце, различные лекарства, которые продержали бы несчастного до воскресенья.

– А потом? – наконец спросил врач.

– Потом состоятся выборы, на которых наверняка победит Качанов. А несчастного журналиста мы похороним с почестями, поставим ему памятник как символу демократии в вашем городе, – не удержался от злого сарказма Петровский.

Сидоров нахмурился.

– Мы можем постараться, но нет никакой гарантии... И у нас нет таких лекарств.

Святослав Олегович бешеными глазами глянул на Бубенцова. Паша давно должен был достать все необходимые лекарства.

– Дайте список, – мягким голосом произнес он. – Я думаю, мы найдем все лекарства. И еще одно небольшое одолжение. Я хотел бы, чтобы вы подежурили у его постели эти два дня. Вернее уже один. Две ночи и один день.

– Моя смена кончается утром, – нерешительно сообщил Сидоров.

– Знаю, – Петровский умел быть убедительным, – но это моя личная просьба.

И еще небольшой презент. – Он кивнул Бубенцову, и тот достал конверт.

– Здесь тысяча долларов. – Святослав Олегович протянул конверт врачу. – На любые возможные издержки. Это лично вам, независимо от того, чем окончатся ваши усилия. Но если наш друг будет жив к воскресенью, вы получите в два раза большую сумму.

Сидоров посмотрел на конверт. Для врача, получающего не более семидесяти долларов в месяц, такие деньги – целое состояние. Он заколебался. Затем честно признался:

– Ничего не могу обещать.

– Я же понимаю, с кем разговариваю, – проникновенно проговорил Святослав Олегович. – Сразу видно, что вы порядочный человек. Я знаю, вы сделаете все от вас зависящее, чтобы помочь несчастному журналисту. И спасибо вам заранее. – Он сунул конверт в руку опешившего врача, после чего повернулся и пошел к выходу. Сделав несколько шагов, обернулся и, глянув на врача, по-прежнему стоящего в коридоре со злополучным конвертом, добавил:

– И еще. Если вдруг с вашим пациентом что-то случится, не спешите сообщать

об этом его родственникам и друзьям. Лучше предупредите сначала нас. Так будет правильно. Наши сотрудники будут постоянно дежурить в больнице. Вы меня понимаете?

Сидоров растерянно кивнул.

– Но наш главврач, – напомнил он, – я обязан ему докладывать.

– С ним мы тоже поговорим, – пообещал Петровский.

Они прошли к выходу из реанимационного отделения.

– Когда я вас слушаю, просто обо всем забываю, – признался Паша. – Как же здорово вы работаете! Умеете разговаривать с каждым.

– Умею, – согласился Петровский. – Один раз это умение спасло мне жизнь. Давно, лет восемь назад. Ладно, поехали к главному врачу. У нас впереди еще много встреч.

ВОСПОМИНАНИЯ

Восемь лет назад их агентство впервые применило методы, о которых Петровский даже не думал, создавая «Миллениум». Но именно тогда он понял, что в любом случае

нужно драться изо всех сил, используя все возможности до конца.

Посланцы из Северобайкальска прилетели в Москву, чтобы заручиться поддержкой опытных специалистов для избрания своего мэра. Через Яшу Слаповского они вышли на агентство «Миллениум». В начале девяносто пятого года по всей стране шли криминальные войны с переделами собственности. Во многих местах власть как таковая просто отсутствовала, а уголовный кодекс подменялся понятиями бандитов. Все торговые точки облагались налогами рэкетиров, и часть получаемых денег шла на подкуп сотрудников правоохранительных органов. Общий беспредел дополняла картина всевластия олигархов, создающих собственные охранные структуры, которые жестко конкурировали не только друг с другом, но и со спецслужбами.

Петровский принял гостей и сразу понял все проблемы, которые придется решить его агентству. Предстояло бросить вызов всесильному мэру города, где все контролировала местная мафия. «Северобайкальское нефтяное объединение» поддерживало не только городские структуры. Его руководи-

тели решали, кому быть мэром, кого назначить начальником милиции, кого – прокурором. Все подчинялось управляющему СНО – всевластному хозяину региона.

Но такое положение не могло долго сохраняться. Набирающие силу финансовые структуры не хотели больше мириться с откровенным рэкетом сотрудников СНО. Кроме того, городские власти и мэр окончательно погрязли в коррупции, даже не скрывая своих доходов. Мэр города регулярно вылетал в Швейцарию для отдыха на самых дорогих горнолыжных курортах, всем было известно, что у него есть дом во Франции, куда он частенько навещается. Люди замерзли в своих квартирах, отключенных от тепла и света, пока городской глава пребывал на Средиземноморском побережье. Он пользовался мощной поддержкой нефтяной компании, определяющей всю политику города.

Слаповский не скрывал, что прибывшие гости представляют интересы конкурентов СНО, и просил Петровского помочь им в избирательной компании. Святослав Олегович отправил в Северобайкальск специалистов и довольно быстро выяснил, что популярность действующего мэра практи-

чески на нуле. В случае честных выборов он не набрал бы и нескольких процентов. Но таких выборов здесь не могло быть по определению. На всех избирательных участках сидели люди мэра, которые просто меняли одни бюллетени на другие, с нужными результатами. Милиция, призванная обеспечивать порядок, поддерживала весь этот беспредел.

С такой ситуацией Петровский еще не сталкивался. Здесь не могли помочь ни привычные избирательные технологии, ни поддержка избирателей. Замордованное население Северобайкальска было готово избрать любого кандидата, рискнувшего бросить вызов действующему мэру, лишь бы избавиться от прочно осевших в городе бандитских структур.

Посланцев «Миллениума» там быстро выявили, избили и выбросили из города. Петровский обратился в суд, но судьи не могли ему ничем помочь. Лишь через три месяца сотрудники агентства с трудом пробили регистрацию своего кандидата, обойдя многочисленные преграды, которые воздвигала перед ними послушная мэру избирательная комиссия.

Затем началось самое неприятное. Плакаты с призывами голосовать за кандидата, поддерживаемого Петровским, просто исчезли с улиц. Все агитаторы, пытавшиеся хотя бы рассказывать людям об этом человеке, подвергались нападениям неизвестных молодчиков. И наконец самого кандидата, рискнувшего появиться на одном из предвыборных митингов, избili до такой степени, что сломали ему два ребра, и его срочно пришлось везти на лечение в Москву. Блокировали даже телевизионные передачи, оплаченные Петровским. Их либо переносили на самое позднее время, либо вообще отменяли без объяснения причин. И тогда Святослав Олегович понял, что необходимо менять тактику. Он позвонил Слаповскому и спросил, сколько денег ему могут выделить авансом.

Тот пообещал миллион долларов и еще два миллиона в случае успеха избирательной компании. Петровский взялся за дело. Речь шла о его репутации. Кроме всего прочего, ему было интересно победить именно в таких условиях. Он знал, что северобайкальская милиция и правоохранительные органы не станут защищать его от местной шпаны, которая всячески поддерживала здешнюю

власть. И тогда он нашел невероятное решение. Сначала Юлай Абуталипович вышел на криминальных авторитетов, в сферу которых входил этот город. Затем была достигнута договоренность о том, что на каждом участке появятся свои «разводящие». Петровский пообещал крупным авторитетам миллион долларов за поддержку и невмешательство. И получил—таки их согласие. С этого дня бандиты соблюдали нейтралитет, а на стороне мэра выступали лишь дворовые банды, не признающие иерархии преступного мира.

Когда все это было сделано, Петровский вылетел в Северобайкальск. Рядом с городом находилась крупная морская база, где дислоцировалась бригада морской пехоты. Он встретился с командирами и пообещал еще один миллион за поддержку военных. Прозябающие в нищете, лишенные прежней сытой жизни, не получающие даже положенные по штату зарплаты, военные были готовы на любых условиях поддержать Петровского и его команду. Именно тогда он и понял, что на всякую силу можно найти другую. И при этом не обязательно руководствоваться высокими моральными принципами. Здоровых морских пехотин—

цев переодевали в штатское и доставляли в город на специально нанятых машинах. Разгулявшиеся бандиты начали получать достойный отпор. А когда один раз сотрудники милиции попытались вмешаться, их отогнали автоматным огнем. Встревоженный мэр и его окружение почувствовали, что власть в городе ускользает из их рук.

Вскоре жители Северобайкальска начали верить, что у них появились защитники, которые помогут им избавиться от ненавистной власти. Все больше людей под охраной переодетых морских пехотинцев охотнее и смелее принимали участие в предвыборных митингах основного кандидата оппозиции. И наконец за несколько дней до голосования установилось примерное равновесие. Именно тогда мэр и его окружение решили нанести главный удар. Сразу в двух местах расстреляли нескольких переодетых морских пехотинцев, и еще два сотрудника Петровского оказались тяжело ранены. Маски были сняты, нужно было действовать немедленно.

Святослав Олегович, вновь прилетев в Северобайкальск, поселился на морской базе. Теперь его сотрудники выезжали под охраной военных, которые больше не пере-

одевались и не скрывали автоматов, находящихся в их руках. На такую внушительную охрану нападать было опасно. Единственная попытка отморозков закончилась бойней, в которой четверых из нападавших расстреляли. Взбешенный начальник местной милиции приехал на базу, чтобы потребовать отчета у руководства, но командир бригады его даже не принял.

Пока в Северобайкальске шли бои местного значения, Юлай Абуталипович договаривался в Москве с Центральной избирательной комиссией. Было принято беспрецедентное решение, что все бюллетени доставят непосредственно на морскую базу, где их и просчитают члены местной избирательной комиссии. Мэр города и руководитель местного избиркома даже не подозревали, что большая часть послушных и робких членов избирательной комиссии уже была куплена Петровским.

День выборов начался с перестрелки. У одного из избирательных участков убили сотрудника «Миллениума». А дальнейшие события напоминали сводки с фронта. Повсюду происходили различные столкновения, стычки, при этом милиция не скрывала

своих пристрастий. Но самое важное началось сразу после завершения выборов. Под мощной охраной морских пехотинцев урны с бюллетенями начали вывозить на базу. Только тогда мэр города понял, что именно происходит. Вдогонку за урнами был послан местный спецназ, но, попав в засаду и потеряв трех сотрудников, он после ожесточенной перестрелки отступил. Мэр поспешил объявить по местному телевидению, что урны с бюллетенями похищены неизвестными людьми. А в это время члены местной избирательной комиссии по одному доставлялись на морскую базу. Туда же привезли и председателя, которого просто выкрали на улице.

Через три с половиной часа все было закончено. Бюллетени подсчитаны, составлен протокол. После того как большинство членов избирательной комиссии подписали протокол, наступила очередь председателя. Петровский вошел в комнату и проговорил с ним наедине сорок минут. Как и следовало ожидать, председатель согласился подписать протокол, хотя так никто и не узнал, что именно сказал ему руководитель «Миллениума». Только Бубенцов слышал, как его патрон намекал упирающемуся чиновнику

на его семью. Две дочери председателя учились в местной музыкальной школе, и Петровский якобы сообщил своему собеседнику, что сегодня вечером они не вернулись домой. И, соответственно, возвращение дочерей зависит только от воли их отца.

Когда протоколы были готовы, Петровский лично забрал все документы, чтобы отправиться с ними в Москву. В аэропорт его сопровождали две бронемшины пехоты. Но в самом аэропорту произошел инцидент. Прибывшие туда сотрудники милиции с санкции прокурора попытались задержать Святослава Олеговича и изъять у него протоколы. Началась драка, едва не приведшая к трагедии. Самолет улетел без Петровского и его людей.

Всю ночь работники «Миллениума» провели в депутатской комнате под охраной морских пехотинцев. С внешней стороны их блокировали сотрудники милиции, которые стянули сюда все имеющиеся в их распоряжении резервы. К утру в аэропорт прибыл прокурор города, который потребовал отдать ему протоколы избирательной комиссии. К огорчению вконец расстроенного Бубенцова, Святослав Олегович согласился на

поставленные условия. Отдал прокурору бумаги, после чего беспрепятственно прошел к самолету. И только когда лайнер взмыл в воздух, огорченный Бубенцов рискнул спросить у шефа, почему тот так легко поломал всю проделанную ими невысказанно трудную работу. И запомнил его ответ на всю жизнь.

– Никогда нельзя продумывать лишь один вариант развития событий, – назидательно сказал Петровский. – Они были уверены, что протоколы повезу именно я, и поэтому ждали меня в аэропорту. И теперь уверены, что протоколы у них и они смогут изменить результаты голосования. Но это только кажущаяся победа. Пока эти кретины держали нас в аэропорту, один из моих людей уже вылетел в Москву с подлинниками протоколов. Я отдал прокурору копии. Думаю, настоящие протоколы уже в Центральной избирательной комиссии и теперь уже ничего нельзя переделать.

– Кто же выехал? – спросил изумленный Бубенцов. – Мы ведь все с вами.

– Был у меня еще один человек, вам незнакомый, – ухмыльнулся Святослав Олегович. – И знаешь почему? Французы говорят, что передают только свои. Я никому не дове-

рю, кроме себя. Поэтому нашел человека, который прилетел на базу два дня назад и ждал, когда я передам ему документы. Сейчас этот человек в Москве. Ты его не знаешь, Паша, и не должен знать, чтобы удержаться от соблазна. Я нарочно просидел в аэропорту до утра, дабы выиграть время.

Бубенцов радостно улыбнулся. Пока они летели в Москву, уже стало известно, что протоколы приняты Центральной избирательной комиссией. Кандидат Петровского триумфально победил, набрав в первом туре шестьдесят пять процентов голосов. Говорят, мэр города не поверил таким цифрам, когда ему сообщили об окончательном результате. Он отказывался слушать, что Петровскому и его людям даже не пришлось менять избирательные бюллетени – настолько местная власть была скомпрометирована в глазах городского населения. В Северобайкальске появился новый мэр, а Слаповский торжественно передал «Миллениуму» еще два миллиона долларов. Начальник милиции и прокурор города довольно быстро лишились своих постов.

Петровский часто вспоминал эти выборы, которые стали переломными в его био-

графии. Чтобы добиться успеха, иногда приходилось прибегать вот к таким запрещенным методам. Однако твердо уяснил он и другое. Подобный успех покупается слишком дорогой ценой и в общем—то всегда относителен. Ровно через восемь месяцев избранного мэра Северобайкальска застрелили у входа в мэрию, и пришлось назначать новые выборы. Но в них «Миллениум» уже не участвовал. Кандидаты обратились к другим агентствам, решив сэкономить, и проиграли. К власти снова вернулся прежний мэр. Правда, через полтора года застрелили и его, так что примерный баланс все равно сохранился.

Они вышли из больницы, когда на часах было уже около девяти. Петровский вспомнил, что с утра ничего не ел. Он отменил ленч и не успел ни пообедать, ни поужинать. Но сейчас времени на еду не было.

— Пошли ребят в ресторан, пусть привезут мне хлеб, сыр, помидоры, огурцы, — попросил Святослав Олегович Пашу.

— Мы сейчас в лучшем ресторане ужин устроим, — засуетился тот.

— Не нужно ничего готовить, — решительно остановил его шеф. — Я же тебе гово-

рю, что именно надо сделать. Пусть все тщательно помогут и привезут. Ничего особенного не хочу. И хватит думать об ужине. У нас еще много работы. Надо поехать к этому врачу и к председателю местного суда. Твои ребята узнали, где сейчас судья?

— У них какое—то торжество, она сейчас ужинает здесь, на соседней улице, — сообщил Бубенцов.

Женщина, обрадовался Петровский. С особами противоположного пола он быстрее находил общий язык.

— А зачем вам председатель местного суда? — осторожно поинтересовался Паша. — Вы ведь сами говорили, что вам нужен прокурор области или председатель областного суда. Они должны принести протест на решение судьи.

— Который будет сначала рассмотрен в местном суде, — пояснил Петровский. — Когда я создавал агентство «Миллениум», то прежде всего изучил азы юриспруденции. Если хочешь добиться лучшего результата, всегда используй законодательство. Иногда можно обойтись и без него, но это исключительные случаи. В идеале все надо делать так, чтобы законы были на твоей стороне, Паша.

С прокурором или председателем областного суда мы обязательно договоримся. Для этого мне незачем было даже покидать Москву. Один звонок из вышестоящей прокуратуры или из Верховного суда – и мы получили бы согласие этих людей. Чем они выше стоят, тем легче ими манипулировать. Этот народ понимает важные государственные задачи без лишних слов. Но протест прокуратуры должен быть рассмотрен в местном суде. Вот почему мне нужна эта женщина–судья.

– Ясно, – пробормотал Бубенцов, – теперь я понимаю.

– К тому же руководство областного суда и прокуратура этого города очень сильно скомпрометировали себя во время последних губернаторских выборов, – напомнил Петровский, – они не смогли защитить собственного губернатора. Помнишь, какой был скандал с Руцким? Наверное, другого такого не сыскать в истории. Из–за забытой машины или квартиры, я уже не помню конкретно из–за чего, но его просто сняли с предвыборной гонки за два дня до выборов. Вот так взяли и сняли. Я думал, что уже все повидал на своем веку, но такого откровенного диктата даже не предпола–

гал. Непонравившегося кандидата, губернатора огромной области, бывшего вице–президента страны, элементарно выбросили из предвыборной гонки. И никакой суд не смог его защитить.

Их автомобили, свернув на соседнюю улицу, подъехали к небольшому строению, откуда слышались веселые крики.

– Это местный ресторан, – пояснил Бубенцов, – довольно популярное в городе место. Называется «Самовар», сюда приезжают все руководители города.

– Как зовут судью?

– Трохина, – достал свою записную книжку Паша. – Елизавета Андреевна Трохина, сорок два года, разведена, есть взрослый сын, он работает в корпорации по обработке древесных материалов. Еще не женат.

– А у нее кто–нибудь есть? – поинтересовался Петровский.

– В каком смысле? – не понял помощник.

– В смысле мужчины, – рявкнул Святослав Олегович.

– Не знаю, – виновато ответил Бубенцов, – но если нужно, мы сейчас все выясним.

– Поздно. – Петровский вышел из салона автомобиля, сильно хлопнув дверцей.

– Там один зал?

– Нет-нет, – виновато засуетился Паша, – там есть кабинеты. Мы вас сейчас проводим. Я скажу, чтобы вам организовали покушать. Проходите, проходите, Свято-слав Олегович.

Они вошли в здание ресторана. Предупредительный метрдотель, очевидно, знавший Бубенцова в лицо, провел их в лучший кабинет.

– Найди и позови эту Трохину, – приказал Петровский. – Скажи, что приехали из Москвы, из Центральной избирательной комиссии.

– Сейчас позову. – Бубенцов бросился выполнять распоряжение шефа, оставив у дверей кабинета двух сотрудников. Петровский сел за стол, недовольно рассматривая окружающую аляповатую обстановку. Грубо слепленные ангелочки в углах вызвали у него раздражение. Без всякой связи с этим он вспомнил об Омске, достал телефон и набрал номер Бронштейна.

– Леонид Исаакович, я утром буду в Омске, – сообщил, как только тот отве-

тил. – Можете договориться о встрече в полдень. Надеюсь, что не опоздаю.

– Хорошо, – отозвался Бронштейн. – Где вы сейчас?

– Пока в Курске. У нас здесь ЧП, попал в аварию единственный соперник нашего кандидата.

– Понимаю, – сразу отреагировал Бронштейн. – Нужно было подстраховаться и оставить двоих.

– Кто мог подумать, что так получится? – в сердцах пожаловался Петровский. – В общем, утром я буду у вас. Рейс из Екатеринбурга. Встретьте нас в аэропорту.

– Непременно, – пообещал Леонид Исаакович.

Тут раздался стук, затем дверь открылась, и в комнату вошел торжествующий Бубенцов, а следом за ним – миловидная женщина лет сорока, одетая в светло-бежевый брючный костюм. Одного взгляда на вошедшую Святославу Олеговичу было достаточно, чтобы составить о ней представление. Молодая дамочка, пытающаяся не отставать от моды. Достаточно привлекательная, чтобы нравиться мужчинам, хотя и несколько скованная собственными моральными нормами

и ответственной должностью. Петровский встал и улыбнулся. Заметил, что щеки пришедшей покраснели. Очевидно, она уже успела приложиться к рюмочке.

– Здравствуйте, Елизавета Андреевна. – Когда было нужно, Святослав Олегович излучал мужскую гипнотическую силу. Он протянул руку и сильно сжал пальцы судьи.

– Здравствуйте, – весело откликнулась она, – мне передали, что вы из Москвы. Из Центральной избирательной комиссии.

– Да, – улыбнулся Петровский, – если хотите, я могу показать документы.

У него действительно был документ, что он представляет Центральную избирательную комиссию. Эта бумага стоила ему немалых денег, но он сумел ее достать. Кроме того, у него было удостоверение помощника депутата Госдумы. Но в его словах заключался нарочито заложенный вызов. Своего рода тест на доверие. Женщина весело тряхнула головой и ответила:

– Не нужно. Я вас слушаю. Зачем вы меня позвали?

– Садитесь, – показал Петровский на стул рядом с собой. – У меня будет к вам очень деликатное дело.

Она послушно села, и Петровский ласково взглянул на Бубенцова.

– Может, нам что-нибудь организуют? – спросил он. – Водочки, икорочки, огурчиков. Пашенька, ты бы подсуетился.

Когда шеф говорил таким ласковым тоном, это означало высшую степень его раздражения. Бубенцов об этом знал. Он ошалело взглянул на него, но ничего не посмел произнести. И сразу выскочил из комнаты. Петровский остался с гостьей наедине.

– Извините, что оторвал вас от вашего праздника, – улыбнулся он, – но я думаю, мы быстро поговорим и вы сможете вернуться к вашей компании.

– Спасибо, – отозвалась Трохина, – у нас сегодня юбилей моей младшей сестры. Ей исполнилось сорок лет.

– Что вы говорите! – всплеснул руками Святослав Олегович. – Это значит вы старше? Я бы не дал вам больше тридцати пяти. Вы так молодо выглядите.

– Спасибо за комплимент, – рассмеялась женщина.

– Нет, это абсолютная правда. – Петровский опять улыбнулся и подумал, что ес-

ли Бубенцов задержится еще на минуту, он его просто задушит.

Но Паша знал свое дело. Дверь почти тут же открылась, и двое официантов внесли закуски и запотевшую бутылку водки. Когда, расставив все, они удалились, Петровский лично открыл бутылку и разлил водку в небольшие рюмки.

– За нашу встречу, – мягко улыбнулся он своей собеседнице. Потом чуть пригубил напиток.

Она же выпила рюмку до дна. И не стала закусывать. Ему понравилась такая решительность. – Дело в том, дорогая Елизавета Андреевна, что у нас возникла большая проблема, – начал Святослав Олегович. – Мы выборочно проверили положение дел на некоторых избирательных участках. И выяснили, что у нас не все в порядке с кандидатами.

– Вы имеете в виду – по моему участку? – улыбнулась Трохина. – Ну, я это знаю. Хотя Качанов и не скрывал своих судимостей.

– При чем тут Качанов? – У Петровского задержалась от волнения щека. – О чем вы говорите?

– У него были две судимости, – охотно пояснила Трохина. – Он хотел баллотиро-

ваться по нашему округу еще в прошлый раз, но тогда мы его не пропустили. А сейчас судимости у него сняты и он снова выставил свою кандидатуру. Но мы проверяли, все в рамках закона.

«Сволочь, – холодно подумал Петровский, – значит, этот негодяй уже пытался здесь выставиться, а нам ничего не сказал. Какая же сволочь! Еще нагло нас обманывал».

– Речь не о нем, – заставил себя вновь улыбнуться Святослав Олегович, – я говорю о другом кандидате. – И вдруг с ужасом обнаружил, что не помнит фамилии учителя истории. Он нахмурился – слишком много за сегодняшний день проколов. Нужно было узнать у Паши фамилию исключенного кандидата. Это его личный промах, Бубенцов тут ни в чем. – Давайте выпьем за вашу сестру, – неожиданно предложил он. – Я хочу пожелать ей счастья и долгих лет жизни.

Он налил ей водку, и они снова чокнулись. На этот раз Петровский выпил рюмку до дна, даже не почувствовав эффекта обжигающей жидкости. Затем, глянув на часы, сказал:

– Простите, я должен дать поручение моему сотруднику. Ему нужно срочно пере-

говорить с Москвой. – Он поднялся и вышел из комнаты.

В коридоре стоял Бубенцов, готовый выполнить любое распоряжение шефа. Святослав Олегович шагнул к нему, схватил несчастного за ворот пиджака.

– Быстро фамилию!

– Чью? – выдохнул Паша.

– Этого историка, исключенного из кандидатов. Быстрее!

– Седых, – пробормотал испуганный Бубенцов, – Александр Александрович Седых.

Петровский удовлетворенно кивнул и вернулся в кабинет.

– Извините меня еще раз, – улыбнулся он Трохиной, – дело в том, что речь идет о вашем учителе, Александре Седых, который был исключен из числа кандидатов в депутаты на основании смехотворного обвинения, что забыл упомянуть свой покосившийся сарай.

Этой женщине совсем не стоило знать, что сарай нашли помощники Бубенцова и сам Петровский заплатил адвокатам, чтобы оформить документы, передать их в суд. После чего местный судья получила деньги и вынесла решение об отстранении Седых от участия в

избирательной гонке. «Надеюсь, что судья поделилась со своим председателем», – отстранение подумал Святослав Олегович.

– Я с вами согласна, – вздохнула Трохина, – он такой порядочный человек и абсолютно случайно не упомянул этот сарай в своей декларации...

«Нет, не получила денег», – понял Петровский.

– Но закон есть закон, – убежденно продолжила Трохина, – и наша судья справедливо исключила Александра Александровича из списков кандидатов. Между прочим, оно училась у него в школе и хорошо его знает.

«Все–таки, похоже, получила», – подумал Петровский и снова поднял бутылку, разлил водку по рюмкам.

– Я с вами абсолютно согласен, – проникновенно произнес он, – но дело в том, что даже юристы, подавшие жалобу, готовы отозвать ее обратно.

– Это их дело, – сухо заметила Трохина. – Решение по делу уже принято, и я не вижу возможностей для его пересмотра.

– Прокуратура готова принести официальный протест, – улыбнулся Петровский. –

И я думаю, что нужно пойти навстречу вашим избирателям, все-таки допустить вашего учителя истории к выборам.

– Поздно, – возразила Трохина, – сегодня пятница. А выборы в воскресенье. Суд завтра не работает. Ничего нельзя сделать.

– Можно провести решение суда сегодняшним числом, – мягко подсказал Петровский. – Если прокуратура подаст протест вчерашним числом...

– Что вы говорите? – нахмурилась Трохина. – Разве такое возможно? Это же мошенничество, я на такое не могу пойти, и если вы...

– Не нужно так нервничать, Елизавета Андреевна, – попросил Святослав Олегович. Он положил ладонь на ее руку и с удовольствием заметил, как женщина вспыхнула. Но руку не выдернула.

«Живет одна, – поставил диагноз Петровский, – никого постоянного у нее нет. Может, бывают иногда случайные связи».

– Мы решили помочь вашим избирателям. – Когда он хотел, его голос становился очень убедительным. Если учесть, что Трохина успела выпить несколько рюмок до появления в этой комнате и две рюмки вод-

ки вместе с ним, то она готова выслушать его сентенции более благожелательно, чем это было бы на абсолютно трезвую голову. К тому же его ладонь, так нежно и твердо лежащая на ее руке, подавляла всякую разумную мысль.

– Вы сами говорили, что у Качалова были две судимости, – напомнил Петровский. – Ну разве стоит пропускать такого человека в парламент страны? Кого он там будет представлять? Своих друзей-уголовников? Разве можно допустить, чтобы такой кандидат прошел в депутаты от вашего округа?

– Почему вы убеждены, что победит именно Качанов? – спросила она. – По нашему участку баллотируется еще журналист Нечипоренко. Он вполне может победить.

– Нечипоренко сегодня разбился, – сообщил Петровский, – и сейчас находится в реанимации.

– Какой ужас! – С очевидным усилием воли Трохина убрала свою руку. – Что вы такое говорите?

– Можете позвонить в больницу и узнать, – печально покачал головой Святослав Олегович. Было непонятно, почему ему так грустно. То ли оттого, что она выта-

щила руку, то ли ему обидно за курских избирателей.

– Что вам нужно? – наконец напрямую спросила судья.

– Нужно восстановить справедливость. – Петровский в очередной раз разлил водку по рюмкам. – Я думаю, будет правильно, если вы завтра получите протест прокуратуры и отмените решение вашего судьи. Тогда можно будет включить Седых в число кандидатов и не допустить избрания Качанова.

Она задумалась. В такой момент трудно сообразить, что в случае смерти Нечипоренко бизнесмен Качанов автоматически снимается с предвыборной гонки, так как его кандидатура оказывается безальтернативной. Петровский не сказал главного – что Нечипоренко может умереть в любой момент и тогда выборы просто перенесут на другое число

– Да, – сказала Елизавета Андреевна. – Наверно, вы правы, но наша судья...

– Она не будет возражать, – твердо пообещал Петровский. – Можете не беспокоиться. – Трохина несколько растерянно посмотрела на него. – Давайте выпьем за вас, – предложил Святослав Олегович. – Я еще не встречал такой очаровательной и милой су-

дьи. Предлагаю выпить на брудершафт – И не давая ей времени опомниться, он поднялся и чокнулся с женщиной. Едва она опрокинула свою рюмку, как Петровский наклонился к ней и крепко поцеловал ее в губы.

Елизавета Андреевна охнула от неожиданности.

– Что вы делаете? – нерешительно пробормотала она. – Разве так можно?

– Вы же знаете правила брудершафта, – возразил он. – Выпив, нужно поцеловаться, чтобы скрепить дружеские отношения.

– Ну если только дружеские, – лукаво протянула Елизавета Андреевна.

– Теперь мы с вами друзья, – убежденно подтвердил Петровский. – Завтра вы получите протест прокурора. Я думаю, будет правильно, если мы допустим к выборам нашего заслуженного педагога. У него столько хороших учеников. И ваша судья будет чувствовать себя гораздо лучше, ведь ей пришлось отстранить от участия в выборах своего учителя.

– Да, – согласилась Трохина, уже не сопротивляясь. – Так будет гораздо лучше. Но если протест...

– Он обязательно будет. – Святослав Олегович подумал, что решил такую слож-

ную проблему за счет личного обаяния и обычной демагогии. Качанов вызывал отторжение у любого нормального человека, который знакомился с его биографией. – Надеюсь, мы с вами еще увидимся, я буду в вашем городе еще три недели, – соврал он на прощание. – Если разрешите, я вам позвоню.

– Хорошо, – согласилась она, – позвоните. Если завтра утром мы получим протест, то успеем вынести решение и Александра Александровича включают в списки кандидатов.

– Это будет очень справедливо и по-божески правильно. Он столько лет работает в школе, – вздохнул Петровский.

Когда она поднялась, он взял ее под ручку и проводил до большого зала. На прощание поцеловал ей руку. – До скорой встречи, Елизавета Андреевна.

Она томно улыбнулась.

Едва судья вошла в зал, как Петровский повернулся и пошел к Бубенцову.

– Едем к главному врачу больницы, – приказал он, доставая телефон и на ходу набирая номер. – Здравствуй, Юлай. Нужно сегодня же организовать телефонный зво-

нок из прокуратуры. Чтобы подали протест. Кто у нас там?

– Ильин, – напомнил Юлай, – начальник хозяйственного управления. Мы ему в прошлом году переводили сто тысяч. Он нам тогда помог с...

– Помню. Пообещай ему десять тысяч, если он позвонит прямо сейчас прокурору области, – решил Святослав Олегович. – За один звонок это не так мало. Пусть убедит прокурора подать протест. Его нужно зарегистрировать вчерашним числом. Ты меня понял?

– Все понял. Сейчас буду звонить. А как с местным судом? Ты с ними договорился?

– Пусть не беспокоятся. В суде примут протест и оформят сегодняшним числом. Сейчас мне важно, чтобы Ильин позвонил прокурору области.

– Я переговорю с ним и позвоню тебе, – пообещал Юлай.

Петровский убрал телефон и взглянул на часы. Без пятнадцати десять.

– Поехали к главному врачу, – приказал он Бубенцову, – и узнай, где живет прокурор области. Нужно будет нанести ему визит. Я ничего не успел поест, а вместо этого вы-

пил сразу две рюмки водки. Черт возьми. И еще пришлось целовать эту старую кошку

За окнами было темно, и Петровский, закрыв глаза, задремал. Бубенцов искоса поглядывал на шефа, удивляясь его неистощимой энергии. Он не знал, о чем Святослав Олегович говорил с Трохиной, но видел, как его патрон провожал главу местного суда. Даже поцеловал ей ручку на прощание. Бубенцов искренне завидовал такому обаянию Петровского, умеющему убеждать людей за считанные минуты и переманивать их на свою сторону.

– Вы ничего не поели, – осторожно напомнил он.

– Я же просил сделать мне бутерброды, – ответил Петровский, не открывая глаз. – Пока буду разговаривать с этим врачом, пошли в ресторан. Не нужно никаких разносолов, вполне достаточно хлеба, сыра, помидоров.

– Мы уже все приготовили. Сейчас нам привезут. – Бубенцов потянулся за мобильным телефоном.

– Не надо, – остановил его шеф, по-прежнему не открывая глаз, – потом позвонишь. Сначала я пойду поговорю с этим

главврачом. На голодный желудок лучше думается, значит, разговор будет более содержательным. И вообще учти, что, когда идешь на сложный разговор, от тебя не должно пахнуть обедом. Кроме того, тяжелая пища давит на желудок, не дает мозгам нормально функционировать.

Автомобили, подъехав к дому, остановились у небольшого сквера. Петровский открыл глаза и вылез из салона автомобиля. Перед ним стоял типовой двенадцатиэтажный дом.

– Он живет на восьмом этаже, – сообщил Бубенцов. – Нам подняться всем вместе или привести его сюда?

– Что за дурацкие манеры, – поморщился Святослав Олегович. – Это же врач, интеллигентный человек, а ты собираешься врываться к нему ночью, как к уголовнику. Достаточно одной такой ошибки – и все наши усилия насмарку. Он сразу поймет, что мы представляем интересы Качанова. А мне этого совсем не надо. Я сам поднимусь к нему. Ждите меня здесь. И не забудь про мой ужин.

В подъезде стоял неприятный запах, впрочем, характерный для большинства подъездов огромной страны. Петровский

прошел к лифту и с раздражением увидел объявление, извещающее жильцов, что лифт временно не работает.

«Хотя бы извинились», – со злобой подумал Святослав Олегович, поднимаясь по лестнице.

На восьмом этаже находились две квартиры. Он посмотрел направо и налево. Табличек нигде не было.

«И эту старорежимную традицию с «табличками» давно забыли, – с огорчением констатировал Петровский. – Как теперь вычислить, какая именно квартира принадлежит Симоновым?»

Он выбрал более чистую дверь и позвонил. Ему открыла молодая женщина лет двадцати пяти, одетая в джинсы и темный свитер.

«Обожаю провинциальные города, – отметил про себя Петровский, – здесь люди гораздо более доверчивые. Вот даже не спросила, кто пришел, а про «глазки» здесь, вероятно, и не знают, хотя тут тоже есть преступность. Впрочем, в таких городах и в таких домах воры обычно не появляются».

– Вам кого? – удивилась женщина, увидев незнакомца.

– Это квартира Симоновых? – спросил он.

– Да, – кивнула она и крикнула куда-то в глубь квартиры: – Папа, это к тебе.

Из комнаты вышел мужчина лет пятидесяти в очках, мягких домашних брюках и клетчатой рубашке. В руках он держал книгу. Петровский скользнул по ней взглядом и удивленно поднял бровь. Харуки Мураками «Охота на овец». Перед ним стоял действительно интеллигентный человек. Мураками только начал входить в моду у просвещенной публики столицы.

– Чем могу помочь? – поинтересовался Симонов. Очевидно, его достаточно часто беспокоили по ночам, и он не удивился столь позднему визиту незнакомца.

– Вы Игорь Сергеевич Симонов? – уточнил Петровский, уже зная ответ на этот вопрос. Ему важно было оглядеться и составить план предстоящего разговора. А заодно и вспомнить, что он читал у Мураками.

– Да, это я. С кем имею честь?

– Святослав Олегович Петровский. Я из Москвы, представляю Центральную избирательную комиссию.

– Большое начальство, – иронически хмыкнул Симонов, – проходите, пожалуйста–

ста. Наташа, дай нам чаю, – крикнул он, обращаясь, очевидно, к жене.

– Если хотите, я покажу вам мое удостоверение, – предложил Святослав Олегович.

– Не нужно, – улыбнулся Симонов. – Зачем мне ваше удостоверение? Если вы появились так поздно и без предварительного звонка, значит, у вас важное дело. Проходите в комнату.

Петровский прошел в столовую. От его внимательного взгляда не укрылись детские игрушки, разбросанные повсюду, и потертые обои на стенах. Дверь, очевидно, открыла младшая дочь, подумал он. У нее должен быть ребенок, и она разведена. Судя по разболтанному виду, не очень-то любит работать или работает на пол-оклада. А хозяин квартиры – типичный «шестидесятник», который не успел отличиться в те годы по молодости и теперь наверстывает упущенное. С такими идеалистами надо быть осторожным, у них бывают принципы.

– Садитесь, – показал Симонов на потертый диван, усаживаясь в кресло, рядом с ним.

Гость сел на диван, еще раз осторожно оглянулся. Супруга хозяина внесла два ста-

кана чая, тарелку с сахаром и дешевым печеньем. Петровский подумал, что крупная сумма денег совсем не мешает хозяину квартиры, но предлагать нужно очень осторожно, чтобы не обидеть врача.

– У меня действительно важное дело, – начал он. – Дело в том, что сегодня в вашу больницу привезли кандидата в депутаты, журналиста Нечипоренко.

– Он в очень тяжелом состоянии, – вспомнил Симонов, – мы подключили его к аппарату искусственного дыхания, но это лишь временная мера. По моим наблюдениям, такие пациенты не живут больше суток.

– Мне об этом говорили, – кивнул Петровский, – но вы осознаете, что Нечипоренко не обычный пациент? Он кандидат в депутаты по вашему избирательному округу.

– Для меня все больные – обычные пациенты, – добродушно возразил Симонов. – Увы, у него нет шансов. К сожалению. Было бы гораздо лучше, если бы на выборах победил он, а не этот уголовный элемент.

– Конечно, – согласился Святослав Олегович. Интересно, чем здесь занимались Бубенцов и его команда, если весь город так ненавидит Качанова?

– Но дело в том, что если Нечипоренко умрет, то единственным кандидатом останется именно этот «уголовный элемент», – пояснил Петровский. Врачу не обязательно было знать, что если умрет основной соперник, второго кандидата автоматически снимут с выборов.

– Очень жаль, – отреагировал Симонов. – Будет неприятно, если победит Качанов.

– Все зависит только от вас, – заявил Петровский, – дело в том, что если Нечипоренко дотянет до выборов, его не вычеркнут из списка кандидатов и он может победить...

– Он не сможет победить, – возразил врач. – Его уже сейчас надо считать погибшим. Сердце пока держится, но я думаю завтра утром позвонить в избирательную комиссию и сообщить о случившемся. Его придется исключить из числа кандидатов.

Этого следовало ожидать. Когда человеку интересно читать Мураками и рассуждать о моральных ценностях, он способен сделать все, что угодно.

– Что вы говорите?! – всплеснул руками Петровский. – Ведь тогда Качанов автоматически победит. Лучше оставить Нечи-

поренко в списках, и пусть он победит. А тогда можно будет объявить, что он погиб, и назначать новые выборы. Иначе никого не успеют зарегистрировать за два дня, и Качанов автоматически станет депутатом.

– Возможно, и станет, – согласился Симонов, – но это нечестно. Избиратели не могут голосовать за уже умершего человека. Они имеют право знать, что случилось с их кандидатом.

– Вы же сами сказали, что он подключен к аппарату искусственного дыхания.

– Это всего лишь формальность. На самом деле его уже нет. У него снесен череп и мозговые функции навсегда утрачены.

– Но юридически он пока жив, – напомнил Петровский. – Мы ведь также беспокоимся по поводу выборов, как и ваши избиратели. Вы должны помочь благородному делу, не сообщайте в избирательную комиссию о положении Нечипоренко. Только один день. А в воскресенье журналист победит на выборах, будут назначены новые выборы...

– А если победит Качанов? – Симонов был достаточно умным человеком.

– Значит, такова воля избирателей, – попытался улыбнуться Петровский. Он чув-

ствовал, что его начинает нервировать этот затянувшийся спор.

– Вот поэтому я и позвоню завтра в избирательную комиссию, – заявил врач. – Хотя думаю, что до завтра он не протянет. Нам все равно придется констатировать его физическую и юридическую смерть.

– Вы меня не понимаете, – вздохнул Петровский, – кажется, Мураками писал, что необходимо отречься от самосознания и именно с этого начинается настоящая революция.

– Мои поздравления, – ухмыльнулся Симонов. – Не думал, что в столице работают такие начитанные чиновники.

– Сейчас другое время, – подыграл ему Святослав Олегович.

– Люди и принципы не меняются в зависимости от времени, – возразил Симонов. – Извините меня, господин Петровский, но я ничем не могу вам помочь. Мне не нравится Качанов, однако я обязан сообщить о плачевном состоянии Нечипоренко. Хотя думаю, что наш спор носит скорее схоластический характер.

Святослав Олегович не любил проигрывать, но неожиданно понял, что с главвра-

чом у него произошла осечка. Только согласиться с этим означало признать, что он совершенно бесполезно прилетел из Москвы.

– Какой у вас номер мобильного телефона? – поинтересовался Святослав Олегович. – Я перезвоню вам утром. Узнаю, как себя чувствует ваш пациент.

– Звоните по городскому, – предложил Симонов, – у меня нет мобильного. Или лучше сразу в больницу.

– Я должен улетать, – пояснил Петровский. – Мне трудно будет звонить на городской. Может, мобильный есть у вашей дочери?

– Нет, – ответил Симонов. – Мне вообще не нравятся эти игрушки. Меня и так достают повсюду, где можно. А я имею право иногда спокойно посидеть с книгой или пойти в театр без этих трещалок.

– Разумеется. – Святослав Олегович уже продумывал новый план во всех деталях, и ему было важно знать, есть ли в доме мобильные телефоны. Но говорить об этом Симонову не стал, решив сделать последнюю попытку. – Понимаете, в чем дело, – сказал он, – в Москве есть представители крупных финансовых структур, которые полагают, что нужно поправлять ситуацию, в

которую мы себя загнали. В политике, экономике, культуре...

– Согласен. Но не понимаю, как наша ситуация с этим связана.

– Они не хотят превращать Государственную думу в отстойник для уголовных элементов, – патетически воскликнул Петровский, – и просят вашей помощи.

– Мы уже об этом говорили, – напомнил Симонов.

– Нет, Игорь Сергеевич, вы меня не поняли. У нас был несколько беспредметный разговор. А сейчас будет более конкретный. – Он поднял чашечку с чаем, попробовал на вкус и с раздражением подумал: «Откуда они только берут такой дешевый чай?»

– Что значит конкретный разговор? – не понял хозяин квартиры.

– Мы хотим сделать все, чтобы Качанов не попал в Думу, – сказал Петровский. – Там должны быть умные и ответственные политики.

Симонов явно не понимал, к чему он клонит.

– Именно поэтому они готовы оплатить любые расходы по консервации тела Нечипоренко, чтобы помешать бывшему бандиту

пройти в депутаты, – осторожно продолжил Святослав Олегович.

Врач по-прежнему молчал, и это вдохновило его собеседника.

– Назовите любую сумму, чтобы гарантировать консервацию. Нам нужно, чтобы Нечипоренко протянул хотя бы один день.

– Иначе говоря, вы предлагаете мне взятку? – спросил Игорь Сергеевич.

– Ну почему сразу взятку? У вас будут расходы на дорогие лекарства, на оплату врачам...

– Это называется взяткой, – упрямо повторил Симонов. – Извините, но мне кажется, вам нужно уйти. Мы закончили наш разговор.

– Не стоит быть таким идеалистом, – посоветовал Петровский. – Если вы служите благородному делу...

– И даже в этом случае я вынужден отказать.

– К чему такая принципиальность? – поморщился Святослав Олегович. – Не надо так много высоких слов. Давайте сразу условимся, что мы думаем о пользе дела, а не о деньгах, которые готовы платить. Однако чтобы вы поняли, о чем идет речь, я на-

зову вам сумму Один миллион рублей. – Он специально повысил голос, чтобы его услышали в соседних комнатах.

Главврач улыбнулся.

– Хотите поразить меня такой невероятной цифрой.

– Тридцать тысяч долларов или чуть больше, – пересчитал на американские деньги Петровский. – Вы сможете переехать в другой дом, жить более достойно...

– Уходите, – беззлобно предложил Симонов. – Мне неудобно выгонять вас из собственного дома.

– Любой человек должен сознавать, во имя чего он идет на неприятности для самого себя, – не отступал Петровский. – Вы сами считаете, что нельзя пропускать Качанова в Думу. Так почему же отказываетесь нам помочь?

– Благородная цель не может оправдать негодных средств, – возразил Симонов, – я лично в этом убежден.

В этот момент зазвонил телефон. Святослав Олегович, извинившись, достал аппарат, включил его.

– Мы все обговорили, – сообщил Юлай Абуталипович, – Ильин согласился позво-

нить прокурору области. Но потребовал двадцать тысяч. Я был вынужден согласиться.

– За один звонок? – не поверил своим ушам Петровский.

– Да. Но ты можешь ехать к прокурору области. Он прямо сейчас тебе ждет.

– Я все понял. – Святослав Олегович убрал аппарат и посмотрел на сидевшего рядом врача. «Какие удивительно разные люди, – подумал он. – Прокурор в Москве за телефонный звонок берет двадцать тысяч долларов, а главный врач провинциальной больницы отказывается от миллиона. Или можно предложить больше?» – Вы идеалист, – поднялся он. – Знаете, что говорил Лоуэлл по такому поводу? «Только дураки и покойники никогда не меняют своих мнений». Вам не обидно быть в такой компании? А если я предложу еще большую сумму? Скажем, пятьдесят тысяч долларов? Или вы и от нее откажетесь?

Симонов улыбнулся. Петровский почувствовал, как начинает заводиться.

– Семьдесят тысяч долларов, – сказал он. – Восемьдесят. – Лицо хозяина дома оставалось спокойным. Святослав Олегович нахмурился. – Может быть, сто тысяч? Сто

тысяч долларов. Вы понимаете, какая это сумма? В переводе на наши деньги три миллиона рублей. Зарплата за всю оставшуюся жизнь. Даже если вы будете работать в больнице еще двадцать лет, вам не получить таких денег. Согласны?

– Нет, – рассмеялся Игорь Сергеевич.

И самое обидное было то, что он даже не возмущался, а смеялся. Смеялся над деньгами.

Петровский невольно почувствовал уважение к этому человеку, который мог так легко отказаться от любой денежной суммы. И тут окончательно понял, что у него нет ни единого шанса уговорить главврача. Даже если он предложит ему миллион долларов. Существуют люди, которых нельзя купить вообще. Оказывается, в этом мире еще встречаются индивидуумы, не торгующие совестью. Редко, но вот встречаются. Петровский пошел к выходу. Симонов поднялся следом за ним.

Уже выходя из квартиры, Святослав Олегович обернулся.

– Извините меня, – почти искренне произнес он. – Я не хотел вас оскорбить. Вы удивительный человек. Я очень редко сталкиваюсь с такими идеалистами.

– Лоуэлл говорил, что иногда можно встретить подобных чудаков, – напомнил Симонов, – но их с каждым годом становится все меньше и меньше.

– Да, – согласился Святослав Олегович, – иногда мне бывает жаль, что человечество меняется не в лучшую сторону. – Он вышел из квартиры, мягко закрыв дверь. Спускаясь по лестнице, продолжал думать: «Удивительный человек! Живет на восьмом этаже без работающего лифта, кормит семью младшей дочери и отказывается от трех миллионов рублей. Сумасшедший! И все-таки порой получаешь удовольствие, наблюдая такое проявление человеческого духа». – Он подошел к автомобилю и приказал: – Срочно к прокурору области.

По дороге Петровский быстро съел привезенные бутерброды. Бубенцов сидел рядом и ждал, когда ему расскажут о состоявшемся разговоре. Он не сомневался, что его патрону удалось обо всем договориться. Но тот упрямо молчал. И лишь когда они подъехали к роскошному двухэтажному особняку прокурора области, спросил:

– Качанов еще не приехал в город?

– Приехал, – кивнул Бубенцов, – я не хотел вас расстраивать. Он сразу же отправился в свой штаб и потребовал, чтобы они отменили свою жалобу на Седых. Не понимает, что нельзя забирать жалобу уже после решения суда.

– Он все прекрасно понимает, – отмахнулся Святослав Олегович, – просто у него нет другого выхода. Позвони ему и скажи, что мы встретимся в полночь в аэропорту. И пусть приезжает без своей охраны, иначе я не стану с ним разговаривать.

– Сделаем, – пообещал Паша, – я его сам привезу.

– Как фамилия прокурора области?

– Константин Юрьевич Беленький, – достал свое досье Бубенцов. – Переведен в Курскую область полтора года назад. Раньше работал на юге, в Ставрополе и в Дагестане.

– Посмотрим, какой он Беленький, – устало проговорил Петровский, подходя к дому.

Он позвонил, и достаточно быстро появился сторож, уже предупрежденный о возможном визите гостя. Сторож открыл дверцу, пропуская гостя во двор.

«Как же выросло благосостояние наших прокуроров! – подумал Святослав Олегович,

оглядывая особняк. – Надо же, всего за полтора года отгрохать такой замок! Наверно, очень старался. Квартиру главного врача не сравнить с хоромами прокурора. Вот и получается: если там сразу стало ясно, что имеешь дело с идеалистом, то здесь живет – можно не сомневаться – закоренелый материалист».

На пороге дома его уже ждал прокурор – маленький смешной пухлый человечек лет пятидесяти.

– Добрый вечер, Константин Юрьевич, – любезно поздоровался с ним Петровский.

– Здравствуйте, дорогой Святослав Олегович, – всплеснул короткими руками хозяин особняка, – разве вы меня не помните? Мы встречались с вами шесть лет назад в Дагестане. Вы тогда к нам приезжали, а я работал заместителем прокурора города.

– И мы тогда договорились? – уточнил Петровский.

– Конечно, договорились, – заулыбался Беленький. – Как только мне сказали, что вы приедете, я сразу понял, по какому вопросу. Мне уже сообщили, что Нечипоренко при смерти. И мне звонил Ильин...

«Лишние двадцать тысяч долларов, – отстранение подумал руководитель «Миллени-

ума». – Если бы я вспомнил, что встречался с этим Беленьким, то можно было обойтись без посредников. Но составлять компьютерную базу данных на потенциальных взяточников очень опасно. Если такой список попадет в чужие руки, придется закрывать агентство. Приходится все держать в голове, а она, оказывается, порой подводит».

– Идемте в дом, – засуетился прокурор, – я приготовил ужин.

– Неужели вы сами готовите? – удивился Петровский.

– Нет, конечно, – засмеялся Беленький, – но некоторые мясные блюда меня научили делать на Кавказе.

– У меня мало времени, – признался Святослав Олегович, – мне еще нужно многое успеть за сегодняшнюю ночь. Вы поняли, по какому именно вопросу вам звонил Ильин?

– Конечно, понял. Нужно подать протест на решение суда, которым отстранили от выборов преподавателя нашей средней школы Седых Александра Александровича. Устраивайтесь поудобнее, у меня икорочка хорошая, осетрину с Волги привезли...

– Не сомневаюсь, что хорошая, – улыбнулся Петровский, усаживаясь за стол. – Но

мы с вами поужинаем в другой раз. Когда вы можете оформить все документы и подать протест?

Беленький сел напротив.

– А когда вы сможете заплатить? – поделовому спросил он, скрестив маленькие руки на груди.

– Сколько? – с этим типом не нужно было долго разговаривать. Они прекрасно понимали друг друга.

Беленький развел руками. Затем поднял палец и сказал:

– Один.

– Неужели тысячу долларов? – пошутил Петровский.

Прокурор рассмеялся коротким дробленным смехом. И вновь подняв палец, нарисовал им в воздухе нули. Целых пять нулей.

– Сто тысяч, – понял Святослав Олегович. – Но это несерьезно. Кто сейчас платит такие деньги?

– Жаль, – отозвался Беленький, – а я для вас так старался. Вызвал помощника, заставил его все оформить. Все документы.

– Вы хотите сказать, что можете вручить мне протест немедленно?

– Конечно, – заулыбался прокурор, – я ведь знал, с кем имею дело. Вы обычно возите деньги с собой. Они у кого–нибудь из ваших людей. А мне много не надо. Сто тысяч мне и пятерочку моему помощнику.

«Вот жадина, – подумал Петровский, – наверняка зажмет и эту пятерочку».

– С пятерочкой проблем нет, – ответил он, – но меня уполномочили заплатить только пятьдесят тысяч. Больше ни копейки дать не могу.

– Рублей? – иронично спросил прокурор.

– Могу даже зеленью. Но не больше этой суммы.

– Тогда мы не договорились. – Беленький скрестил руки на груди.

– До свидания, – поднялся со стула Святослав Олегович, твердо намереваясь уйти. Если прокурор области не хочет принести протест в порядке надзора, придется уговорить вышестоящую прокуратуру.

– Подождите, – сообразив, что деньги уплывают, остановил его Беленький. – Дайте подумать. Только деньги против документов.

– Мы вас когда–нибудь обманывали? – сухо осведомился Петровский:

– Нет, конечно. Но сейчас такое ненадежное время. Сегодня уже пятница. Через час начнется суббота. Пока вы дойдете до своей машины, Нечипоренко может умереть и вашего Качанова автоматически снимут с выборов. Не забывайте, это я осуществляю высший надзор за законностью в нашей области.

– Поэтому я вам и предлагаю пятьдесят тысяч, – останавливаясь, резонно заметил Святослав Олегович. – Или берете деньги, или я уезжаю. Мы найдем другого прокурора. А заодно я порекомендую сменить и вас на этом месте. И обратить внимание налоговых структур на ваш скромный домик.

– Вы мне угрожаете? – снова поднял короткие ручки Беленький. – Как вам не стыдно!

– Нет, просто напоминаю о наших возможностях. Желаете стать сереньким или полосатеньким? Мы это можем устроить. Не понимаю, зачем вам с нами ссориться. Соглашайтесь на наши условия.

– Хорошо, – кивнул прокурор нахмурившись, – я согласен, несите деньги. И не нужно так говорить. Я стараюсь сделать все, чтобы вам угодить, а вы приходите в мой дом и пугаете меня.

– Я не пугаю, – улыбнулся Петровский, – только предупреждаю. Вот когда начну по-настоящему вас пугать, вы сразу почувствуете мое к вам отношение. А пока я пришел к вам в гости, стараюсь с вами договориться и даже готов сидеть с вами за одним столом. Разве так пугают?

– У нас получился неприятный разговор, – вздохнул Беленький, – а я-то хотел вам угодить. Все для вас подготовил, документы выписал, даже печать привез домой...

– Ну хватит, – поморщился Петровский, – где документы?

– Здесь, в папке. Я могу их вам немедленно выдать. Но нужно, чтобы суд рассмотрел их сегодняшним числом...

– Это уже наша проблема, – сказал Святослав Олегович, выходя из комнаты. К еде он так и не притронулся. Он не любил есть в компании неприятных ему людей.

Подойдя к машине, Петровский открыл дипломат с деньгами, отсчитал пять пачек сто-долларовых купюр. Затем, подумав немного, взял еще одну пачку пятидесятидолларовых купюр, положил ее в карман и вернулся в дом.

Беленький ждал его у порога. Когда они вошли в особняк, Святослав Олегович про-

тянул хозяину пятьдесят тысяч долларов. Прокурор взял деньги и бережно положил их на комод. После этого передал папку с документами гостю.

– И пятерочку для моего помощника, – суетливо напомнил он.

Петровский достал пачку из кармана.

– Вот ваша пятерочка, – брезгливо произнес он, – если, конечно, вы действительно передадите ее своему помощнику. – Он положил деньги на комод, а когда прокурор потянулся за этой пачкой, прижал ее пальцем и добавил: – Учтите, если во время выборов произойдет какое-нибудь ЧП, вам придется вернуть все деньги. В отличие от вас у нас деньги подотчетные.

– Что еще может случиться? – улыбнулся Беленький.

– Надеюсь, ничего. Но в случае необходимости мой помощник Бубенцов будет вам звонить. – Он убрал палец с пачки и позволил прокурору ее забрать.

– В любое время, – еще шире улыбнулся Беленький. – Может, вы все-таки немного покушаете?

– Спасибо, я тороплюсь. До свидания. – И не пожав руки хозяина дома, Петровский покинул особняк.

«Вот ведь как странно, – подумал он, шагая к машине, – врачу Симонову мне хотелось пожать руку, хотя тот не принял моего предложения, а к этому типу не желаю даже прикасаться, хотя мы с ним и договорились».

– Вот протест областной прокуратуры на решение суда. – Святослав Олегович передал папку Бубенцову. – Утром отдаешь его Трохиной. Не забудь все лично проконтролировать, когда она выдаст решение об участии в выборах учителя истории. Ты уверен, что все козыри у нас? Уж очень не любят здесь нашего подопечного.

– Уверен, – откликнулся Бубенцов, – мы здорово поработали. Но как вам удалось так быстро оформить протест? Или он писал его у себя дома?

– В туалете. Сидел и писал, – выдохнул Петровский. – Ладно, поехали в аэропорт. – Он взглянул на часы. Была уже половина двенадцатого ночи. Усаживаясь в салон автомобиля, спросил:

– Ты вызвал Качанова?

– Он будет ждать нас в аэропорту, – ответил тот. – А можно я вам кое-что скажу?

– Что? – Петровский закрыл глаза.

– Вы просто настоящий профессионал. Мастер высшего класса. Я такой виртуозной работы еще не видел. Честное слово. За несколько часов столько успеть!

– Когда везешь с собой чемодан с деньгами, все проблемы решаются легко, – ответил Петровский, не открывая глаз. Но, вспомнив про Симонова, добавил: – Хотя и не всегда.

– Что вы сказали? – не понял Паша.

– Ничего. – Ему не хотелось говорить о своей неудаче. Вариант с главным врачом он предусмотрел на случай крайней необходимости.

Машины неслись в аэропорт.

– Вы так и не посмотрели город, – вздохнул Бубенцов.

– Думаешь, я приезжал любоваться местными пейзажами? – вяло отреагировал Святослав Олегович.

– Нет. Но мне казалось, что вам будет интересно...

– Мне будет очень интересно, когда этот мерзавец Качанов станет депутатом.

Вот тогда мы с тобой вернемся сюда и осмотрим все городские достопримечательности. А сейчас помолчи.

Машины на большой скорости неслись к аэропорту. Петровский анализировал достигнутое. Лечащий врач Сидоров будет заботиться о больном, как о своем близком родственнике. Аспирант тоже не станет больше советовать супруге журналиста отключить тело несчастного от искусственного дыхания. Прокурор уже вынес протест, и завтра утром местный суд разрешит учителю истории участвовать в выборах. Кажется, все сделано правильно, за исключением небольшой осечки с главным врачом. Но Симонов ничего не станет делать до утра. Выходит, все получилось как надо или почти все.

Он открыл глаза, когда автомобили уже подъезжали к зданию аэропорта. Местный аэропорт был небольшим, здесь не принимали крупных самолетов.

– Нас ждут, – показал Бубенцов в сторону двух стоящих «мерседесов».

«Идиот, – разочарованно подумал Святослав Олегович про Качанова. – Разве можно развезжать на таких автомобилях по городу, если хочешь, чтобы за тебя проголо-

совали люди, получающие в месячную зарплату меньше, чем стоит одно колесо на этих машинах?»

– Я же сказал, чтобы он приехал без охраны, – раздраженно обратился он к помощнику.

– У него в охранниках еще два джипа, – пояснил Паша. – Он любит ездить по городу как президент.

– Доездится, что его не выберут вообще, – в сердцах проворчал Петровский, вылезая из машины. Из переднего «Мерседеса» ему навстречу вышел Качанов с двумя телохранителями. Он был в длинном темном плаще, на голове – шляпа.

«Ну прямо гангстер тридцатых годов, – иронически подумал Петровский, – все-таки не стоит иметь таких неуправляемых клиентов. Тоже мне Дилинджер!»

Качанов подошел к нему один, оставив охранников у «Мерседеса».

– Я все знаю, – сказал он, широко улыбаясь и протягивая руку. – Мне уже сообщили, что прокурор области принесет протест, а Нечипоренко пока еще живой.

– Не нужно было вам сюда приезжать, тем более на таких дорогих машинах, –

строго произнес Петровский, все-таки пожимая руку своему клиенту. – Вы упрямо не выполняете наших рекомендаций. Немедленно уберите оба «Мерседеса» из города и передвигайтесь только на «волгах». Вы меня понимаете?

– Хоть на «Жигулях», – заулыбался Качанов. – Простите меня за то, что я сегодня днем на вас кричал. Я немного вспылил.

– Мой визит в Курск и решение срочных проблем, связанных с аварией Нечипоренко, обошелся нашему агентству в лишние триста пятьдесят тысяч долларов, – холодно заметил Петровский. – Надеюсь, вы компенсируете наши расходы независимо от исходов голосования.

– Считайте, что я вам уже заплатил, – беззаботно отозвался Качанов. – Но только мне нужно знать, что меня обязательно выберут в это воскресенье.

– Надеюсь, все так и будет, – кивнул Петровский. – А теперь слушайте меня внимательно. Во-первых, не высовывайтесь. Завтра агитация запрещена, и если вы позволите себе сорваться, я не отвечаю за последствия...

– Ни в коем случае, – заверил его бизнесмен.

– Во-вторых, поменяйте машины, уберите вашу бандитскую одежду. Больше светлых тонов, больше улыбок. Вас достаточно сильно ненавидят в этом городе, но мы делаем все, чтобы вас провести.

– Зачем вы мне говорите такие гадости? – разозлился Качанов. – Меня многие любят.

– Особенно учитывая вашу предыдущую биографию. Просто умирают от любви к вам. И хватит со мной спорить. Хотите, чтобы я вас обманывал? Вам больше понравится, если я начну вас хвалить, а вы не пройдете на выборах?

– Можете говорить все, что угодно, – разрешил бизнесмен, – только дайте мне депутатский мандат.

– И учтите: вам еще некоторое время даже после избрания нужно будет вести себя очень скромно. Если вы появитесь в Думе в таком виде и с вашей рожей, там сразу проголосуют за снятие с вас иммунитета. Первые два месяца вам придется посещать все заседания и заводить себе друзей. Не жалейте денег на выпивку и еду. Старайтесь дружить с представителями разных фракций, чтобы, когда придет запрос прокуратуры, они вас не выдали. Вы все поняли?

– Почему у меня рожа? – обиделся будущий парламентарий. – Мне не нравится, когда так говорят про мое лицо.

– Хорошо, пусть не рожа, а морда. Или харя. Как вам больше нравится. Я говорю вам серьезные вещи, а вы обижаетесь на пустяки. И вообще, постарайтесь ничего не предпринимать без согласия с нами. Ни одного шага. Только посоветовавшись с Бубенцовым. Считайте его вашим духовным наставником на эти два дня. Ясно?

– Понятно. Я же сказал, что все сделаю.

– До свидания. – Петровский во второй раз пожал руку Качанова, хотя оба раза ему не хотелось этого делать.

– Спасибо, – крикнул ему на прощание бизнесмен. – Я завтра же переведу все деньги.

Петровский посмотрел на часы. Шел первый час ночи. Пока они взлетят, будет час. Значит, в Волгоград он успевает.

– Проследи за этим типом. Он бывает неуправляемым, – напомнил Святослав Олегович Паше. – И чтобы больше никаких эксцессов. Если ночью Нечипоренко умрет, сразу мне позвони. Мгновенно. Где бы я ни был. И еще... – Он начал излагать Бубенцову свой план.

Тот слушал, ошеломленно открыв рот. Ему такой план показался абсолютно невероятным и авантюрным. И тем не менее осевшим голосом Паша заверил:

– Я все сделаю. Но как вы могли такое придумать?

– Станешь опытнее и не такое будешь придумывать, – ухмыльнулся Петровский. – Но учти, что ты ничего не должен делать без моего приказа. Лишь когда я позвоню и скажу «альтернативный план». Только тогда. Но у тебя есть ночь, чтобы подготовиться. Ты меня понял?

– Я все сделаю. Не буду спать, но все сделаю.

– До свидания. – Святослав Олегович немного подумал и все-таки протянул руку помощнику. Это не был жест фамильярности. Надо было хотя бы так поощрить Бубенцова. Ведь до этого он дважды пожал руку Качанову, чего ему совсем не хотелось.

– Я все сделаю, – повторил польщенный высоким доверием Паша Бубенцов.

Петровский в сопровождении двух сотрудников ввалился в салон самолета, уселся на прежнее место. Стюардесса подошла к нему.

– Опять ничего не будете пить? – улыбаясь поинтересовалась она. Командир уже успел рассказать, что все члены экипажа получают премии по тысяче долларов.

– Буду, – ответил он. – Стакан газированной воды. И дайте что-нибудь поесть. Я умираю с голоду.

– Обязательно, – кивнула стюардесса.

Сорок тысяч долларов за самолет, плюс пять тысяч, пятьдесят пять прокуратуры. Мелкие расходы врачу и старушке-соседке. Ужин с Трохиной... В общем, он неплохо провел время. Но все расходы покроет сумма в триста пятьдесят тысяч, которую он назвал Качанову. Петровский не считал, что запросил слишком много. Его нервы, время и унижение в доме Симонова стоили гораздо больше. Он усмехнулся. Теперь нужно думать про Омск. Утром встреча с губернатором. Святослав Олегович достал телефон и набрал номер своего заместителя.

– Юлай, – сказал он, – мы все сделали.

– Ты вытащил такую ситуацию! – понял Юлай Абуталипович. – Я думал, у нас ничего не получится.

– После девяносто шестого я понял, что можно решить любую проблему, – напомнил Петровский.

– Верно, – согласился Юлай, – но тогда была совсем другая история.

Святослав Олегович убрал аппарат и закрыл глаза. Да, в девяносто шестом им казалось, что переломить ход событий практически невозможно.

ВОСПОМИНАНИЯ

К началу девяносто шестого года в стране сложилась уникальная ситуация. Война в Чечне, повлекшая многочисленные жертвы, расстрел парламента, неудачные реформы, «черный вторник» и невероятная инфляция привели к тому, что рейтинг действующего президента упал до немыслимой цифры в три процента. Все основные кандидаты его опережали, а главный претендент от левой оппозиции гарантированно набирал двадцать пять–тридцать процентов голосов. Практически все специалисты-аналитики считали, что сократить этот разрыв нереально.

Действующий президент вызывал раздражение даже у собственного окружения. О его проблемах с алкоголем знала вся страна, журналисты изощрялись в смаковании подробностей из личной жизни главы государства. На официальных приемах он умудрялся нарушать все протоколы, вызывая гомерический хохот руководителей других государств. Летом девяносто четвертого в невменяемом состоянии «продиржировал» выводом собственных войск из Германии. Армия, ценой миллионов жизней победившая во Второй мировой войне, ставшая символом великой Победы, превратилась в посмешище. Генералы и офицеры сжимали зубы, глядя на пьяные выходки «верховного главнокомандующего», когда его поддерживали под руки официальные лица объединенной Германии, не давая ему упасть. «Русский медведь» более был не опасен, некогда грозная армия уходила из когда-то побежденной страны под насмешки и презрение ее жителей. Имущество армии распродавалось, миллионы долларов разворовывались, а воинские части выводились в спешном порядке в обустроенные военные городки.

Всем было ясно, что президент не может остаться на второй срок. Но также было понятно и другое – победить на предстоящих выборах должен только он. И дело было не в его личности, хотя справедливости ради надо отметить, что этот человек был по-своему выдающимся, с колоссальной энергетикой разрушителя. Он виделся единственным гарантом происшедших в стране перемен. Левая оппозиция все громче требовала реванша.

Собравшиеся в Давосе олигархи беспокоились, что в случае изменения ситуации они потеряют все свои деньги. Необходимо было договариваться и любым способом сохранять существующее статус-кво. Политические потрясения могли вызвать гражданскую войну. Армия, униженная поражением в Чечне, не гарантировала стабильности. Правда, боялась возможной будущей победы и левая оппозиция. Ее лидеры понимали, что правящие круги не признают итогов выборов в случае своего поражения.

В этой немыслимой обстановке вокруг президента начали формироваться две самостоятельные группы. Первая, состоящая из руководителей правоохранительных органов, спецслужб и части руководства админи-

страции, считала, что выборы нужно отменить или перенести. Вторая, сложившаяся из прагматиков, поддерживаемых большинством олигархов, полагала, что демократический имидж существующей власти надо сохранить и задействовать весь имеющийся административный резерв, чтобы попытаться на выборах все же победить. Хотя эта группа также не исключала возможности отмены выборов в случае поражения президента и возникновения чрезвычайной ситуации.

Эффективная политика «Миллениума» на протяжении последних лет многим олигархам была хорошо известна. Через Яшу Слаповского они организовали встречу со Святославом Олеговичем и поставили перед ним конкретную задачу: поработать независимо от созданных штабов и дать объективную картину происходящего. Ему пообещали любое финансирование, открыли по существу неограниченный кредит.

Петровский начал с того, что пригласил опытных специалистов из Америки. И не только аналитиков – психологов, ведущих профессионалов по менеджменту, рекламе, этике, телевизионных журналистов. Сформировался своеобразный штаб, который от-

вечал за информацию по выборам. После его двухмесячной работы стало ясно, что у действующего президента нет никаких шансов быть избранным, если резко не поменять тактику.

У главы государства действовал собственный предвыборный штаб, составленный из представителей чиновничьих структур и руководства спецслужб. Возглавлял его вице-премьер, известный своей близостью к семье президента. Он и его окружение привыкли работать по старинке, полагаясь на административный ресурс собственной власти. Эти люди все еще не хотели понять, что их время ушло. Между тем однозначные силовые решения, ориентированные во многом на прежнюю систему, уже не действовали. Однако вице-премьер и его штаб упрямо гнули свою линию, которая неминуемо привела бы их к поражению. Хотя оно их не пугало, так как они знали, что в этом случае президент просто отменит итоги выборов, запретит левые партии и останется на следующий срок.

Приглашенные американские специалисты дали крайне негативную оценку такой деятельности. Это был самый большой секрет Петровского и его агентства. На самом

деле ключевыми советниками в президентских выборах девяносто шестого года оказались американцы, но ни говорить, ни писать об этом нигде не разрешалось, чтобы не раздражать и без того ненадежный электорат.

Был сформирован второй предвыборный штаб во главе с другим бывшим вице-премьером, широко известным прагматиком и циником. Именно этот штаб развернул настоящую деятельность, монополизировав все средства массовой информации. Именно в него стекались все объективные данные по выборам, именно с его членами сотрудничали приглашенные американские советники.

От олигархов потребовали оплатить выборы. Собрали огромные суммы, которые щедро тратились на эту кампанию, задействовали сотни популярных актеров и режиссеров. Разрабатывался и новый имидж главы государства. На одном из предвыборных митингов его даже заставили танцевать.

Но неожиданно возникла еще одна очень большая проблема. Прибывшие советники с ужасом узнали, что здоровье президента не позволяет ему баллотироваться на второй срок. Обследовавшие главу государства американские врачи пришли к неутешительному

выводу – нужна срочная операция. Объявить об этом населению – значило проиграть выборы. Эту информацию тоже решили скрыть от избирателей. Однако президенту с каждым днем становилось все хуже и хуже, а объективное противостояние двух предвыборных штабов, работавших во многом друг против друга, отнимало немало сил.

Рано или поздно главу государства надо было заставить сделать выбор. Но сначала прошел первый тур. В ожесточенном противостоянии, когда счет шел буквально за каждый голос, вбрасывались тысячи лишних бюллетеней и в целых регионах подтачивались итоги голосования, действующий президент лишь на немного опередил кандидата от левой оппозиции. Они оба вышли во второй тур. Второй предвыборный штаб на деле доказал свою пользу. Но и первый штаб решил не сдаваться.

За основными сотрудниками второго штаба было установлено наблюдение, и в тот момент, когда посыльные выносили из здания Дома правительства коробку с деньгами, их задержали. Под давлением они согласились дать показания на своих руководителей. Однако люди, возглавлявшие пер-

вый штаб, недооценили мобильность и организаторские способности своих соперников из второго штаба, консультантом у которых был Святослав Петровский. Было принято решение выйти на самого президента. Несмотря на раннее утро, руководитель второго штаба сумел пробиться к нему и рассказать о случившемся. Это был переломный момент для страны. Глава государства должен был решать, с кем он останется: либо с первым штабом – и тогда придется отменять второй тур выборов, отказаться от всех прежних обещаний, ввести президентское правление, запретить партии, распустить парламент, либо со вторым штабом – и попытаться сохранить демократический имидж, выиграв в относительно честной борьбе. Президент долго колебался. Но наконец сделал выбор, к которому его подтолкнули, в том числе и члены собственной семьи.

Ему было по-настоящему нелегко, но он принял смелое решение. Отстранил от власти всех руководителей первого штаба, среди которых были и его личные друзья, безусловно ему преданные, прошедшие с ним долгий, нелегкий путь политической борь-

бы. Под ликование демократической общест-венности лидеров первого штаба отправили в отставку. Это дало ощутимую прибавку в голосах избирателей, но отняло слишком много сил у самого президента, который просто свалился с очередным инфарктом.

Все попытки левой оппозиции пробиться на телевизионные экраны и объявить об этом народу оказались безуспешными. Игры в демократию были отброшены. Лидерам левых партий перекрыли все доступы к каналам телевидения и радио, их запретили печатать в центральных газетах. Более того, устроили грандиозный обман. Заранее записав на пленку обращение президента, руководители второго предвыборного штаба просто скрыли от населения тот факт, что глава государства, баллотирующийся на высшую должность, находится в невменяемом состоянии.

По телевизионным каналам шла массовая агитация за действующего президента. Руководители регионов предупреждались о личной и персональной ответственности за итоги выборов. В результате президент сумел – таки победить и во втором туре, но так и не оправился от болезни.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Через полтора месяца ему сделали сложнейшую операцию, и никто не посмел даже спросить – каким образом прошли выборы, если руководитель страны был в таком тяжелом состоянии.

Петровский получил причитающиеся деньги. И не только серьезно улучшил свое материальное положение, но и стал ведущим специалистом по политическому маркетингу и выборам в огромной стране. В этот же период он познакомился с Леонидом Исааковичем Бронштейном, который позже стал незаменимым экспертом его агентства.

Но итоги президентских выборов девяносто шестого года запомнились ему еще и потому, что тогда Петровский окончательно убедился: поистине нет ничего невозможного. Отныне он знал, что даже самый высокий рейтинг не гарантирует победы, а самый низкий рейтинг, при должном подходе, может обеспечить победу. Это были главные уроки выборов девяносто шестого. И конечно, после их завершения в стране установился олигархический строй, который существовал до августа девяносто восьмого года, когда его смел возникший кризис.

Перелет оказался более утомительным, чем Святослав Олегович предполагал. Сначала пришлось ждать самолета в Волгограде, где они провели больше трех часов. Затем пересадка в Екатеринбурге на самолет местных авиалиний. Моторы надсадно гудели, казалось, самолет еле тянул. Но в половине одиннадцатого они все же приземлились в Омске. Петровский сел в машину к Леониду Исааковичу, чувствуя раздражение от непривычной щетины на лице. Он привык чисто бриться по утрам, и теперь его чуть ли не колотило от грязной рубашки и заросшего лица.

– Как долетели? – спросил Бронштейн.

– Плохо, – признался Святослав Олегович. – Сначала долго сидели в аэропорту Волгограда, затем этот самолетик еле долетел от Екатеринбурга. Я хотел бы где-нибудь побриться и сменить рубашку, прежде чем встречусь с губернатором.

– Понимаю, – усмехнулся Леонид Исаакович. Он достал дипломат и открыл его, демонстрируя содержимое. Здесь было несколько чистых рубашек сорок четвертого

размера, которые носил Петровский, новое лезвие, помазок, паста, его любимый парфюм от «Босса», новый галстук и даже упакованная щетка для волос.

Святослав Олегович с восхищением осмотрел содержимое.

– У нас будет полчаса в отеле. Это совсем рядом с губернаторской резиденцией, – пояснил Бронштейн.

«Вот почему этот человек получает такие огромные деньги, – мысленно оценил Петровский. – Бедный Паша никогда не додумался бы до такого, надо же, даже вспомнил мой размер и мой любимый парфюм! Какой молодец!»

Пока в номере он брился и принимал душ, Бронштейн стоял рядом и говорил о предстоящей встрече:

– Губернатор понимает, что у него мало шансов провести директора комбината. Слишком уж непопулярная в народе эта фигура, хотя внешне выглядит весьма обнадеживающей. На сегодняшний день у нас рейтинг тридцать один процент, а у нашего конкурента примерно двадцать восемь или двадцать девять. Но статистические погрешности в один–два процента – обычное

дело при подобных опросах. Поэтому мы не можем спокойно почивать на лаврах. Это от общего числа избирателей. Еще процентов двадцать возьмет представитель левой оппозиции. Это их законные голоса. И еще шесть процентов – кандидат от народной партии. Но мы с ним договорились: в случае неудачи он все голоса отдаст нам. Еще есть договоренность с кандидатом от либерал-демократов. Он не наберет больше двух–трех процентов, но пообещал во втором туре призвать своих избирателей голосовать за нас. Однако этот резерв меня не так волнует, как левый электорат. Здесь сложилась парадоксальная ситуация. Левые готовы поддержать нас во втором туре, если вылетят в первом. Не потому, что они так нас любят, а потому, что еще больше не любят директора комбината и губернатора, допустивших невероятные нарушения во время приватизации основного имущества области. Тут у нас позиции особенно крепкие. Все голоса, которые наберет в первом туре наш соперник, останутся с ним и во втором. Практически никто не отдаст ему свои голоса, так что у него нет никаких резервов. А мы располагаем не только крупным резер-

вом левых партий, но и возможной поддержкой нейтральных центристов.

– Губернатор об этом знает? – поинтересовался Петровский, вылезая из-под душа.

– Догадывается, – усмехнулся Бронштейн. – И, похоже, понимает, что пролетит со своим кандидатом. Поэтому собирается поторговаться.

– Что он может нам предложить?

– Я думаю отказаться от поддержки нашего кандидата и согласиться на кандидатуру директора комбината.

Петровский начал вытираться большим полотенцем.

– Он, очевидно, не совсем представляет реальное положение дел.

– Боюсь, что представляет, – возразил Бронштейн.

Святослав Олегович замер, поднял голову.

– Что вы хотите сказать?

– Финансовая корпорация «Финойл» готова провести своего человека на выборах в губернаторы Магаданской области, – пояснил Леонид Исаакович, – и, насколько я знаю, им поставили в Москве категорическое условие. Либо они проводят губернато-

ра и не выставляют своих депутатов по трем округам, либо их кандидат не пройдет в губернаторы и тогда они могут рискнуть своим положением.

– Почему нам ничего не было известно об таких договоренностях? – разозлился Петровский.

– Я сам только вчера о них узнал. Они не будут нас поддерживать, Святослав Олегович. Я со вчерашнего дня все время стараюсь выяснить, почему губернатор так неожиданно решил с вами встретиться. И сегодня утром мне сообщили о договоренностях между «Финойлом» и президентским аппаратом. Мы можем оказаться в глупом положении, когда наша победа никому не будет нужна.

– Тогда нужно поговорить с президентом «Финойла», – решил Святослав Олегович, надевая новую рубашку. – Сколько у нас еще времени?

– Пятнадцать минут. Вы можете ему позвонить.

Петровский надел брюки, прыгая на одной ноге, что было не совсем удобно. Потом достал свой аппарат, набрал номер. Но ему не ответили.

– Черт возьми, – пробормотал он, – я говорил Инне, чтобы вышла на работу в субботу.

– Сейчас в Москве еще нет девяти часов утра, – напомнил Бронштейн, – вы забыли о разнице во времени.

Святослав Олегович хотел выругаться еще раз, но Леонид Исаакович уже доставал свою записную книжку.

– Вот номер его личного телефона, – он продиктовал его, – вы можете позвонить ему прямо сейчас и переговорить с ним до того, как мы увидимся с губернатором.

Петровский быстро набрал номер. И довольно долго ждал, пока ему не ответил заспанный голос.

– Слушаю вас.

– Доброе утро, – несколько сконфуженно начал Петровский. Он всегда немного терялся, разговаривая с людьми такого уровня. Президент «Финойла» входил в десятку самых богатых людей страны и в списке «Форбса» всегда попадал в число самых состоятельных лиц планеты.

– У меня совсем раннее, – недовольно ответил президент, – я в Лондоне, а здесь половина шестого утра. Что-нибудь случилось?

– Я насчет вашего кандидата от Омска, – пояснил Святослав Олегович. – Дело в том, что в воскресенье тут будут выборы депутатов Государственной думы и я...

– Не нужно подробностей, – перебил его президент компании, – скажите конкретно, что вам нужно.

– У меня через десять минут встреча с губернатором Омска. Он будет настаивать, чтобы мы сняли вашего кандидата с выборов. Мне говорили, что вы согласитесь с таким решением.

– Ни в коем случае! – сразу ответил президент компании. – Нам намекали, чтобы мы были более лояльны. Но если мы не будем показывать время от времени зубы, нас просто сотрут в порошок. Нам необходимо иметь в парламенте своих людей. Обязательно, иначе некому будет пробивать наши интересы. Лоббировать, как сейчас любят говорить. Не обращайтесь ни на какие слухи. Их распускает наш вице-президент только для того, чтобы несколько успокоить некоторых ретивых чиновников. Твердо продолжайте свое дело.

– Спасибо. Извините, что вас разбудил.

– У нас тоже сложное положение, – напомнил президент компании. – В России нельзя работать без поддержки государства. Даже такой крупной компании, как наша. Поэтому не верьте никаким слухам, но, с другой стороны, вы должны знать, что мы не сможем вас поддержать в случае любового столкновения.

– Ясно, – вздохнул Петровский, – но хотя бы с финансированием, надеюсь, проблем не будет?

– Нет, – ответил президент компании, – с этим вопросом никаких проблем. Все ваши затраты будут оплачены. В этом можете не сомневаться. До свидания.

– До свидания, – сказал Святослав Олегович и подождал, пока его собеседник отключится. Затем спросил у Бронштейна:

– Вы все слышали?

– Не все, но я понял. Он не хочет отказываться от своего проходного кандидата, но боится испортить отношения с президентским аппаратом. В общем, все, как я и предполагал.

Петровский затянул галстук, надел пиджак. Теперь он был готов к встрече с губер-

натором области. Ровно через десять минут они уже были в его приемной.

Бронштейн предупредительно не стал входить к губернатору, понимая, что глава области хочет переговорить с руководителем «Миллениума» с глазу на глаз.

Когда Святослав Олегович вошел в большой просторный кабинет, навстречу ему шагнул высокий, подтянутый мужчина лет сорока пяти. Он энергично пожал руку Петровскому и пригласил его за длинный стол, усевшись напротив, словно они должны были провести важные, деловые переговоры.

– Вот вы какой, – произнес губернатор. – Я о вас много слышал. Говорят, вы настоящий гений в области аналитики. Умеете точно просчитывать варианты и проводить своих кандидатов. Многие депутаты, мэры и губернаторы обязаны вам своей карьерой. Я слышал, что вы помогали и нынешнему президенту.

– Мы многим помогали, – уклончиво подтвердил Святослав Олегович. – У нас аналитическое агентство, и наша цель – сбор информации для любого заказчика. Мы никому не отказываем, у нас для всех открыты двери.

– И даже для финансовых корпораций, которые находятся в напряженных отношениях с нашим правительством? – усмехнулся губернатор. – А вам не кажется, что вы рискуете, завязывая такие отношения? Зачем вам это нужно? Только из-за денег? Мы можем заплатить гораздо больше. Хотите обеспечить себе связи по всему политическому спектру? Но это наивно. Ваши правые кандидаты презирают вас гораздо больше, чем левая оппозиция. Если только они придут к власти, у вас сразу же начнутся большие проблемы. Они не простят вам президентских выборов, когда вы провалили все другие правые кандидатуры.

– Не нужно переоценивать наши скромные возможности, – усмехнулся Петровский, – это не я провалил, а они сами провалились. Слишком самоуверенно повели себя на выборах и в результате потерпели сокрушительное поражение. Если бы вовремя обратились ко мне, результат мог бы быть совсем иным.

– Учтем, – неприятно рассмеялся губернатор. – Значит, если я хочу гарантированно остаться на второй срок, то должен обратиться именно к вам?

– Так было бы лучше, – кивнул Петровский. – Но, насколько я знаю, у вас есть свои аналитики.

– Верно, – снова засмеялся губернатор. Смех был натянутым и фальшивым. Наконец спросил:

– Вы знаете, зачем я хотел с вами встретиться?

– Не имею понятия, – соврал Святослав Олегович.

– Речь идет о вашем кандидате в депутаты, которого вы поддерживаете, – пояснил губернатор, – об этом выскочке Абрикосове. Я не думаю, что вы выбрали лучшую кандидатуру.

– Мы не выбираем, – возразил руководитель «Миллениума», – мы помогаем тем, кто к нам обращается.

– Не нужно, – поморщился губернатор, – я знаю, кто стоит за Абрикосовым. Компания «Финойл» известна не только в нашей стране, но и во всем мире. Однако они просчитались, если решили, что могут хозяйничать и в нашей области.

– Не могу понять, зачем вы меня позвали, – в сердцах произнес Петровский. – Если у вас есть разногласия с руководством

компании «Финойл», то лучше выскажите ваши претензии их представителю, а никак не мне.

– Верно, – согласился губернатор, немного остывая. Затем неожиданно поднялся и прошел в комнату отдыха. Ничего не объясняя, он вернулся с дипломатом в руках, поставил его на стол и эффектно открыл.

Петровский глянул на содержимое чемоданчика. В нем лежал миллион долларов. Он знал это и без подсчетов. В такие дипломаты помещалось ровно сто пачек денег.

– Здесь миллион долларов, – мрачно сообщил губернатор. – Я думаю, нам не нужны лишние разговоры. Берите деньги, забирайте вашу американо–еврейскую команду из моей области, и чтобы я о вас больше никогда не слышал.

Петровский вновь посмотрел на чемоданчик и усмехнулся. Причем выразительно, чтобы его ухмылку увидел губернатор. Он помнил, как вчера смеялся над его деньгами Симонов, и понимал, что самая обидная реакция – смех.

– Почему вы смеетесь? – взорвался губернатор. – Здесь миллион долларов. Или вам мало? Убирайтесь из моей области. Мы

все равно не допустим, чтобы Абрикосов стал депутатом Государственной думы. И «Финойл» вас больше поддерживать не будет. Им нужно провести своего губернатора в Магадане. Поэтому они договорились разменять губернатора на трех депутатов.

– Я все–таки не понимаю, при чем тут мое агентство? – тихо спросил Петровский. – И почему вы оскорбляете моих людей, называя их американцами? Среди приехавших сюда аналитиков есть один человек, у которого было гражданство США. Но он бывший одессит и сейчас российский гражданин. А больше у нас нет американцев. И почему вы предлагаете мне такие большие деньги? Я ничего не понимаю.

– Не устраивайте мне здесь спектакль. Тоже мне, благородная девица! – со злостью проговорил губернатор. – Вы все прекрасно понимаете. Забирайте деньги и уезжайте отсюда. Если бы вас не поддерживали в Москве, я не стал бы предлагать вам деньги, неужели вы этого не понимаете? Я просто раздавил бы вас, как грязных тараканов.

– Приятное сравнение, – снова улыбнулся Петровский, – но мне не нужны деньги.

– Хорошо, – отодвинул в сторону дипломат с деньгами губернатор, – тогда скажите, что вам нужно.

– Если вас это интересует. – Улыбка Петровского сводила с ума его собеседника. – Наше аналитическое агентство выдает свои рекомендации действующим политикам, и мы считаем, что на выборах в Государственную думу по одному из ваших округов победит кандидат Абрикосов. Если вам такое положение дел не нравится, очень жаль, но я ничего не могу с этим поделать. Лишь одно я могу вам твердо обещать – ваш кандидат не пройдет в депутаты, в этом вы можете не сомневаться.

Губернатор усмехнулся. Затем покачал головой.

– Смело, – отреагировал он, – смело и нагло. Пользуетесь тем, что у вас есть знакомства на самом верху? Только напрасно вы так гордитесь вашим положением. Я думаю, что ваш Абрикосов не победит. Он не может победить. Здесь нет подслушивающих устройств, и я могу вас заверить, что, если понадобится, мы поменяем все урны с бюллетенями, поменяем все бюллетени, но

добьемся нужного нам результата. При любых обстоятельствах, при любых.

– Желаю успеха, – отозвался Петровский. – Я думал, у нас будет серьезный разговор. А вы позвали меня за столько километров, чтобы банально угрожать. Глупо и несерьезно. Уже завтра сюда приедут корреспонденты всех центральных каналов. Совершенно случайно я узнал, что группа международных наблюдателей будет работать именно в вашей области. Вы считаете, что сможете заменить все урны с бюллетенями? Карты вам в руки. Но боюсь, у вас ничего не получится, контроль будет слишком плотным. На каждом участке будут наши наблюдатели. И плюс еще наблюдатели от левой оппозиции, которые вас так не любят.

Губернатор, сжав зубы, злыми глазами глянул на собеседника.

– Мне звонили из Москвы, – наконец выдавил он, – они требуют, чтобы я провел директора комбината. Скажите, что мне делать?

– Стараться изо всех сил, – посоветовал Святослав Олегович. – Но в итоге вы все равно проиграете. И мой вам совет: уберите вашего директора с комбината. Его не любят в народе. Очень не любят.

– У них контрольный пакет акций комбината, – возразил губернатор. – Я ничего не смогу сделать, а они контролируют треть области.

– Тогда они могли бы победить и без вашей помощи. А вместо этого просят вас им помочь, – возразил Петровский, – значит, чувствуют себя недостаточно уверенно.

Губернатор замолчал. Очевидно, он обдумывал создавшуюся ситуацию. Молчание длилось целую минуту.

– Я не могу пропустить кандидата «Финойла», – наконец признался он, – для меня будет лучше, если пройдет кандидат от коммунистов или даже от ЛДПР, только не от правых. У меня четкие указания из Москвы.

– Почему им так не нравится «Финойл»? – лицемерно любопытствовал Петровский.

– По-моему, им вообще не нравятся все олигархи, – ответил губернатор, – хотя кому как не вам знать об этом. Это ведь ваше агентство формировало нынешнюю власть. Я даже слышал байки, что вы помогали и предыдущему президенту в девяносто шестом году.

– Не помню, – усмехнулся Петровский, – прошло много лет.

– Что нам делать? – вновь спросил губернатор. – Я знаю, что вы разумный человек. Очень разумный. И я хочу с вами договориться, а не враждовать. Как мне быть?

– Можно сделать так, чтобы были удовлетворены обе стороны, – пояснил Петровский и, видя, что губернатор заинтересованно придвинулся к нему, начал излагать свой план.

– Мы можем пойти на компромисс и уступить вашему кандидату первую строчку в первом туре. Скажем на полтора–два процента. Оба кандидата гарантированно проходят во второй тур. А во втором побеждает наш кандидат. И вы можете отчитаться перед Москвой, что сделали все от вас зависящее, но в последний момент левая оппозиция и нейтральные центристы отдали свои голоса нашему кандидату

– Меня больше устроило бы наоборот, – признался губернатор, показывая на дипломат с деньгами.

– Не получится, – сказал Петровский. – Вы сами знаете, что не получится. Наш кандидат победит при любом раскладе. Мы можем уступить лишь первый тур.

Губернатор снова посмотрел на дипломат с деньгами.

– И вы можете гарантировать, что мы победим в первом туре? – спросил он, все еще сомневаясь.

– На некоторых участках мы можем договориться, – предложил Петровский, – не обязательно сразу рапортовать об итогах выборов. Их можно задержать на несколько часов. Иногда бывают технические сбои. А взамен вы получаете благодарность крупнейшей компании «Финойл» и мои личные заверения в дружбе.

– Нет, – возразил губернатор, – если я не смогу обеспечить нужных депутатов, то мне самому понадобится ваша поддержка. У нас через год выборы.

– Что вы предлагаете?

– В качестве платы за услугу вы помогаете мне на губернаторских выборах. Разумеется, я оплачу все ваши расходы. Но на выборах губернатора вы станете поддерживать мою кандидатуру, а не представителя «Финойла».

– Согласен, – кивнул Петровский. Теперь он понял, зачем понадобился губернатору. Того меньше всего интересовала судьба директора комбината. Его волновало прежде всего собственное положение

и собственные выборы. Именно поэтому ему была нужна поддержка такой мощной аналитической компании, как «Миллениум».

– Тогда мы договорились. – Губернатор тяжело вздохнул. – Но мне все равно будет трудно убедить Москву, что я не веду двойной игры. Я буду ждать вас через полгода, когда начнется выдвижение кандидатов в губернаторы. Надеюсь, вы не забудете о нашей договоренности?

– Я всегда держу слово, – ответил Святослав Олегович и сам подивился, как твердо прозвучало его заверение. Хотя сам он прекрасно знал, что его слово ничего не стоит. Он сохранял верность лишь до тех пор, пока ему это было выгодно. Только выгода – и ничего личного.

Петровский поднялся, пожал протянутую руку губернатора и вышел из кабинета. Когда он ушел, из комнаты отдыха губернатора вышел пожилой человек лет семидесяти. Это был советник губернатора, бывший руководитель местной госбезопасности, которому губернатор искренне доверял. К тому же советник был родственником его супруги.

– Вы все слышали, Николай Федорович? – спросил губернатор.

– Он не взял деньги, – напомнил советник, – значит, уверен в своих силах.

– Ему можно верить?

– Конечно, нет. Но он прав. Нужно провести первый тур и проверить ваши возможности. Если он согласился на разрыв, то мы должны попробовать. Будет разрыв больше десяти процентов – рискнем и тогда во втором туре мы дадим им бой. Но если разрыв будет в один или два процента, то он прав. Левые поддержат его кандидата, и Абрикосов гарантированно пройдет. Однако в Москве будут знать, что ты боролся изо всех сил. И если все будет так, как он говорит, то на губернаторских выборах поддержка такой мощной структуры, как «Миллениум», тебе очень понадобится.

– Получается, мы ждем, кто кого обманет? – понял губернатор.

– Это и называется политикой, – заметил Николай Федорович.

Бронштейн ждал Петровского в коридоре. Они молча спустились вниз, миновали проходную, вышли на улицу. И только тут Святослав Олегович тихо сказал:

– Вы были правы. Он решил поторговаться. Хочет гарантировать свое выдвижение в губернаторы. Просил нашей поддержки.

– А взамен обещал не мешать Абрикосову?

– Мы договорились, что в первом туре победит с минимальным разрывом его кандидат. А во втором пройдет наш.

– Вы ему доверяете?

– Конечно, нет. Если разрыв будет минимальным, он струсит и не станет ничего предпринимать. Но если добьется в первом туре подавляющего превосходства, то просто плюнет на все наши договоренности.

– Вы, как всегда, правы, – согласился Бронштейн, – думаю, у вас был полезный разговор.

– Очень, – согласился Петровский, устало улыбнувшись. – Вы не знаете, когда отсюда самолет на Москву?

– Если «Аэрофлотом», то завтра утром. Но можно полететь другой компанией.

– Очень надеюсь, что не с пересадками, – заметил в сердцах Петровский. И в этот момент раздался телефонный звонок. Он достал свой аппарат.

– Нечипоренко умер, – сообщил печальную новость Паша Бубенцов. – Это случилось пять минут назад. Я не знаю, что мне делать...

ВОСПОМИНАНИЯ

Августовский дефолт стал настоящим шоком не только для России, но и для многих соседних государств, связанных с огромной страной тысячами экономических связей. Впервые миллионы людей столкнулись с настоящим экономическим кризисом, теряя не только свои деньги в банках, но и ощущение стабильности, казалось бы, появившееся в последние годы.

Однако рассматривать этот кризис в отрыве от его политической составляющей было бы неправильно. На самом деле все проблемы были стянуты в тугую клубок, разорвавшийся именно в августе девяносто восьмого года.

Сначала начала падать цена на нефть – основу экспорта страны. Затем возникли проблемы по уплате государственных бумаг, на которых спекулировали практически все

крупные финансовые компании и банки. Проявились и последствия ошибочного курса на удержание рубля, когда был установлен жестко фиксированный курс его к доллару. Многомиллиардные кредиты МВФ практически разворачивались либо использовались нецелевым способом. Из получаемых денег сразу приходилось отдавать проценты по долгам и платить иностранным специалистам за «консультации». В результате из каждого миллиарда выделяемых денег две трети сразу списывались, а оставшиеся миллионы успешно разворачивались.

Но дело было не только в экономических просчетах и резком падении цен на нефть. На подобную ситуацию наложилось и роковые политические ошибки руководства страны. Сначала было «весеннее поветрие» президента, когда он отправил в отставку главу правительства, проработавшего с ним много лет. Президенту доложили об имеющихся политических амбициях премьера, и он решил прервать политический полет своего возможного преемника. Премьера вызвали и без объяснения причин отправили в отставку.

Это была первая крупная политическая ошибка. Стабильность правительства в усло–

виях экономического кризиса могла смягчить возможный удар, но президент плохо разбирался в экономике. Затем последовала вторая политическая ошибка. На должность премьера был рекомендован молодой человек, лишь недавно переведенный в правительство. Выбирая такую кандидатуру, президент руководствовался сугубо личными мотивами, понимая, что столь неопытному и неизвестному молодому премьеру будет невозможно проявлять политические амбиции. Правительство должно состоять из технократов, готовых работать, а не заниматься политиканством, считал он, забывая, что руководство экономикой в разваливающейся стране – самая большая политика.

Молодой человек не получил утверждения парламента ни в первый, ни во второй раз. Стало ясно, что противостояние президента и парламента достигло своего пика. По новой конституции глава государства имел право распустить парламент в случае третьего отказа принять его кандидатуру на должность премьера. Были срочно мобилизованы все аналитики, в том числе и Петровский. С левой оппозицией проводились многочисленные встречи и беседы. В результате ком-

промисс нашли, и самый молодой премьер в истории страны был утвержден.

Конечно, он старался. Конечно, работал изо всех сил. Но прыгнуть выше головы своей еще никому не удавалось. К тому же сказывались последствия нарастающего экономического кризиса и ошибочные решения правительства, усугубляющие этот кризис. Через несколько месяцев новый премьер–министр принял решение о дефолте. Оно было тем более обидным и политически неверным, что за несколько дней до этого сам президент публично объявил о его невозможности. Но новый премьер не сумел выкрутить ситуацию, и в стране наступил самый настоящий хаос. Доллар подорожал сразу в четыре раза. Многие банки объявили о своей несостоятельности. Тысячи людей штурмом брали финансовые учреждения, чтобы получить обратно свои деньги. Нарастала общая паника.

Разгневанный президент убрал молодого премьера и сделал третью ошибку. Он решил вернуть прежнего. Петровский и другие аналитики прекрасно понимали, что в одну реку дважды войти невозможно. Но глава государства упрямо гнул свою линию. Новый старый

премьер не получил большинства в парламенте. Кризис усугублялся. В этих условиях собравшиеся аналитики приняли решение выдвинуть компромиссную кандидатуру нового премьера, который должен был устраивать левую и правую оппозиции, а также самого президента в первую очередь. Напрасно Петровский доказывал, что глава государства должен обладать правом первоочередного выбора. Ему предложили кандидатуру бывшего руководителя службы разведки, ставшего министром иностранных дел.

Несмотря на свой характер, президент понял, что это его единственный шанс. Потрясенный случившимся дефолтом, он согласился с кандидатурой министра иностранных дел на должность премьера, даже не предполагая, какие последствия будет иметь его согласие на формирование нового кабинета министров. Новый премьер получил одобрение парламента с первой же попытки, сформировав левоцентристское правительство.

Петровский знал обо всех нюансах новых переговоров. Знал он и другое. За несколько дней до дефолта члены правительства успели предупредить «дружественные» банки о возможной смене курса и грядущем

событии. В результате несколько банков сумели избавиться от всех государственных казначейских обязательств, закупая на имеющиеся деньги валюту по цене одного доллара за шесть рублей. Разумеется, когда грянул кризис, выяснилось, что эти банки не только не потеряли свои деньги, но наоборот – сумели составить неплохой капитал на общей беде собственного народа. Но банкирам и политикам всегда глубоко наплевать на народ. К этому времени сложился уникальный олигархический класс, которого не было нигде в мире.

Сказочно разбогатевшие молодые люди с выпученными глазами и лицами недоучившихся увальней в одночасье превратились в миллиардеров. Но они не уважали страну, благодаря которой стали такими богатыми людьми. Миллиарды долларов вывозились за границу, оседали на счетах в оффшорных зонах. Покупались виллы, замки и дома по всему побережью Средиземного моря. Семьи новых олигархов спешно отправлялись за рубеж, где оставались жить и учиться. По существу, страна превращалась в большую колонию, откуда несколько десятков циничных и прагматичных молодых людей качали

деньги. Все национальные богатства были поделены между группой лиц, ставших негласными владельцами огромного государства. Миллионы людей не получали даже заработной платы, сидели без света и тепла в стране, которая экспортировала нефть и газ на миллиарды долларов.

Тогда, в августе девяносто восьмого, казалось, что удержать население от погромов невозможно. Создалось впечатление, что все стоит на грани, за которой начнется всеобщий хаос. В других странах мира обвал собственной валюты даже на пятьдесят процентов становился национальной катастрофой. Через несколько лет в Аргентине такой обвал вызвал отставку сразу трех президентов подряд. Но в России произошло самое настоящее чудо. И совершило его левоцентристское правительство нового премьера. Никто не мог поверить, что новому правительству удастся отодвинуть Россию от грядущей катастрофы, спасти ее от развала и неминуемой гражданской войны.

Но новый премьер потребовал и немислимой прежде платы за свою работу – отодвинул олигархов от управления государством, установил жесткий финансовый кон-

троль за расходами и вывозом капиталов из страны, ввел негласную цензуру в средствах массовой информации, начал полномасштабные ревизии уже заключенных договоров, разрешил правоохранительным органам взять под контроль деятельность самых богатых людей в государстве, неприкасаемых при прежних правительствах. По существу, начал расшатывать фундамент того режима, на котором покоилось личное благополучие президента и его семьи.

Петровский понимал, что противостояние неизбежно. Все попытки примирить существующие противоречия между главой государства и главой правительства оказались безуспешными. Президент понимал, что обязан новому премьеру сохранением общей стабильности, в том числе и собственной должности. И не мог простить этого премьеру. К тому же новый премьер решил сразу показать зубы и подготовил документы о согласии, по которому его нельзя было автоматически освободить от занимаемой должности. Благодаря нескольким информаторам президент получил этот документ почти одновременно с премьером. И пришел в бешенство, понимая, что его хотят

обойти. К тому же снова напомнили о себе старые болячки. И тогда глава государства в который раз решил выйти на бой с собственной тенью. Он принял решение отстранить премьера от власти, рискуя даже вызвать новый экономический кризис.

В стране назревал очередной раунд политической клоунады. И гром грянул весной девяносто девятого.

Услышав сообщение Бубенцова, Петровский почувствовал, что земля уплывает у него из-под ног. Рядом стоял Бронштейн, очевидно сообразивший, что произошло.

– Который у вас час? – хрипло спросил Святослав Олегович.

– Половина десятого утра, – ответил Паша.

– Нужно задействовать «альтернативный план», – пробормотал он. – Ты помнишь все мои инструкции?

– Я уже все подготовил. Поэтому и позвонил вам. Вы разрешаете действовать?

– Да. Когда передадут протест прокурора в суд?

– Через полчаса. Трохина обещала приехать в суд к десяти.

– Оставь там своего человека и действуй, – приказал Петровский. Затем помолчал и неожиданно добавил: – Паша, я на тебя рассчитываю.

– Не беспокойтесь, Святослав Олегович.

– Больницу уже нашел?

– Да. Город совсем недалеко. Называется Виногробль.

– Ну и название, – удивился Петровский. – В общем, действуй как я тебе говорил. Удачи. И чтоб без ошибок. – И он убрал телефон в карман.

Еще вчера, разговаривая с Симоновым, Святослав Олегович предусмотрел этот вариант. Поэтому и спрашивал у Игоря Сергеевича насчет мобильных телефонов. Узнав, что их нет, принялся разрабатывать этот авантюрный план. И хотя Симонов ему лично понравился, пришлось по отношению к нему поступить жестоко.

Паша выполнил все его инструкции в точности. Ночью он нашел небольшую больницу в городке Виногробль, находящемся рядом с Курском. А утром, получив известие о смерти Нечипоренко, немедленно поехал в реанимационное отделение, где тот скончался. Собственно, он разговари-

вал со своим руководителем уже оттуда. О случившемся пока знали только лечащий врач Сидоров и медсестра. Их обоих посадили в машину «Скорой помощи», дежурившую у больницы. Бубенцов пообещал каждому еще по тысяче долларов, прежде чем затолкал их в фургон. Затем его ребята погрузили тело Нечипоренко в другой автомобиль. И машины с ревом полетели из Курска в соседний городок.

Но это была лишь первая часть плана. Пока Бубенцов организовывал кражу тела кандидата в депутаты, двое его людей появились на восьмом этаже дома Симоновых. Они перерезали телефонные провода в квартиру главного врача и с помощью автогена заварили замок на его входной двери. Все попытки Симонова и его домочадцев понять, что происходит за дверью, не увенчались успехом. Им вежливо отвечали, что на лестничной клетке идет ремонт и надо просто немного подождать. Расстроенный врач обнаружил, что не работает телефон, но махнул рукой на все происходящее. Была суббота, он мог отправиться на работу позже обычного или вообще не пойти, в конце концов, его всегда могли найти, прислав за

ним машину. Симонов отправился читать Мураками, и не подумав связать заклинившую дверь и отключенный телефон со вчерашним поздним визитером.

Тело Нечипоренко привезли в больницу городка Виногробль и положили в палате, куда перекрыли доступ посторонним. Бубенцов заплатил несколько тысяч долларов местным эскулапам, приказав никому не входить к «тяжелобольному» и поехал обратно в Курск, чтобы получить решение судьи Трохиной.

По дороге он снова позвонил Петровскому. Тот уже находился в рейсовом самолете, вылетевшем в Москву, а потому не мог разговаривать. Но телефон он не отключил, и когда Бубенцов до него дозвонился, произнес только одно слово:

Ну...

– Дверь заварили, телефон отключили, объяснили, что идет ремонт, – радостно доложил Бубенцов.

– Дальше...

– Тело отвезли в больницу, где дежурят мои люди...

– Быстрее говори...

– Еду к Трохиной за решением суда.

Петровский, ничего не сказав, отключился. Паша убрал аппарат и попросил водителя прибавить скорость. В городе они были через двадцать минут. И сразу поехали к зданию местного суда. Трохина оказалась на месте. Она позвонила своей судье и выяснила, что та не возражает против принятия протеста. Судья и не могла возражать. Утром Бубенцов уже успел побывать у нее дома и оставил ей конверт.

Трохина внимательно прочитала протест прокурора, затем вызвала девушку–секретаря и приказала ей подготовить постановление суда об отмене прежнего решения по поводу участия гражданина Седых Александра Александровича в выборах по их избирательному округу. Секретарь не удивилась. В работе суда принятые решения достаточно часто оформляются задним числом. Судьям бывает сложно переписывать весь приговор, и они нередко зачитывают лишь последние строчки, а уж затем готовят постановление по всей форме. Такая практика судопроизводства вообще характерна для работы местных судов от Смоленска до Камчатки. Справедливости ради следует отметить, что ее применяют и в дру-

гих странах СНГ – бывших республиках страны.

Бубенцов прождал около полутора часов, пока наконец Елизавета Андреевна не приняла его в очередной раз. Все документы были готовы, постановление суда скреплено ее подписью и печатью.

– Можете передать его Александру Александровичу и в местную избирательную комиссию, – весело сообщила Трохина. Ей было приятно, что она помогла хорошим людям и восстановила справедливость в отношении заслуженного учителя.

– Большое спасибо. – Бубенцов взял папку с бумагами и достал из кармана конверт. – Это вам, – сказал он, положив его на стол. В нем были две тысячи долларов.

– Что это? – нахмурилась Трохина.

– Деньги за беспокойство, – пояснил Паша.

– Как вам не стыдно, – беззлобно произнесла судья. – Ну почему вы считаете, что нужно обязательно за все платить? Я помогла вам, руководствуясь исключительно добрыми чувствами и к вашему начальству, и к нашему Александру Александровичу.

– Знаю, – кивнул Бубенцов, – но разве мы хотели вас обидеть? У нас все законно. И протест прокурора, и ваше постановление. Это наш небольшой презент, на сувениры.

– Ладно, – махнула она рукой улыбаясь. – Тоже мне сувениры. Идите быстрее. До свидания.

– Всего хорошего. И большое вам спасибо. – Паша выскочил за дверь, радуясь, что сумел так быстро получить постановление.

Оставшись одна, судья раскрыла конверт, достала деньги. Сумма ее поразила. Две тысячи долларов! То есть больше шестидесяти тысяч рублей. Она подумала, что за учителя истории заплатили слишком уж много. И ее впервые посетило смутное беспокойство. Елизавета Андреевна снова посмотрела на деньги, затем на копию постановления. «Почему они так заинтересованы, чтобы Седых принял участие в выборах? – задумалась она. – Можно ведь отменить выборы и провести их через два месяца. Тогда Александр Александрович примет в них участие на законных основаниях. Почему они так спешат?»

У нее не было ответа на этот вопрос. Елизавета Андреевна переложила деньги в сумочку и еще долго чувствовала себя не

совсем уверенно. Дело было не в огромной сумме, которую ей заплатили. Она наконец сообразила, что такие деньги мог дать только Качанов. Лишь за него могли заплатить две тысячи долларов. И тут наконец-то поняла, что смерть Нечипоренко могла убрать с предвыборной гонки и самого Качанова. Почему же раньше ей не пришло это в голову? Или этот милый человек с таким хорошим честным лицом, который вчера с ней разговаривал, все-таки ее обманул? Ей не хотелось в это верить. Но полученная сумма слишком уж нервировала. Поэтому, подняв трубку телефона, судья набрала номер больницы «Скорой помощи».

– Здравствуйте, – сказала она услышав женский голос, – с вами говорит председатель межрайонного суда Трохина Елизавета Андреевна, мне нужен главный врач больницы.

– Игорь Сергеевич еще не пришел, – сообщила девушка, – у них дома, кажется, ремонт. Мы звонили их соседям. У вас срочное дело?

– Нет-нет. Я только хотела узнать, как здоровье вашего пациента Нечипоренко. Как он себя чувствует?

– Не очень, – призналась девушка, – но его, кажется, забрали. Я слышала, что его увезли на операцию.

– Куда увезли? – опешила Трохина. – Он же нетранспортабельный.

– Я не знаю, – ответила девушка, – но врач разрешил. У него лечащий врач Сидоров, он разрешил забрать больного.

– Можно вашего Сидорова к телефону?

– Но его сейчас нет, – пояснила ее собеседница, – он уехал вместе с больным.

– Тогда понятно. Извините. До свидания. – Трохина положила трубку и облегченно вздохнула. Нельзя быть такой подозрительной. В голову лезут разные глупые мысли. Конечно, лечащий врач уехал вместе с пациентом, чтобы на месте подсказать хирургам, какая именно операция нужна Нечипоренко. Она снова посмотрела на свою сумочку и тяжело вздохнула. И почему ей заплатили такие деньги, ведь она всего лишь выполнила свой долг и восстановила справедливость?

Павел Бубенцов именно в этот момент переступал порог местной избирательной комиссии. Он принес сюда постановление суда и передал его председателю избира-

тельной комиссии, заслуженному ветерану с несколькими рядами орденских ленточек на пиджаке.

– Вот здорово, – обрадовался председатель, – как хорошо, что все так получилось. Александр Александрович наш лучший учитель, один из самых известных людей в городе. А его так несправедливо отстранили. Мы вынуждены были подчиниться решению суда, но я сам писал и в прокуратуру, и в суд, чтобы они пересмотрели это несправедливое решение. Из-за покосившегося сарая лишать человека возможности быть избранным в депутаты! Мы вам очень благодарны, товарищ... как ваша фамилия?

– Кузнецов, – соврал Паша. Зачем говорить этому типу свою настоящую фамилию? Он легко может узнать, что Бубенцов – представитель предвыборного штаба другого кандидата.

– Вы благородный человек, – пожал ему руку председатель, – мы прямо сейчас начнем печатать новые бюллетени. Как это здорово! У нас вообще большие проблемы с нашим участком. Никогда раньше такого не было.

– И не будет, – пообещал Паша, – теперь у вас появится новый депутат, который

сумеет достойно представлять ваши интересы в Государственной думе.

Он с удовольствием увидел, как председатель вписывает фамилию Седых в список кандидатов. Бубенцов дождался, когда старичок начнет звонить, и незаметно вышел на улицу. Несмотря на осень, было еще достаточно тепло. Паша взглянул на выглянувшее солнце. Ему было приятно, что он сумел выполнить «альтернативный план» шефа. Симонов заперт в собственной квартире и отрезан от телефонов. Тело Нечипоренко спрятано от посторонних глаз в небольшой больнице. И наконец, судья Трохина вынесла постановление суда по протесту прокурора, восстановила учителя истории в списках кандидатов. Петровский должен быть доволен своим учеником. Вспомнив о нем, Паша улыбнулся. И снова достав телефон, набрал известный ему номер.

– Что опять? – услышал он голос шефа.

– Все в порядке, – радостно отрапортовал Бубенцов, – постановление суда готово, я передал его в местную избирательную комиссию.

– Постановление от вчерашнего числа? – уточнил Святослав Олегович, – ничего не перепутали?

– Ничего. Я все сам проверил. Трохина диктовала своему секретарю. Постановление от вчерашнего числа. Все чисто. И в избирательной комиссии наше постановление тоже приняли. Все нормально, они сейчас будут регистрировать Александра Александровича.

– Хорошо. Сколько заплатил?

– Трохиной дал две тысячи, а в избирательной комиссии ничего не дал. Они и без того радовались, что мы отстаивали для них этого учителя истории.

– Две тысячи чего? – нетерпеливо спросил Петровский.

– Долларов конечно, – пояснил Паша.

– Дурак, – услышал он в ответ. – Для нее это невероятные деньги. Нужно было дать пятьсот долларов. И в рублях. Какой ты кретин, Паша! Получив такие деньги, она сразу поймет, что мы старались не для бедного учителя истории, а для крутого бизнесмена. Ну сколько я тебя должен учить?

– Извините, Святослав Олегович, я об этом не подумал.

– Ладно, ничего страшного. Самое главное, чтобы Седых сегодня узнал, что он опять баллотируется. Возьми разрешение местной избирательной комиссии и пере-

дай ему. В школе или дома, смотря где он будет. Ничего не напутай. И хватит деньгами разбрасываться. Может, ты ей дал две тысячи рублей?

– Разве я вас когда-нибудь обманывал? – угрюмо буркнул Бубенцов.

– Лучше бы обманул, – в сердцах признался Петровский. – Иногда лучше быть мошенником, чем дураком.

ВОСПОМИНАНИЯ

Сосуществование независимого правительства и слишком независимого премьера, который по существу спас страну, вытащив ее из невероятного экономического кризиса, и президента, в том во многом виноватого, не могло долго продолжаться.

Трения начались сразу после начала функционирования левоцентристского правительства. Новый премьер вернул опытных профессионалов, умеющих и знающих, как надо управлять. Но среди новых старых чиновников оказалось слишком много представителей левой оппозиции, а это раздражало президента. К тому же этот кабинет ока-

зался некоррупцированным за всю новую историю государства, что сильно насторожило олигархов, привыкших, что с чиновниками из правительства можно решить любые вопросы. Давление на новый кабинет министров шло со всех сторон. Оплачивались любые заказные статьи, направленные против премьера и его кабинета, устраивались немислимые провокации, к больному президенту, мотивируя его плохим самочувствием, не пускали второго человека в стране.

Разрыв был неминуем. И через восемь месяцев стало ясно, что президент больше не намерен терпеть слишком самостоятельного премьера. На должность вице-премьера был назначен новый выдвиженец президента – бывший руководитель службы безопасности, бывший министр внутренних дел и бывший министр юстиции. Новый вице-премьер был порядочным человеком, и ему было неприятно играть уготованную ему роль. Но президент был неумолим. На одном из заседаний он демонстративно пересадил вице-премьера ближе к себе, давая понять, что срок премьера подошел к концу. А еще через несколько дней он без объяснения причин отправил премьера в отставку,

назначив на его место вице–премьера, в котором миллионы людей во всем мире увидели наконец преемника президента.

Именно тогда в агентстве Петровского снова появился бывший бухгалтер, ставший независимым бизнесменом, – Яков Слаповский. Он привез конкретное задание заинтересованных людей – просчитать шансы нового премьера стать преемником президента. Петровский собрал аналитиков и поставил перед ними эту задачу. Его люди прекрасно поработали. Бронштейн мобилизовал тогда самых лучших специалистов из Англии и Германии. Выводы аналитиков оказались неутешительными. Новый премьер не мог рассчитывать на победу в президентских выборах. А к этому времени рейтинг действующего президента снова упал до немыслимых прежде отметок. Сказывались последствия дефолта. Любой политик, воспринимаемый в глазах населения как преемник главы государства, рисковал оказаться раздавленным наследием его ошибок и неудач. Аналитики пришли к выводу, что на предстоящих президентских выборах самые большие шансы на успех имеет бывший премьер, вытаскивший стра-

ну из экономического кризиса, пользующийся поддержкой мэров обеих столиц и президентов несколько автономных образований, входивших в состав страны.

Петровский подготовил аналитические материалы и лично отвез их в администрацию президента. Через два дня его вызвали к руководителю администрации. Разговор был долгим и неприятным. Чиновники не хотели соглашаться с мнением специалистов. Они требовали указать пути возможного усиления влияния нового премьера на ход событий и повышения его рейтинга для участия в предстоящих президентских выборах. Петровский честно признал, что никаких резервов больше нет.

Через несколько дней началось противостояние нового премьера и одного из его заместителей, бывшего руководителя министерства путей сообщения. «Железнодорожнику», очевидно, стало известно о секретном докладе Петровского, и он решил сыграть ва–банк. Пользуясь поддержкой в семье президента, начал старательно подсиживать своего руководителя, подставляя его по каждому поводу и вместе с тем набирая очки в правительстве. Ни для кого не было се–

кретом, что «железнодорожник» пользовался поддержкой семьи, и многие уже видели в нем будущего преемника президента и нового премьера.

Но президент не любил интриганов. Он был глубоко порядочным человеком и не выносил подкованной борьбы. Именно поэтому, вопреки всем ожиданиям, принял решение убрать обоих политиков, чтобы выбрать нового преемника и наконец объявить об этом народу. Но весь парадокс его политического правления состоял в том, что старая система, против которой он боролся всю свою жизнь, по-прежнему влияла на политическую жизнь страны. По существу у президента был незавидный выбор. Либо назначать циников и воров, которые готовы невозмутимо лгать, покрывая своих чиновников и набивая свои карманы, либо представителей прежней системы. Других вариантов почти не существовало.

Можно было прибегнуть к помощи «романтиков», что за время своей политической карьеры президент уже делал дважды. Но первое пришествие «романтиков» в начале девяносто второго обернулось непродуманными экономическими реформами, а

второе весной девяносто восьмого вызвало тяжелейший экономический кризис и дефолт. Назначать проходимцев в правительство он не хотел, понимая, какую цену нужно будет заплатить, доверив мошенникам столь ответственный пост.

И тогда ему пришлось обратиться к другим людям. Вся парадоксальность ситуации состояла в том, что для спасения страны от дефолта президент вынужден был назначить премьером бывшего руководителя службы разведки, тесно связанного с КГБ. А чтобы снять этого премьера, он назначил другого, бывшего руководителя службы безопасности и министра МВД, также связанного с КГБ. И наконец, третьим премьер-министром тоже стал бывший подполковник КГБ, ранее работавший в Германии и занимавший пост руководителя службы безопасности страны. Других людей у президента просто не оказалось. Демократы первой волны были скомпрометированы своим беспринципным поведением, алчностью и некомпетентностью.

Осенью девяносто девятого президент принял решение о назначении этого нового премьера. Страну и весь политический бомонд лихорадило. Это был пятый премьер

за неполные полтора года. Такого страна еще не знала. Президент понял, что ему не простят очередной ошибки. Поэтому решил выступить и объявить нового премьера своим преемником. Бывший подполковник КГБ, бывший проректор института, курировавший международные связи, бывший помощник мэра Санкт-Петербурга, ушедший в отставку после поражения своего патрона, бывший руководитель службы безопасности был назначен новым премьером и объявлен преемником президента. Делая это, президент точно знал, что новый премьер полностью лишен всяких политических амбиций. Более того, тогда он и сам был убежден, что новый премьер не станет его преемником. Выступление президента было своего рода реверансом в сторону общественного мнения. Только спустя несколько месяцев он впервые серьезно заговорил с новым премьером о возможности замещения его должности и получил испуганный отказ. И никто во всем мире: ни новый премьер, ни сам президент – не верили, что рокировка состоится так быстро. Президент собирался баллотироваться на третий срок, используя новую конституцию, принятую

после трех лет его первого правления. Но события развернулись по-другому. И в них суждено было проявиться Петровскому, который сыграл решающую роль. Но до этого момента предстояло прожить еще несколько месяцев. А пока старый президент выступал по телевизору, объявляя об очередной смене премьера. Он прямо сказал, что новый премьер станет его преемником. Но в эти его слова не поверил ни один человек в мире. Более того, не верил в такое и он сам.

Однако все получилось иначе.

В половине второго дня Бубенцов приехал в среднюю школу, где преподавал широко известный в городе Александр Александрович Седых – прекрасный историк, начитанный, эрудированный, с энциклопедическими познаниями в своей области человек. Его личная библиотека состояла из десяти тысяч книг. Особенно он любил период Французской революции и античный период Древней Греции. Это были его коньки. Седых мог цитировать по памяти мыслителей древности и французских философов. Ему одинаково дороги были идеалы Платона и Дидро, Сократа и Вольтера.

Но как обычно бывает в жизни, учитель, восторженно ушедший в прошлое, не умел разбираться в реалиях настоящего. Его супруга ушла от него еще тридцать лет назад, забрав единственного сына. С тех пор он жил один в покосившемся доме, который мог рухнуть при любом толчке. К счастью, в Курской области не происходило землетрясений и дом оставался в таком положении на протяжении многих лет. За ним находился тот самый злополучный сарай, который кандидат в депутаты забыл указать в своей налоговой декларации.

Седых слыл своего рода городским сумасшедшим, какие есть в каждом городе. Некоторые считают их чудаками, другие восторгаются их свободным образом жизни, есть и такие, кто их презирает. Верный своим левым взглядам, Александр Александрович еще в молодости вступил в коммунистическую партию и с тех пор не выходил из нее даже в самые сложные для партии моменты. Он исправно платил членские взносы, посещал собрания первичной ячейки. В прежние времена был на хорошем счету в райкоме партии, известным лектором общества «Знание» и членом райкома. Заодно его не-

сколько раз выбирали депутатом местного совета. Уже тогда беспокойный нрав учителя Седых давал о себе знать – он частенько доставал чиновников своей принципиальностью и даже некоторой мелочностью.

Увы, Александр Александрович был прекрасным историком, но далеко не идеальным педагогом. Ученику бывало достаточно продемонстрировать хотя бы зачатки интереса к его предмету, процитировав кого-то из классиков, не входивших в школьную программу, как он начинал восторгаться его рвением, не замечая, что отвечающий ничего более не знает. Школьники вообще часто обманывали Седых, пользуясь его близорукостью, но по странному стечению обстоятельств среди тех, кто действительно понимал, о чем он говорил, впоследствии выросло немало известных людей: ученых, философов, генеральных конструкторов, послов и даже космонавтов. Александр Александрович никогда не говорил о своих учениках, но, когда они приезжали в школу и благодарили его, когда приходили к нему домой и рассказывали, как сильно он повлиял на их судьбы, ему было приятно. В такие минуты он снимал очки, как-то по-дет-

ски закрывал глаза и улыбался. Это были высшие мгновения счастья для пожилого педагога. Можно сказать, что он не готовил историков, и не был полезен обычным оболтусам, отбывающим его предмет как наказание, но он учил молодых людей гражданственности – предмету, который, увы, нигде не преподают. Седых воспитывал в учениках чувство ответственности за свои слова и поступки, умение принимать решения и анализировать собственные ошибки, чтобы не повторять их в будущем.

И вот такого человека исключили из числа основных кандидатов в депутаты за то, что он забыл про заброшенный сарай позади дома. Правда, сам Седых из-за этого не расстроился. Он был убежден, что существующая власть – это некое историческое недоразумение, которое со временем исчезнет. Поэтому философски воспринял решение суда и не стал его оспаривать.

В эту субботу, закончив шестой урок, Александр Александрович привычно пожелал ребятам хорошо отдохнуть в воскресенье и отправился в учительскую, чтобы собрать свои вещи в потертый темно-коричневый портфель, давно ставший серым от старости.

Так что он был в учительской, когда туда вошел Павел Бубенцов. В комнате, помимо Седых, находились еще несколько человек, и все они с удивлением уставились на гостя, упитанная физиономия которого очень резко контрастировала с несколько анемичными лицами современных педагогов.

– Извините меня, – выдохнул Бубенцов, – вы не знаете, где можно найти Александра Александровича? – Он не заметил педагога, сидевшего в углу за столиком.

– Это я, – отозвался Седых, – что вам угодно?

Паша, все еще продолжая тяжело дышать, подошел к столу.

– Хочу вас обрадовать, – проговорил он, пытаясь скрыть одышку, и протянул папку преподавателю.

– Обрадовать? – удивился Александр Александрович. – Странно. Чем вы можете меня обрадовать?

– Прокуратура области принесла протест на решение судьи по поводу вашего исключения из списков, – пояснил улыбающийся Бубенцов. – Протест был направлен в местный суд, и они приняли постановление, отменяющее это решение. Избиратель–

ная комиссия вашего района уже восстановила вас в числе кандидатов в депутаты. Я вас поздравляю.

Услышав это сообщение, находящиеся в учительской педагоги бросились поздравлять своего коллегу с победой справедливости. Седых поднялся, несколько растерянно принимая поздравления, и посмотрел на Бубенцова.

– Спасибо, – сказал он, но папку не взял.

Коллеги продолжали его поздравлять. Одна молодая учительница даже поцеловала в щеку.

– Спасибо, – все повторял историк, сняв очки и протирая стекла платком, – большое спасибо. – Он дождался, когда все успокоятся и отойдут от него, после чего вновь надел очки и тихо проговорил: – Благодарю вас за это приятное сообщение, но будет лучше, если вы уберете вашу папку.

– Как это уберу? – не понял Паша. – О чем вы говорите? Вас уже восстановили, неужели вы ничего не поняли?

– Я все понял, молодой человек. Но дело в том, что меня сняли формально совершенно правильно. Я действительно забыл указать сарай, который стоит за моим до-

мом. И считаю решение суда абсолютно верным. А протест прокурора, который был принесен, это, если хотите, дань той условной демократии, которая сформировалась в нашей стране. Мне она не подходит. Поэтому я отказываюсь принимать участие в этих выборах.

В учительской его слова услышали все. Сразу все стихло, кто-то поспешил выйти из комнаты, все знали бескомпромиссность Сан Саныча.

– Нет, вы ничего не поняли, – вздохнул Бубенцов, – в отношении вас восстановлена справедливость. Вас вернули в список кандидатов в депутаты. Вы можете баллотироваться.

– С кем и куда? – горько спросил учитель истории. – С бандитом Качановым, которому приличные люди не подают руки? Или с этим журналистом Нечипоренко? Он, конечно, порядочный человек, но, к сожалению, слишком увлекающийся. Вы знаете, какие статьи он публиковал в защиту «прихватизации»? Считал, что все наладится. Типичный попутчик. Нечипоренко искренне верит, что можно построить правовой капитализм. Мне с этими господами не по пути.

– Правильно, – крикнул кто-то из педагогов, – нечего тебе делать в этой Думе, Сан Саныч. Там одни паразиты сидят. А ты как был нашим, так нашим и остался.

Бубенцов оглянулся на оратора. Тот был в дешевой темно-красной форме «Адидас» китайского или турецкого производства. Очевидно, учитель физкультуры, предположил он.

– Там не только паразиты, – возразил Паша, – там много ваших единомышленников, ваших коллег, депутатов от левой оппозиции. Разве можно отказываться от участия в выборах?

– Можно и нужно, – твердо заявил Седых. – Я для себя все решил. Извините меня, молодой человек, что отвергаю вашу помощь. Я понимаю, что вы искренне хотели мне помочь. Однако я принял решение больше не участвовать в этих выборах. Пусть все знают, что для меня формальная законность выше моих личных амбиций, и если меня сняли с выборов, то я не вернусь в списки даже после протеста прокурора.

– Вас сняли незаконно, – все еще старался убедить его Бубенцов, – но теперь справедливость восстановлена. Суд принял решение,

что вы можете участвовать в выборах. Неужели вы не понимаете, как это важно?

– Я все прекрасно понимаю. Однако не хочу фигурировать в одном списке с этими господами. И это нерационально – заново вставлять меня в список в последний день. Мои избиратели об этом не осведомлены. Многие просто не придут на избирательные участки, зная, что у них нет выбора. Когда вас заставляют выбирать между обманутым слепым журналистом и бывшим уголовником, на самом деле это настоящий фарс. Я отказываюсь в нем участвовать, молодой человек. Тем более что агитация в последний день перед выборами запрещена.

Этот историк подкован не хуже юристов, с огорчением подумал Бубенцов. И пожегил от страха, вспомнив Петровского. Если он уйдет отсюда, не уговорив педагога, то может считать себя уже уволенным. Святослав Олегович не простит такого промаха.

И это после того, как они столько сделали – получили протест областного прокурора, новое постановление суда, вновь зарегистрировали исключенного кандидата... Проиграть, когда до победы остался один шаг? Это же высочайшая несправедливость!

Правда, еще оставался труп Нечипоренко, спрятанный в районной больнице, но эта история в любой момент может стать достоянием общественности, и тогда Качанова немедленно исключат из числа депутатов и не видать ему мандата. Рисковать таким образом они не имеют права. Нечипоренко был нужен лишь на то время, пока они оформляли решение суда и местной избирательной комиссии. А сейчас им необходим только этот учитель истории, неожиданно проявивший такую глупую принципиальность.

– Вы не правы, – сделал последнюю попытку Бубенцов. – Если вы откажетесь, то победит кто-то из недостойных кандидатов. Вы этого хотите?

– Разумеется, нет. Но один кандидат ничего не решает. Нужно менять все правила игры, чтобы народу не приходилось выбирать между проходимцем Качановым и заблуждающимся Нечипоренко. Кстати, я слышал, что он попал в серьезную аварию. Как он себя чувствует?

Александр Александрович спросил об этом достаточно громко, и Бубенцов испугался. Он понял, что сейчас могут обрушиться его последние бастионы.

– Ничего, – сказал он очень тихо, – гораздо лучше, чем вчера.

– Ну и хорошо, – удовлетворенно кивнул Седых. – Лично я не пойду голосовать ни за того, ни за другого. Но если бы мне все-таки пришлось делать выбор, я бы отдал мой голос журналисту Нечипоренко. Он хотя бы не бандит.

– Конечно, – растерянно кивнул Бубенцов. – Извините меня, я должен доложить обо всем моему начальству...

– Я вас понимаю. – Седых встал со стула и протянул руку Бубенцову. – Спасибо вам, молодой человек, за защиту демократии в нашей стране.

Паша не знал, что ему ответить. На языке вертелось явно неподходящее «Служу Советскому Союзу». Поэтому он промычал нечто невразумительное.

Стоявшие вокруг педагоги снова одобрительно зашумели. Они по-своему любили Сан Саныча, хотя и побаивались его принципиальности. Бубенцов схватил папку и выскочил из комнаты. Спустившись по лестнице на первый этаж, он достал телефон и набрал номер Петровского.

– Слушаю, – отозвался Святослав Олегович. Очевидно, он был уже в Москве.

– У нас опять проблема, – срывающимся голосом сообщил Бубенцов.

– Что еще случилось? – разозлился Петровский.

– Седых не хочет баллотироваться, – выдохнул Паша.

Святослав Олегович молчал. Это испугало Бубенцова.

– Вы меня слышите? – осторожно спросил он.

– Как это – не хочет? – ледяным голосом осведомился шеф.

– Отказывается, – пояснил Паша. – Говорит, что в последний день все равно ничего нельзя сделать. Агитация запрещена. И он не хочет принимать участия в этом фарсе.

Петровский снова промолчал. Бубенцов тоже не решался ничего сказать.

– Нужно его убедить, – нарушил наконец тишину Петровский. – Пашенька, неужели ты ничего не можешь сделать сам?

Бубенцов знал: шеф называл его уменьшительно-ласкательным именем только в сильном гневе. Набрав воздуха в легкие, он выдохнул:

– Я с ним говорил, объяснял. Честное слово, очень долго его уговаривал.

– Но не смог уговорить, – прошипел Петровский. – Что нам теперь делать? Оставить Качанова наедине с этим тр... с этим спящим журналистом? Ты понимаешь, что происходит? Из-за тупого упрямства этого учителя у нас срываются выборы.

Теперь замолчал потрясенный Бубенцов. Он не знал, как еще убедить упрямого старика. Петровский, очевидно, почувствовал состояние помощника.

– Никакой пользы от тебя, – сказал он уже более спокойным голосом. – Как там у Симонова?

– Он все еще сидит дома, – сообщил Паша. – Наши люди работают у его двери, все время объясняют, что идет ремонт, меняют кабель.

– Уже два часа дня, – напомнил Святослав Олегович. – Передай им хотя бы хлеб, чтобы они не умерли с голоду. Через соседей передай. С другого балкона. Ты меня понял?

– Только хлеб? Может, организовать им горячий обед?

– Я имею дело с клиническим идиотом, – опять разозлился Петровский. –

Неужели ты ничего не понимаешь? Если ты передаешь им только хлеб, это будет выглядеть, как обычная забота о людях, дверь которых случайно заклинило. А если организуешь им горячий обед, то это сразу же вызовет подозрение. Симонов тут же вспомнит о моем вчерашнем визите и начнет интересоваться, куда увезли журналиста.

– Все понял, – пробормотал Бубенцов, – передам только хлеб.

– Ничего ты не понял, – констатировал, немного успокаиваясь, Петровский, – и никогда не поймешь. Нужно было послать вместо тебя Леонида Исааковича или Юлая, хотя они оба нужны мне в других местах.

Было слышно, как он спросил кого-то о времени. Бубенцов ждал, что решит патрон. И наконец тот приказал:

– Готовь досье на учителя. Я сейчас выезжаю из Домодедова. Мы сворачиваем на дорогу в Курск и будем у вас через несколько часов. Очень рассчитываю, что до этого времени не произойдет ничего неожиданного и ты меня встретишь. Ты все понял?

– Уже готово. Мы вас ознакомим...

– Ясно. Как с нашим журналистом? С ним, надеюсь, все в порядке?

– Да, он находится...

– Не нужно говорить по телефону лишних слов. Я помню, где он находится. Он все еще спит?

– Все нормально, – Паша облизнул пересохшие от волнения губы, – с ним все нормально.

– До свидания. – Святослав Олегович отключился.

Бубенцов посмотрел по сторонам и сел прямо на ступеньки лестницы. Без конкретных указаний шефа он ничего не мог придумать. Паша был идеальным исполнителем, но, к сожалению, разработать самостоятельный план он не мог. И не только потому, что ему не хватало воображения. Он боялся сделать неправильное движение, чтобы не развалить хрупкую конструкцию, выстроенную его шефом. До завтрашних выборов оставалось совсем немного.

Бубенцов сам купил хлеб для Симоновых. Его люди продолжали «работать» у двери их квартиры, методично постукивая по стенке. Они уже сделали два небольших отверстия и всем соседям объясняли, что проверяют кабель, который вышел из

стройка. Симоновы спокойно сидели дома, ожидая, когда закончится этот непредусмотренный ремонт. Паша приказал одному из своих людей передать хлеб невольным заключенным, еще раз извинившись за доставленное беспокойство. Сам он не мог появиться в квартире главврача, опасаясь, что тот запомнил его по вчерашнему визиту в больницу.

Супруга Игоря Сергеевича была недовольна сложившимся положением, но муж успокаивал ее, находя такое приключение даже забавным. Кроме всего прочего, они целый день провели вместе с внуком и младшей дочерью. Симонов давно не позволял себя расслабляться на целый день, а потому получил громадное удовольствие от свободного времени, проведенного дома.

Осуществив операцию с хлебом, Бубенцов поехал на контрольный пост ГАИ и, ожидая приезда шефа, немного подремал. Около пяти вечера его разбудил водитель, увидев приближающийся «Мерседес». Петровский тоже спал все время в пути. Проснувшись уже на подъезде к Курску, он подумал, что Качанов, пожалуй, отчасти прав, предпочитая передвигаться на «мерседе-

сах». На другой машине они добирались бы гораздо дольше.

При въезде в город к нему подсел Бубенцов.

– Думаешь, мне нечем заниматься? – встретил его Святослав Олегович. – И я должен прыгать между Курском и Омском? Мы ведь, кажется, расстались только сегодня ночью?

– Я не виноват, – пробормотал Паша, – он не хочет. Я всячески пытался его уговорить.

– Где пытался? Где ты с ним говорил?

– В учительской. Я поехал в школу, где он работает.

– И при всех преподавателях его уговаривал? – понял Петровский. – Нет, знаешь, я тебя все-таки выгоню. Ну разве можно так глупо поступать? При свидетелях он, разумеется, хотел выглядеть Маратом, другом народа. Ему важно иметь союзников и последователей. Естественно, что он тебе отказал. Еще, наверное, произносил всякие патетические слова о чести и добродетели. Этот учитель ведь свихнулся на своей истории.

– Я надеялся его уговорить.

– Ты не умеешь думать, – жестко констатировал Петровский. – Тебе лучше в точ-

ности выполнять все мои распоряжения. Поехали к этому учителю. И дай мне его досье. Надеюсь, адрес ты узнал заранее? – Он взял папку у Бубенцова и начал читать. Неожиданно улыбнулся. Потом рассмеялся. – Ну вот, типичный борец с ветряными мельницами. Дон-Кихот. Ты даже не представляешь, насколько уязвимы эти люди. Знаешь, я даже не жалею, что снова приехал. Курск, кажется, населен одними чудаками. Сначала молодой аспирант, потом главный врач больницы, теперь этот учитель истории. Можешь не поверить, но мне они нравятся. Без таких людей жизнь была бы неинтересной.

Бубенцов смотрел на шефа, совершенно не понимая, о чем тот говорит.

– Противно постоянно общаться только с мерзавцами, – неожиданно признался Петровский. – Иногда вспоминаешь, что есть еще и Бог. В старом доме у меня был сосед-пианист. Абсолютно незащищенное существо, не от мира сего. И знаешь, я больше всего любил просто сидеть в его доме. Мне всегда было так хорошо у них! Сидел, даже когда музыкант не подходил к роялю, хотя играл он замечательно. Изумительно! Каждый раз, когда исполнял Шопена, я думал, что сойду с

ума от нахлынувших на меня чувств. Понимаешь, он как-то по-особенному играл. Не просто вызывал звуки, перебирая пальцами по клавишам, а будто каждый раз создавал мелодию своей жизни. Ну не знаю, как это лучше объяснить. Я только потом узнал, что мой сосед – выходец из польских евреев, один из тех, чьи родители чудом уцелели в варшавском гетто. Понимаешь, кем для них был Шопен? Но вот что удивительно, иногда я приходил к ним, садился и слушал... тишину. Когда домочадцы молчали, наступала совершенно необыкновенная, словно вибрирующая тишина. Вообще это была какая-то особенная квартира, наполненная звуками тишины. И музыки. – Он тяжело вздохнул. – А потом я переехал в новый элитный дом. Теперь мои соседи – банкиры и политики. Там никто не играет Шопена. И я не могу помолчать ни с кем из моих соседей. В их квартирах царит энергетика больших денег. И у всех пустые глаза. – Святослав Олегович замолчал и больше не произнес ни слова за всю дорогу. Только когда они подъехали к дому Александра Александровича, он подмигнул помощнику и сказал: – Ладно, надеваю опять маску дьявола и пойду его охмурять.

Тот посмотрел на патрона, явно его не понимая. Святослав Олегович понял состояние Бубенцова.

– Хочешь знать, когда я настоящий? Этого я иногда и сам не знаю.

Он вылез из машины, подошел к забору и открыл незапертую калитку. Прошел по вытоптанной дорожке к дому. Глянул на небольшой огород и чему-то улыбнулся. Затем постучал в дверь. Он был уверен, что звонок не работает, но на всякий случай нажал на его кнопку. Так и есть – не работает, и постучал во второй раз.

– Входите! – крикнул хозяин дома. – У нас не заперто.

Петровский опять улыбнулся и вошел. Прежде всего он увидел двух котов, возникших перед ним. Они настороженно смотрели на гостя. Наконец в прихожей появился хозяин дома, одетый в темно-коричневую телогрейку поверх светлой рубашки и джинсов. Обратив внимание на джинсы, Святослав Олегович подумал, что составил не совсем верное впечатление о преподавателе истории. Модные веяния его не обошли.

– Добрый вечер, – приветливо начал он.

– Добрый вечер, – кивнул Седых. – С кем имею честь?

– Святослав Олегович Петровский, – представился гость, – я приехал из Москвы, и мне нужно срочно с вами переговорить. – Он намеренно не сказал, где работает, чтобы иметь возможность для маневра.

– Проходите в комнату, – предложил радушный хозяин, – я как раз собирался пить чай. Джульбарс, на место!

Огромная овчарка, появившаяся в дверях, замерла и вернулась обратно в комнату.

– Вы назвали вашу собаку Джульбарсом? – спросил Петровский, входя в комнату. – Кажется, так назывался фильм тридцатых годов. Я хорошо его помню, он мне очень нравился.

– Мне тоже, – кивнул Александр Александрович.

В большой комнате стояли цветной телевизор и видеомэгафон. Хозяин дома определенно умел пользоваться современной техникой. В просторной гостиной было светло и чисто. Они прошли к столу и сели на стулья.

– Выпейте со мной чаю, – предложил Седых.

– Большое спасибо, – нужно было завывать расположение кандидата в депутаты.

– Маша, – крикнул учитель кому-то на кухню, – принеси нам чай.

Петровский поднял правую бровь. Этот историк удивлял его все больше и больше. Неужели с ним живет женщина, о которой Бубенцов ничего не смог узнать? Но когда из кухни появилась полная женщина лет шестидесяти, несколько успокоился. Очевидно, соседка, приходящая сюда убираться, заниматься хозяйством. Перехватив взгляд гостя, Седых улыбнулся.

– Мария Карповна помогает мне уже много лет. Она вышла на пенсию, но работает в нашей школе ночным сторожем. И заодно помогает мне по хозяйству. Я ей, конечно, за это плачу. У меня хорошая зарплата, есть разные надбавки, а у нее пенсия только семьсот рублей. И двое внуков на воспитании.

– А где их родители? – поинтересовался Петровский.

– Мать погибла четыре года назад во время аварии автобуса в Симферополе. А отец их давно бросил. Вот так мы и поддерживаем друг друга. Заодно ребятишки

читают книжки, которые я им подбираю из моей библиотеки.

«Черт возьми, – подумал Святослав Олегович, – нужно выбирать вот таких людей, как этот учитель истории, а не бандита Качанова. Честное слово, мне иногда бывает стыдно, когда я вспоминаю, чем занимаюсь».

– Вы благородный человек, – убежденно произнес он. – А вот я приехал к вам по поручению группы товарищей из Центрального Комитета нашей партии. Разумеется, мой визит не должен афишироваться. Вы знаете, сколько у нас политических противников и как нелегко работать в современных условиях.

– Я все понимаю, – кивнул Александр Александрович, – не волнуйтесь, Мария Карповна никому не расскажет о вашем визите. Я вас слушаю, товарищ Петровский.

– Вы, наверно, уже знаете, что благодаря нашим усилиям областная прокуратура подала протест в порядке надзора по вашему делу, – продолжил руководитель «Миллениума», – и протест был удовлетворен. Принято новое постановление суда, и местная избирательная комиссия включила вас в списки кандидатов. Но сегодня днем нам

сообщили, что вы отказываетесь от участия в выборах.

– Верно. И скажу вам почему, товарищ Петровский. Сегодня последний день перед выборами, я не имею права на агитацию. Все мои потенциальные избиратели знают, что меня отстранили от выборов. И многие из них не придут завтра голосовать. А принять неравные условия игры – значит заведомо обречь себя на поражение.

– Не всегда, – возразил Святослав Олегович, – вы не подумали о тысячах и миллионах людей, которых лишаете права выбора. Я имею в виду не только ваш избирательный участок. Ведь мы обязаны думать о наших кандидатах, проходящих по избирательному списку партии. А там каждый голос для нас ценен. Вы же знаете, как правящий класс ненавидит нашу партию, как нас пытаются опорочить, как стараются заставить нас замолчать.

– Я не думал...

– Нужно было подумать, – не сбавлял темпа Петровский. – Отказываясь от участия в выборах, вы обрекаете нас на потерю голосов по вашему участку. Ведь если избиратели, готовые отдать голоса левой оппо-

зиции, не придут на выборы, то в конечном итоге это может сказаться на результатах всей партии.

– Мне никто об этом не говорил, – растерянно пробормотал Александр Александрович, – и из областного комитета партии никто не звонил. Я беседовал сегодня днем с ними, и они поддержали мое решение.

– Что им оставалось делать, если вы упрямо не хотите нам помочь? – отреагировал Святослав Олегович. – Вы ведь один из тех, кого мы называем нашим лучшим резервом. Такие люди, как вы, определяют нашу политику на местах. И, конечно, в областном комитете товарищи согласились с вашим мнением. Среди них, наверно, есть даже ваши ученики, – сказал он на всякий случай, немного подыгрывая честолюбию заслуженного педагога.

– Есть, – гордо поднял голову Седых, – очень много моих учеников.

– Вот видите. Разве они могут спорить со своим бывшим преподавателем? По существу, вы навязали ваше мнение местным товарищам.

– Да, наверное, – согласился Александр Александрович. – Но разве есть

смысл вступать в борьбу, если заранее известно о результате?

– Примерно две с половиной тысячи лет назад огромная армия персидского царя Ксеркса двинулась в маленькую Грецию, – напомнил Петровский, – и путь им тогда преградили небольшие отряды греков. Они отражали все атаки, ожидая подхода главных сил, но появившийся предатель провел часть персидской армии козьими тропами в обход. И тогда царь Спарты Фермопил приказал отойти всем остальным грекам и остался со своим отрядом в триста спартанцев. Вы знаете, я всегда считал, что это красивая легенда, пока не побывал на месте их гибели.

У Александра Александровича заблестели от волнения глаза.

– Вы там были? – заинтересовался он. – Какой великий памятник силе человеческого духа! «О чужестранец, поведай спартанцам о нашей кончине: верны законам своим, здесь мы костями полегли», – процитировал Седых. – Вы видели этот памятник?

– Да, но я не читаю по-гречески, – ответил Петровский. – Леонид тоже знал, что проиграет, но его подвиг вдохновил греков

на последующие сражения. И потом были победы у Саламина и Марафона, – продолжал он, вспоминая историю.

– Нет, – неожиданно возразил Александр Александрович. – Вы хорошо знаете историю, но путаете некоторые битвы.

– В каком смысле? – не понял Святослав Олегович.

– После сражения у Фермопил были Саламин и Платеи, – напомнил учитель истории. – Марафонское сражение произошло за десять лет до нашествия Ксеркса. Тогда персидской армией командовал Дарий.

– Действительно, как я мог забыть о Дарии? – лицемерно вздохнул его собеседник. – Но факт остается фактом. Леонид наверняка знал, что погибнет, и тем не менее остался, чтобы умереть, но задержать армию персов.

– Так вы советуете мне умереть? – улыбнулся Александр Александрович.

– Ни в коем случае. Я советую вам не сдаваться. И обязательно принять участие в выборах.

– Что я должен сделать? – спросил наконец учитель.

– Подписать документы, – пояснил Петровский, – они у меня в машине. – Он

еще не успел закончить говорить, как понял, какую грубую ошибку совершил. Если они сейчас вместе выйдут к шестисотому «Мерседесу», припаркованному рядом с домом, то Седых ему просто не поверит.

– Какая у вас машина? – поинтересовался Александр Александрович. – Я видел, как рядом остановился какой-то членовоз.

Так называли большие «мерседесы».

– Ну откуда у меня такая машина? – улыбнулся Петровский. – Я приехал на обычном «жигуленке». У нашей партии не так много денег, чтобы покупать роскошные машины. Если разрешите, я вам сейчас принесу документы. Вернее позвоню, чтобы их привезли.

– Звоните, – согласился Александр Александрович. – Если я могу помочь общему делу...

Петровский достал аппарат и набрал номер.

– Пашенька, – сказал он вибрирующим от напряжения голосом, – передай Мишеньке, чтобы подъехал на моем «жигуленке» к дому Александра Александровича. Ты меня понимаешь? – «Если не поймет, я его задушу», – подумал он.

– Какой Мишенька? – действительно не понял Бубенцов. – Ваш водитель? Но почему на «Жигулях»? Мы ждем вас в «Мерседесе».

– Пашенька, дорогой, ты меня опять не понял. Как обычно. Я прошу, чтобы Мишенька привез на моих «Жигулях» документы Седых. Избирательные документы. Почему ты не понимаешь с первого раза?

– Ясно, – выдохнул Бубенцов, – сейчас сделаем.

– А Мишеньке скажи, чтобы переоделся, – напомнил Святослав Олегович, сообщая, что если его водитель появится в костюме от кутюр, это вызовет у хозяина дома серьезные подозрения. Он убрал аппарат и безмятежно улыбнулся.

– Пейте чай, – предложил Седых, – он у вас совсем остыл. И расскажите мне, как здоровье Геннадия Андреевича.

Петровский пододвинул к себе чашку чая и подумал, что у Бубенцова не так много времени. Но на этот раз Паша не подвел. Ровно через восемь минут у дома затормозил старый «жигуленок», в котором сидел водитель Петровского, переодетый в чужую одежду. На нем был какой-то ватник и мятые серые брюки. Только обувь осталась преж-

ней, но она была сильно вымазана грязью. Когда водитель постучал, собака поднялась, но хозяин сам пошел встречать нового гостя. Они вошли с документами, Седых расписался на всех бумагах и вручил папку гостю с чувством глубокого удовлетворения.

Потом они долго прощались, пожимая друг другу руки.

Выйдя из дома, Петровский сел в помятые «Жигули». Отъехав на соседнюю улицу, они остановились рядом с «Мерседесом».

– Молодец, Паша, – похвалил Петровский помощника, вылезая из машины. – Где нашел «Жигули»?

– Купил прямо на улице, – сообщил Бубенцов, – у нас же не было времени. Остановил первую же машину и дал его хозяину две тысячи долларов, чтобы он оставил нам свою разбитую тачку. Потом так же купил одежду у одного из прохожих. Еще я испачкал туфли вашему водителю...

– Прекрасно сработано, – еще раз похвалил помощника Петровский. – Значит, можешь, когда хочешь. Теперь труп Нечипоренко нам не так страшен. Но все-таки лучше поддержать его в этом городке до завтра. Симонова можешь уже выпустить,

пусть ему помогут открыть дверь. А документы прямо сейчас вези в избирательную комиссию, чтобы завтра в списках кандидатов было три фамилии. Ты меня понял? Обязательно три фамилии.

– Сейчас вызову мою машину, – откликнулся Бубенцов, доставая телефон.

– Зачем? – удивился Петровский. – Поезжай на «Жигулях». У тебя уже есть персональная машина. Только быстро, у нас мало времени. Чтобы они успели отпечатать новые бюллетени. Я знаю, ты не спишь уже две ночи, но будет лучше, если не поспишь и сегодня. Сиди там, контролируй обстановку. Надо напечатать новые бюллетени с тремя фамилиями.

Бубенцов кивнул в знак понимания. Святослав Олегович, глянув на водителя, предложил ему снять обувь.

– Поедешь в носках, – сказал он, – чтобы не пачкать машину.

Тот беспрекословно подчинился.

– До свидания, Паша, – попрощался Петровский, – надеюсь, мне не придется приезжать в Курск в третий раз. Это было бы уж слишком. – Он пересел в салон «Мерседеса» и приказал:

– Домой, в Москву. – осле чего достал телефон и набрал номер Юлая Абуталиповича. – С Курском и Омском пока все в порядке, а как у нас в Башкирии?

– Все хорошо, – ответил Юлай, – вот только у нашего артиста аппендицит.

– Какой аппендицит? – не понял Святослав Олегович.

– Обычный. Увезли в больницу на операцию. Ты не беспокойся, в Уфе хорошие врачи...

– А если его зарежут во время операции? – закричал Петровский. – Или внесут инфекцию? Кто будет отвечать? Мы или врачи? Как ты мог разрешить?

– У него острый приступ аппендицита, – пояснил Юлай. – Ну почему ты так нервничаешь? Было бы лучше, если бы он умер от гнойного перитонита?

– Садись в самолет и срочно вылетай в Уфу, – потребовал Петровский. – Будешь рядом на операции. Если у хирурга вдруг дрогнет рука, мы потеряем наши контакты с левой оппозицией навсегда. Когда рейс на Уфу?

– В час ночи, – ответил Юлай Абуталипович, – вернее, в час двадцать пять. Кажется, семьсот пятьдесят первый рейс.

– Подожди, – неожиданно у Петровского родилась новая идея, – срочно позвони кому-нибудь из известных журналистов. В самые популярные газеты. «Коммерсант», «Комсомольская правда», «Известия», в общем, сам знаешь, куда нужно звонить. Скажи, что мы готовы оплатить им рейс бизнес-классом в Уфу и обратно. Питание и проживание за наш счет. Расскажи, что известный артист попал в больницу и мы едем его навестить. После такого пиара можно будет гарантировать, что он разгромит любого соперника во втором туре.

– Понял, – сразу ответил Юлай, – сейчас буду звонить. Я полечу вместе с ними.

– Закажи билеты, полетим вместе, – устало произнес Петровский, – сейчас шесть вечера. Думаю, мы будем в Москве часа через три-четыре и я успею в аэропорт. По дороге немного посплю.

– Ты так не выдержишь, – предупредил Юлай. – Тебе нужно отдохнуть.

– Отдохну в дороге. – Святослав Олегович не стал объяснять, что его участие в этом мероприятии резко поднимет акции самого главы агентства «Миллениум». Не каждый раз руководители крупнейших ана-

литических компаний приезжают навестить известных артистов, попавших в больницу. Это будет очень хороший рекламный ход.

– Тебе что-нибудь еще нужно? – поинтересовался Юлай.

– У меня все есть. Запасные рубашки, лезвие, помазок. Леонид Исаакович обо мне позаботился в Омске. Закажи зал официальных делегаций, я там переоденусь и умоюсь. Заодно можешь подумать и об ужине. – Он убрал аппарат, посмотрел на притихших водителя и телохранителя и сказал:

– Миша, купи себе обувь по дороге. Музыка не включать, громко не разговаривать. Я попытаюсь немного поспать. Едем сразу в Шереметьево, я улетаю ночью в Уфу.

Когда автомобиль выехал из города, Петровский подумал, что и во второй раз не успел ничего здесь посмотреть. И сразу заснул.

ВОСПОМИНАНИЯ

К концу девяносто девятого года в стране снова была достаточно сложная ситуация. Взрывы домов, прозвучавшие в Москве, сделали противостояние в Чечне слишком по-

нятым и близким любому непосвященному. После случившихся трагедий всякие пацифистские движения, как и сборники мирных переговоров, потеряли популярность. Практически все партии требовали «войны до победного конца». Даже самые демократические осуждали взрывы домов, хотя прямых доказательств участия в них чеченских боевиков так и не было предъявлено.

Однако новый премьер начал решительную борьбу с террористами и сепаратистами. И она стала приносить политические дивиденды. Народ, уставший от воров и болтунов, поверил сравнительно молодому сорокапятилетнему человеку, который без лишних слов пообещал на блатном жаргоне «мочить» бандитов даже в туалетах. Такого люди еще не слышали. Привыкшие к сдержанной осторожности чиновников, они сразу поверили в нового премьера.

Президент, продолжавший болеть, все еще колебался. Но невероятный случай, происшедший во время визита в Китай, заставил его сделать выбор.

Находясь там в благодушном настроении, президент впервые в своей политической карьере позволил себе угрожать ядерным

оружием известной супердержаве. Все сразу поняли, что это конец. Конец политической карьеры неуправляемого президента. Когда делегация вернулась домой, стало ясно, что его замена – давно назревшая необходимость. Аналитическое агентство «Миллениум» совместно с другими центрами провело свои исследования. Все опросы указывали на неприлично низкий рейтинг действующего главы государства. Он не пользовался доверием ни у одной социальной группы населения. Более того, тянул вниз и нового премьера, рейтинг которого был достаточно высоким. Мнение экспертов было единодушным. Президент обязан уйти, а выборы необходимо проводить уже весной следующего года, чтобы обеспечить победу новому кандидату.

Весь парадокс заключался в том, что главным соперником молодого кандидата в президенты мог стать вовсе не лидер левой оппозиции, давно превратившийся в идеологическое пугало, а бывший премьер, вытащивший страну из экономического кризиса, старый, мудрый и опытный политик. Эта опасность была значительно реальнее, чем возврат коммунистов во власть. Олигархи понимали, что с левой оппозицией им удаст-

ся договориться быстрее, чем с людьми бывшего премьера, ибо это были сотрудники спецслужб, чиновники, не замешанные в массовой коррупции и приватизации. Допустить такой исход выборов означало заложить мину под собственное благополучие.

Слаповский в очередной раз появился в «Миллениуме» с конкретным предложением. Олигархи не жалели любых денег и на этот раз, так как ставка была очень высока. В президенты должен был пройти только молодой ставленник прежнего главы государства.

Старый президент получил все аналитические выкладки в конце девяносто девятого года. Говорят, что он размышлял несколько дней. Затем вызвал к себе действующего премьера и предложил ему занять свой пост, но тот отказался. Позже некоторые аналитики увидели в этом расчетливую игру молодого политика, однако на самом деле это было трезвое понимание им всей сложности стоящих перед страной проблем. Через несколько дней президент снова вызвал премьера. И на этот раз получил его согласие. В канун Нового года, тридцать первого декабря президент выступил по телевизору, объявил о собственной отставке и

представил народу своего преемника. Ему нельзя было отказать в политическом чутье. Он понял, что аналитики правы: его время прошло, надо уступать дорогу молодым. Весенние выборы могли принести победу его ставленнику и сохранить режим, который он установил в стране. После этого неожиданного и по-своему ошеломляющего выступления для миллионов телезрителей президент сел в автомобиль и покинул Кремль.

Петровский наблюдал за всем происходящим со смешанным чувством радости и огорчения.

Он понимал, что своими аналитическими выкладками невольно подтолкнул старого президента к принятию такого решения, может быть, самого важного в карьере политика. Ведь достойно и вовремя уйти – это один из ответственнейших моментов для любого государственного деятеля. А с другой стороны, одновременно в небытие уходила и грандиозная эпоха перемен, связанная с этим человеком. Святослав Олегович впервые почувствовал даже некоторую к нему симпатию. Правда, сразу же расчетливо подумал, что эту симпатию, возникшую у некоторой части населения, нужно немедленно

использовать на выборах нового президента. Потрясенные решением главы государства, лидеры политических партий еще несколько дней приходили в себя. А народ обсуждал отставку президента, сходясь во мнении, что «мужик он был неплохой, хотя и шепутной».

Теперь перед Петровским и его агентством стояла конкретная задача по обеспечению выборов нового лидера страны. И уже на первом же совещании Святослав Олегович сформулировал главную цель: необходимо любым способом избавиться от опасного конкурента – бывшего премьера и выйти на финишную прямую в соперничестве с главой левой оппозиции. Только при таком варианте у их кандидата появлялись стопроцентные шансы на победу. Петровский приказал аналитикам подготовить планы предвыборной стратегии.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

В столицу Башкирии летал небольшой самолет «Ту-134», в котором было только восемь мест первого класса. Юлаю Абуталиповичу удалось связаться с тремя ведущими

журналистами и пригласить их совершить поездку в Уфу. Однако на этот рейс оказалось лишь три свободных места в первом салоне, которые в результате пришлось отдать приглашенным журналистам, а сам он, Петровский и один из телохранителей, путешествующий с дипломатом, набитым деньгами, с трудом разместились на довольно тесных местах в девятнадцатом ряду, прямо у туалетов.

Юлай Абуталипович ворчал по этому поводу всю дорогу, но Святослав Олегович лишь добродушно усмехался. Он еще не забыл тех времен, когда летал в обычных самолетах, покупая самые дешевые билеты. Ему было все равно, в каком салоне сидеть, хоть на полу в проходе, лишь бы скорее долететь. Почему-то он вообще не боялся летать, твердо веря в свою судьбу.

Через три часа они приземлились в Уфе, в половине седьмого утра по местному времени. Почему-то Петровский сразу подумал, что отсюда уже гораздо ближе до Омска, чем от Москвы или Курска, хотя больше не собирался туда наведываться.

Их встречали на двух машинах. Юлай Абуталипович заказал всем прилетевшим лучшие номера в новой гостинице. Усажи-

ваясь в салон автомобиля, Святослав Олегович шутливо поинтересовался:

– Может, опять не будет номеров бизнес-класса? И нам придется отдать наши номера журналистам, а самим разместиться в холле на диванах?

– Нет, – рассмеялся Юлай, – здесь я настоящий хозяин. Если, конечно, не считать президента Башкирии. А в случае чего не пропадем – у моего брата прекрасный дом на берегу реки, он всех обеспечит комнатами.

– Надеюсь, до этого не дойдет.

В гостинице они разместились в соседних люксах, и Петровский отправился принять душ. К восьми часам утра он уже был готов ехать в больницу. Журналистов повели вниз, в ресторан, завтракать. Святославу Олеговичу и его заместителю завтрак подали прямо в номер.

– Удивляюсь, как ты выдерживаешь такое напряжение, – признался Юлай. – Как подумаю о твоём графике за последние два дня, мне становится плохо. Так нельзя, нужно когда-то отдыхать.

– Я получаю удовольствие от работы, – отозвался Петровский, – мне нравится дело, которым я занимаюсь. Чувствую, что

живу по-настоящему. Это какой-то потрясающий наркотик. Мне неинтересно существовать как-то иначе. Но ты знаешь, я понял это только два дня назад...

– Что понял?

– Виктория прислала ко мне одну девушку. Зовут Надей. Я хочу подготовить ее для нашего агентства. Тебе же известно, как нам не хватает эффектных женщин, которые могли бы беседовать с политиками. А эта девочка мне понравилась. Я решил проверить, соответствует ли она нашим требованиям, попросил ее раздеться...

– Правильно сделал, – буркнул Юлай, продолжая есть.

– Ну да. Я тоже так думал. И тут вдруг понял, что никак на нее не реагирую. То есть абсолютно никак.

– И ты из-за этого переживаешь? – изумился Юлай. – Не мог же ты на рабочем месте, в кабинете расслабиться. Ничего страшного, вот привезу как-нибудь таких девочек, что они тебе быстро настроение поднимут. И все остальное...

– Я не об этом, – поморщился Петровский. – Мы ведь не проституток готовим, а нормальных женщин, которые должны

уметь разговаривать с нужными нам людьми. Своего рода специалистов по мужской психологии. Но я сейчас не об этом. Понимаешь, я вдруг понял, что перестал интересоваться женщинами. Вообще перестал. Нет, они меня по-прежнему волнуют, но не так, как раньше. Я стал более сдержанным, мне гораздо больше интересна моя работа, чем встреча с очередной смазливой мордашкой.

Юлай Абуталипович перестал есть, испуганно посмотрел на своего руководителя и друга.

– Тебе нужно почаще видеться с женой, – посоветовал он. – И вообще будет лучше, если ты завтра полетишь к ним в Лондон. Немного там отдохнешь...

– У меня с женой все в порядке, – улыбнулся Петровский. – Ты не понимаешь, о чем я говорю. У меня нет никаких проблем с женщинами, я нормальный мужчина. И у меня не поменялась сексуальная ориентация. Просто мне больше не нужны дешевые проститутки и случайные встречи. Наверное, сказывается возраст.

– Какой возраст? – завопил Юлай. – Тебе только сорок пять. У меня дедушка в

шестьдесят два женился. Ты совсем с ума сошел от работы. Я же говорю, что тебе нужно отдохнуть.

– Ничего ты не понял. – У Петровского пропал аппетит. – Наверное, у меня обычный кризис среднего возраста, а ты все беспокоись о моих сексуальных расстройствах. – Он поднялся и пошел одеваться.

Юлай поспешил за ним, так и не взяв в толк, что же волнует патрона.

По дороге в больницу Петровский позвонил Бронштейну.

– Голосование началось, – сообщил Леонид Исаакович, – пока все идет нормально. У нас уже десять часов. Где вы сейчас находитесь?

– Рядом, в Уфе.

– Разве у нас там тоже проблемы? – озабоченно спросил Бронштейн.

– Нет, но наш известный народный артист попал в больницу из-за аппендикса. Я подумал, будет правильно, если мы все навестим его и пожелаем ему скорейшего выздоровления. Вместе с журналистами, – многозначительно добавил Святослав Олегович.

– Изумительная мысль! – тут же оценил Леонид Исаакович. – Он может победить

даже в первом туре, если ваша информация пройдет по одному из центральных каналов. Не говоря уже о репутации нашего агентства.

Петровский усмехнулся. Бронштейн понимает все с полуслова. Он попрощался и набрал номер телефона Бубенцова.

– Слушаю вас, – отозвался Паша сонным голосом.

– Ты что, спишь? – удивился Петровский.

– Нет, конечно, – сразу проснулся Бубенцов. – Я сейчас в нашем предвыборном штабе.

– Врешь, наверно, – добродушно заметил шеф. – Спишь на кровати, а меня пытаешься обмануть. Который у вас час?

– Только семь утра, – жалобно сообщил Паша.

– Ты проверил бюллетени?

– Да, там три фамилии. Можете не беспокоиться. Они успели внести Седых. И тело Нечипоренко пока у нас... Семья журналиста ночью начала его искать, но мы объяснили, что ему решили сделать переливание крови в другом месте. Старушка-соседка нам очень помогает, я думаю дать ей еще несколько тысяч...

– Надеюсь рублей, а не долларов, – проворчал Святослав Олегович. – Что еще?

– Дверь Симоновых открыли, – доложил Паша. – Долго извинялись, но похоже, они не очень переживали. А этому учителю я решил подарить породистого щенка, очень хорошего.

– Зачем?

– Я понял, историк вам очень понравился.

– Правильно понял. Только сам ему на глаза не показывайся. Он тебя уже знает, как кабанчик герцога.

– Какой кабанчик? – не понял Паша.

– Был такой фильм смешной. Но ты у нас кино не смотришь, поэтому я тебе ничего объяснять не буду. Следи за голосованием, чтобы на всех участках были твои люди. Я не думаю, что Седых или Нечипоренко наберут много голосов, но ты все равно следи. Мало ли что. В последний момент бывают разные неожиданности.

– Мои люди уже дежурят на участках.

– А Качанову скажи, чтобы сидел дома. Нечего пугать избирателей его уголовной физиономией.

– Скажу, – рассмеялся Бубенцов.

Петровский убрал телефон.

– Пока все нормально, – повернулся он к Юлаю. – Далеко еще до больницы?

– Вот она, перед нами, – показал тот на красивое белое здание. – Это больница нефтяников, самая лучшая в городе. Операцию нашему артисту сделали еще вчера ночью, пока мы летели. Все прошло благополучно. Я специально тебе не говорил, чтобы ты не волновался. Сейчас у него все в порядке.

– Нужно было сказать, – жестко заметил Петровский, – и давай на этот счет договоримся раз и навсегда. Мне не нравится такая самостоятельность, Юлай, и ты прекрасно это знаешь. Я должен получать любую информацию немедленно. Обо всем.

Машина остановилась перед зданием больницы, и Юлай, поспешив выйти первым, пригласил за собой журналистов. Святослав Олегович, пропустив вперед представителей прессы, замыкал шествие в окружении двух телохранителей.

Народный артист Юрий Гребешков был популярным исполнителем любимых шлягеров. Он часто выступал на концертах, посвященных Дню милиции, Дню защитников Отечества, на различных правительствен–

ных и торжественных мероприятиях. Его любили и узнавали повсюду. Гребешков был выдвинут как кандидат от левой оппозиции. И никто принципиально не возражал против его кандидатуры. Но в округе оказалось слишком много зарегистрированных кандидатов, порядка десяти. И теперь Гребешков должен был выходить во второй тур, чтобы стать наконец депутатом Государственной думы. К тому же он происходил почти из этих мест – его родители были родом из Оренбурга, граничащего с Башкирией.

Но вообще-то Петровский никогда не понимал, почему такие люди – известные артисты, режиссеры, музыканты – идут в политику. Казалось бы, им должно быть гораздо приятнее и интереснее заниматься своим любимым делом вместо того, чтобы месяцами просиживать в здании парламента, обсуждая непонятные законотворческие акты. Нетрудно догадаться, для чего это делают уже потухшие «звезды» – этим надо поддержать свое реноме, дабы их не забыли поклонники. Но когда на такую глупость решаются популярные творческие деятели в расцвете сил, по его мнению, это объяснению не поддавалось.

Гребешков был достаточно популярным исполнителем, хотя его прежняя слава уже несколько померкла. Именно для поддержания своего громкого имени он и решил баллотироваться в Думу. Ведь через нее позже можно получить неплохой пост, отправиться послом в какую-нибудь небольшую спокойную страну или занять должность в одном из министерств, относящихся к гуманитарной сфере деятельности.

В палате они оказались в окружении местных журналистов, уже узнавших о приезде гостей из Москвы. Петровскому пришлось выдержать их напор. Его заставили сфотографироваться вместе с Гребешковым, уже сидящим на кровати и чувствующим себя почти героем. Аппендикс удалили, артиста спасли, и теперь журналисты расписывали благородство Петровского, бросившего все свои дела и в день выборов прилетевшего в Уфу, чтобы поддержать популярного певца.

Не без помощи Юлая Абуталиповича все узнали и о скромности Святослава Олеговича, который уступил свое место в первом классе летевающим с ним журналистам, а сам разместился в салоне эконом-класса. Одним словом, шоу получилось настоящим и весьма искрен-

ним. Примерно через сорок минут в палату вошел министр культуры Башкирии, который тоже не упустил случая сфотографироваться с Гребешковым. Местные журналисты заставили его и Петровского встать по обеим сторонам койки больного артиста, чтобы сделать несколько трогательных снимков.

Шоу с посещением больницы длилось около двух часов, после чего Святослав Олегович наконец-то оттуда вышел, чувствуя раздражение. И сразу же позвонил в Курск к Бубенцову.

– У вас началось голосование?

– Все в порядке, – выдохнул Паша, – люди уже голосуют. Правда, многие скрывают, что отдают свои голоса за Качанова. Когда их спрашивают на выходе, за кого они проголосовали, отвечают, что либо за Нечипоренко, либо за Седых.

– Смотри, чтобы тебя не обманули. Представляешь, что будет, если они выберут мертвеца? – напомнил Петровский.

– Нет, – ответил испуганный Бубенцов, – нет-нет. Мы все держим под контролем. Вы не беспокойтесь.

– Это ты должен беспокоиться, чтобы у тебя покойник не прошел в депутаты, – ра-

зозлился Петровский, повысив на помощника голос. От сильного напряжения и двух бессонных ночей он потерял всякую бдительность и говорил по мобильному телефону открытым текстом. Затем, позвонив Бронштейну, уточнил, как идут дела в Омске.

– Достаточно вяло, – не обрадовал его Леонид Исаакович. – У нас, вопреки прогнозам, пошел снег, и теперь я не знаю, как будут вести себя избиратели. Пока несколько индифферентно. Я специально проверял прогноз метеорологов. Они обещали хорошую погоду, но, говорят, циклон неожиданно изменил направление.

– Вы думаете, Абрикосов может не пройти? – мрачно уточнил Святослав Олегович.

– Пройдет в любом случае, – успокоил его Бронштейн, – не нужно все принимать так близко к сердцу. У нас есть резервы для усиления, думаю, к вечеру мы получим более обнадеживающую картинку.

Петровский перезвонил в свой офис. Трубку взяла Инна. В этот день все сотрудники должны были выйти на работу.

– Как у нас дела? – осведомился Святослав Олегович.

– Голосование идет нормально, – сообщила секретарь. – Двое наших ребят сидят в Центральной избирательной комиссии. Сейчас заканчивают голосовать на Чукотке и на Камчатке. Точных данных нет, но там, кажется, лидируют либерал–демократы и правящая партия. Коммунисты пока на третьем месте.

– Они все равно будут на первом, – вздохнул Петровский. – Что говорят насчет нашего прогноза, опубликованного вчера в «Коммерсанте»?

– Все находят его самым реальным, – ответила Инна. – Вы считаете, что коммунисты все равно будут первыми, а правящая партия – второй? Но многие полагают, что они поменяются местами.

– А остальные?

– «Спелый плод» гарантированно проходит. И либерал–демократы могут набрать проходные пять баллов. А вот другие правые партии ничего не получают. Некоторые аналитики считают, что аграрии могут набрать больше пяти процентов.

– Кто так считает?

– Независимый фонд Орлова, – сказала с некоторой заминкой Инна, – они уже опубликовали свой прогноз в «Известиях».

– Спасибо. Когда появятся первые итоги по выборам на Крайнем Севере, сразу мне сообщи. Кто у нас в избирательной комиссии?

– Шпильман и Краюхин. Они будут дежурить по очереди до завтрашнего утра.

– Очень хорошо. К вечеру я вернусь в Москву. Меня никто не спрашивал?

– Звонили от вице–премьера и еще от итальянского посла. Он хочет с вами увидеться в понедельник.

– В среду, – отрезал Петровский, – позвони и согласуй нашу встречу

– Хорошо. А если еще раз позвонят от вице–премьера?

– Скажи, что я буду вечером в Москве. Не говорят, по какому поводу я ему нужен?

– Нет, но он хочет с вами поговорить.

– Поговорить или увидеться?

– Кажется, увидеться, – поправилась Инна.

– Сообщи, что я буду вечером в Москве. Нет, лучше пока ничего не говори. Отвечай, что я в Уфе, поехал навестить больного Гребешкова. Все равно об этом напишут все центральные газеты и покажут по всем каналам телевидения. Если уже не показали.

– Пока нет, – отозвалась секретарь, – мы смотрим все центральные каналы.

Петровский убрал телефон и посмотрел на подошедшего Юлая.

– Кажется, я могу уезжать, – заявил он. – Если здесь не выберут Гребешкова, то я ничего не понимаю в политике.

– Обязательно выберут, – ухмыльнулся его заместитель. – Не понимаю, почему ты на меня так взъелся? Что за операция такая этот аппендицит, что ты так нервничал? И почему на меня накричал?

– Я не кричал, – устало отмахнулся Святослав Олегович, – но все равно извини. И организуй мне, пожалуйста, самолет. Хочу домой, в Москву. У меня еще много дел. Сегодня день выборов. Для нас он совсем как День сурка.

– Можно улететь через два часа, – сообщил Юлай, – но я думал, что ты останешься. Мой брат готовит такое угощение на вечер...

– В следующий раз, Юлай, в следующий раз. Я буквально валяюсь с ног от усталости. Заказывай билеты, и пусть меня отвезут в аэропорт. Остальное ты сделаешь сам. И передай привет твоему брату.

Заместитель понимающе кивнул. Ни он, ни сам Петровский еще не знали, какие проблемы им придется решать в этот день.

В Москву он вернулся к трем часам дня. Когда летишь на Восток, теряешь время, когда на Запад – выигрываешь. Как странно, – неожиданно подумал Святослав Олегович, – наверное, в этом есть какая-то непонятная закономерность, а может, этим и объясняется разница между Востоком и Западом? На Востоке время – субстанция вечная, тут не привыкли ценить каждый час. Огромные просторы породили и философию пространства. А на Западе, где все события происходили в маленькой Греции или в небольшой, по мировым меркам, Италии, время научились беречь и раздвигать пространство, даже находясь в средневековых кельях монастырей и соборов. Наши огромные просторы не позволяют нам обращаться со временем так, как это делают жители небольших европейских стран. Ведь многие наши сибирские области гораздо больше, чем целые европейские страны.

Петровский вышел из самолета и вместе со своим телохранителем прошел к не-

большому автобусу, приехавшему за ними из зала для официальных делегаций.

По дороге в свой офис он задумчиво смотрел на привычные улицы Москвы. Изобилие рекламы сразу бросалось в глаза. Такого пока нет в других российских городах – ни в Курске, ни в Омске, ни в Уфе.

Когда они приехали в офис, там как раз получили первые данные по выборам. Правящая партия уверенно побеждала, но на второе место постепенно выбирались коммунисты.

Святослав Олегович сразу же позвонил Бронштейну, чтобы узнать, как идет голосование в Омске. В Москве было уже около четырех, а в Омске – около семи вечера.

– Мы немного исправили ситуацию, – сообщил Бронштейн, – но боюсь, погода сыграла злую шутку с нашими кандидатами.

– Абрикосов может не пройти? – забеспокоился Петровский.

– Обязательно пройдет, – заверил его Леонид Исаакович, – но боюсь, что у нас будут проблемы с этим директором комбината.

– Почему? – не понял Петровский. – При чем тут директор комбината?

– Наш электорат в основном был в городе, – пояснил Бронштейн, – и мы счита-

ем, что процентов семьдесят наших избирателей уже пришли на участки, проголосовали. А вот с уважаемым ставленником губернатора дела складываются иначе. Погода разгулялась как раз на востоке области, где находятся поселки с его избирателями, и боюсь, там левый электорат окажется более дисциплинированным, чем избиратели нашего главного соперника.

– Этого нельзя допустить, – встревожился Святослав Олегович. – Если он не пройдет, это сорвет все наши договоренности с губернатором. Получается, что мы специально завалили его кандидата.

– Вот этого я и боюсь, – подтвердил Бронштейн, – дело в том, что мне было поручено заниматься Абрикосовым, и я не обязан был думать о нашем сопернике. Вы меня понимаете?

– Никто вас не обвиняет, – заявил Петровский. – Я только хочу, чтобы губернатор понял наше положение. Хотя сложности с погодой его волнуют меньше всего. И тем более они не будут волновать Москву.

– Я уже дал указание всем нашим людям агитировать за этого директора, – признался Бронштейн. – Осталось совсем не-

много времени, но надеюсь, что мы сумеем что-нибудь сделать.

Петровский позвонил Бубенцову.

– Голосование проходит нормально, но у нас эта парикмахерша лютует. Требуется выдать ей мужа, – доложил Паша. – Как-то кретин объяснил ей, что органы погибших в автомобильных авариях пересаживают другим людям. Ну она и устроила истерику, говорит, что мы уже разобрали ее мужа по частям. Грозится милицией и прокуратурой. Мы ее еле успокаиваем. Да и Симонов тоже начал возникать. Возмущается, что больного увезли без его согласия. Хотя мы заверяем, что было согласие родственников.

– Хватит успокаивать, – решил Петровский. – Сколько у вас времени? Около четырех часов дня? Бери жену Нечипоренко и вези ее в твой Виногробль. Правильно я называю этот городок?

– Правильно.

– Вот туда ее и вези. И дай ей поплакать. Когда она поутихнет, начни организовывать доставку тела в город. Пока приедете, будет уже темно, все избирательные участки закроются и все будет кончено.

– Сейчас повезу, – обрадовался Бубенцов. – Спасибо, что разрешили. Я боялся, что она милицию вызовет.

– Как там Седых? Он ничего не предпринял?

– Пошел на свой участок с красным бантом на пиджаке. Как Ленин. Эти коммуны – неисправимые дураки.

– У них хоть есть принципы, – возразил Петровский. – А в наше время принципы дорого стоят. И вообще, не нужно давать оценки политическим партиям. Сегодня мы работаем на одну, завтра – на другую. Качанов идет от правящей партии, и мы его поддерживаем, а в Уфе Гребешков – от левой оппозиции, и мы его тоже поддерживаем. В Омске наш Абрикосов – от правой партии, а главный советник у него Леонид Исакович. Все понял?

– Я его не ругаю, просто рассказываю вам, как он был одет, – начал оправдываться Бубенцов.

– Тогда, пожалуйста, без комментариев. Итак, он проголосовал на своем участке. Вокруг него было много людей?

– Человек десять–пятнадцать.

– Они говорили?

– Конечно. Он же учитель истории. Я заметил, у всех учителей похожие характеры. Как только увидят людей, сразу же лезут в толпу и начинают гнуть свою линию.

– Он что говорил с людьми? О чем?

– О политике, о налогах, о пенсиях. Обычная пропаганда...

– Которая запрещена в день выборов, – напомнил Петровский, – и за день до них тоже. Составь акт и пусть он будет у тебя. На всякий случай. Если вдруг в Курске в последний момент проголосуют за Седых, ты предъявишь этот протокол и областная прокуратура опротестует итоги выборов.

– Он не победит, – запротестовал Бубенцов. – Никто не знает, что его вставили в список еще раз.

– Ты недооцениваешь человеческий фактор, – возразил Святослав Олегович, – он же учитель. Его знают многие горожане. Слухи идут от дома к дому. У нас в России любят обиженных. А он был обиженный, его исключили из списка кандидатов. Вот теперь люди и потянутся за него голосовать. Так что составь протокол, пусть он у тебя будет. А в следующий раз имей для такого случая фотографа. Было бы не лишним пару

раз щелкнуть, как Александр Александрович Седых призывал голосовать за него в день выборов на избирательном участке.

– Понятно, – уныло протянул Паша, – я думал – он вам понравился.

– Он мне и сейчас нравится. Прекрасный человек. Начитанный, грамотный, очень порядочный. Но у нас с тобой есть конкретная работа. Мы, Паша, получили деньги, очень большие деньги, чтобы провести в депутаты бизнесмена Качанова. Если бы Седых был даже моим папой или дядей, то и тогда я не стал бы его поддерживать на выборах просто так, забыв о моей основной задаче. Родственников и хороших людей нужно любить не в рабочее время, Паша. Ладно, давай дуй к этой парикмахерше, а то она действительно вызовет милицию. – Он положил трубку. Затем снова набрал номер. На этот раз позвонил в Башкирию, Юлаю Абуталиповичу. – Что у нас с Гребешковым?

– Местное телевидение уже дважды показывало, – радостно сообщил Юлай. – И про тебя говорили, и даже про меня. В общем, наш Гребешков настоящий народный герой. Думаю, он может победить даже в

первом туре. Говорят, сам президент хочет сегодня к нему приехать.

– Пусть приедет, – пожал плечами Петровский, – но сделай так, чтобы в этот момент там оказались твои журналисты из Москвы. Случайно, конечно. Если ты выйдешь на пресс–секретаря президента и расскажешь, что в город приехало сразу несколько известных столичных журналистов, то они заранее тебе сообщат, когда в больницу поедет президент. Можешь не беспокоиться.

– Я уже позвонил, – заявил довольным голосом Юлай. – А наши журналисты обедают. Я им много выпивки не даю, но коллекционный коньяк поставил. Пусть пока бутылочкой побалуются. А вечером мы им такой ужин устроим – на всю жизнь запомнят.

– Это само собой, – согласился Святослав Олегович, – и дай каждому по пятьсот долларов. Нет, лучше по тысяче. Скажи, на мелкие расходы. Они неплохие ребята, сразу согласились лететь.

– Конечно, согласились, – рассмеялся Юлай, – они меня давно знают, и я их давно знаю. Почему не поехать? Бесплатные билеты первым классом, проживание в лучших номерах, сытые обеды и на прощание – не-

большой «барашек» в карман. Только по тысяче я им не дам, слишком жирно. По пятьсот на брата очень даже неплохо.

– Как знаешь, – согласился Петровский, – только держи их на поводке, чтобы обязательно сняли приезд президента в больницу. Если он, конечно, приедет.

– Ты думаешь, у нас каждый день народные артисты в больницу попадают? – возмутился Юлай. – А это ведь больница нефтяников, президенту будет приятно сюда приехать. И заодно сфотографироваться с известным Гребешковым, который проходит депутатом в Государственную думу от нашей республики.

– Убедил, – коротко отозвался Святослав Олегович, прощаясь со своим заместителем.

Теперь оставалось только ждать. С Востока каждый час шли новые вести. Коммунисты начали теснить правящую партию, вырываясь на первое место. Петровский вспомнил об ужине, когда часы показывали около семи. Он позвонил Инне.

– Закажи мне ужин в кабинет.

– Что вы хотите, Святослав Олегович?

– Какой–нибудь суп горячий и еду. Все равно какую.

– Китайскую или европейскую?

– Лучше нашу. Но не нужно всякой живности, меня от нее мутит.

– Хорошо, – ответила Инна.

– И еще, – вспомнил Петровский, – где наша новенькая? Как ее звали?

– Илона. Но вы велели, чтобы мы называли ее Надей.

– Это ее настоящее имя. Первое имя ей придумала Виктория. Представляю, что она хотела с ней сделать. Наверно, отправила бы на панель.

Инна оскорбленно промолчала.

– Я просил, чтобы ее переделали и отправили в салон красоты, – напомнил Святослав Олегович.

– Алла Андреевна все сделала, – сообщила секретарь. – Когда к вам вызвать Надежду?

– Прямо сейчас. Хочу посмотреть на результат.

Он углубился в бумаги. Принимая на работу молодых сотрудниц, Петровский намеренно проводил такие жестокие эксперименты. Нет, он никогда не встречался ни с одной из них. Но сама работа его агентства велась на грани морали и этики, и он должен был быть абсолютно уверен в своих со-

трудниках. Женщины, прошедшие через устраиваемое Святославом Олеговичем испытание, проникались к нему большим доверием и старались выполнить любые его поручения. Кроме того, ему нужны были их лояльность и возможность переступить через некий внутренний стыд. Сотрудницы его агентства должны встречаться с политиками, беседовать с журналистами, узнавать мнение аналитиков. Кокетничать им разрешалось, легкий флирт даже приветствовался, но любая интимная связь исключалась. Нарушительница сразу же вылетала с работы. «У нас солидная организация, – любил повторять Петровский, – мы не плодим шлюх для развратных политиков».

Он читал поступившие бумаги, когда позвонила Инна.

– Ужин сейчас принесут. В приемной ждет Надя. Разрешить ей войти?

– Да, конечно. – Он продолжил работать, не поднимая головы.

Дверь кабинета скрипнула. Святослав Олегович поднял глаза, глянул на вошедшую и поискал, где лежат его очки. С сорока пяти он стал иногда плохо видеть на расстоянии.

– Входи, – велел Петровский.

Молодая женщина робко прошла в кабинет. Он наконец нашел очки, надел их и удивленно заморгал. Затем понял, что зрение его не обманывает. Перед ним стояла абсолютно другая женщина. За минувших два дня она как будто выросла и сейчас выглядела лет на двадцать пять–тридцать. Исчез дешевый парик, открылось лицо. Ее нельзя было назвать красавицей, но такое лицо сразу запоминалось и, что важнее, бросалось в глаза. Римский нос с небольшой горбинкой, тонкие губы, красивые карие бархатные глаза. И одежда... Одежда сделала ту девушку совсем другим человеком. На ней была длинная макси-юбка, темная блузка и черная жилетка.

Петровский поднялся и осмотрел молодую женщину с ног до головы. Очевидно, она заметила в его взгляде восхищение, потому что чуть покраснела.

«Неужели это та самая девочка, которая была у меня два дня назад?» – удивился Святослав Олегович и вслух произнес:

– Да, Алла Андреевна хорошо поработала. Садись, я хочу с тобой поговорить.

– Спасибо. – Она села на краешек стула. Откуда в этой провинциальной девочке столько грации?

– Ты стала совсем другой, – улыбнулся он, – я не ожидал, что может произойти такая трансформация. Над тобой здорово поработали.

– Нет, – возразила Надя. – Это вы меня такой сделали.

– Я? – изумился Петровский. – Мы с тобой едва знакомы.

– Когда заставили раздеваться, – призналась она. – Я никогда не думала, что способна на такое. Раздеться в присутствии чужого человека, который смотрел на меня как на товар.

– Смело, – пробормотал он. Затем, поднявшись, обошел стол, взял второй стул, сел напротив нее и спросил: – Как ты училась? У тебя хороший аттестат?

– Я окончила школу с золотой медалью, – ответила она. – Я думала, вам сказали.

– Ясно. – Ему стало смешно. Он–то считал, что эта девочка хочет стать дешевой проституткой, подрабатывая у Виктории, а она собиралась завоевывать столицу, приехав сюда с золотой медалью. Кто же сказал

этой дурочке, чтобы она надела парик? У нее такое интересное лицо. – Ты ведь жила два года у Виктории? – не поверил Петровский. – Или нет?

– Нет, – ответила Надя. – В прошлом году я пыталась поступить в МГУ, но не смогла сдать экзамена. У кого золотая медаль, должен сдавать только один экзамен.

«Завалили провинциалку», – подумал Петровский.

– А в этом году приехала, чтобы попробовать поступить в ГИТИС. Раздумала быть биологом. И снова не прошла. Но домой не вернулась. Нашла Викторию – ее двоюродная сестра подруга моей матери. Вот я у нее и осталась.

– Ты знаешь, чем занимается Виктория?

– Знаю, конечно. К ней приходит много девочек. Только она никого не заставляет. Все они сами приходят, я видела.

– И тебя не заставляла?

– Нет, – улыбнулась девушка, – я работала ассистентом на кафедре биологии. Они знали, что у меня золотая медаль, и взяли работать.

– Почему же ты сразу не сказала? – нахмурился Святослав Олегович. – Я думал, ты из обычных девочек Виктории.

– Я поняла, – кивнула она, – но мне было интересно. Я столько слышала про ваше загадочное агентство и про вас. Говорили, что здесь, чтобы попасть к вам на работу, женщины проходят какой-то невыносимый отбор. Вот мне и стало любопытно. Я еле уговорила Викторию послать меня к вам. Поэтому и имя поменяла, и парик надела.

– А почему тогда разделась? – спросил он.

– Не знаю. Но я почувствовала, что мне ничего не грозит. Вы знаете, я думаю, это можно почувствовать. Наверное, мужчины, как всякие самцы, издают какой-то запах или поведение у них меняется. Я поняла, что вы мне ничего не сделаете.

«Вот так она меня провела, – радостно констатировал Петровский. – Значит, я еще не все знаю и умею. Оказывается, меня можно обмануть. Для этого достаточно напялить дешевый парик, поменять имя, сделать грубый макияж – и все. Тоже мне знаток человеческих душ, коли провинциальная девчонка так запутала!» Но эта мысль его не обидела. Наоборот, ему почему-то было приятно, что он так ошибся. Перед ним сидела умная молодая женщина. Он да-

же не мог поверить, что два дня назад она стояла перед ним раздетой.

– Если тебе удалось так меня обмануть, то ты можешь многого добиться в нашем агентстве, – пообещал Святослав Олегович, – у тебя большие задатки.

– Вы так считаете? – улыбнулась Надя. – Мне очень приятно, что вы так говорите. Я ведь то белье действительно купила на Киевском, и оно было не очень... Знаете, как мне было стыдно?

– Представляю! – Ему нравилась ее предельная открытость и искренность. Нет, он никак не предполагал такой метаморфозы. – С завтрашнего дня будешь работать в нашей пресс-службе, – решил Петровский, – если сумеешь выдержать наш темп.

– Постараюсь, – она поднялась. – Я могу идти?

– Да, – кивнул он. И улыбнулся ей на прощание.

– Спасибо. До свидания. – Она повернулась и пошла к выходу.

– Подожди, – позвал Святослав Олегович девушку. Надя обернулась. – Извини за мое поведение два дня назад. Я думал использовать тебя для встреч с нашими политиками.

У него было огромное преимущество перед другими руководителями. Он умел извиняться перед своими сотрудниками и не стеснялся этим пользоваться, зная, какой потрясающий эффект имеют его точно рассчитанные слова.

– Ничего, – улыбнулась она. – А я решила, что все входящие к вам женщины каждый раз раздеваются.

Когда новая сотрудница вышла, он не выдержал и расхохотался, от чего настроение сразу поднялось. Вообще сегодняшний день полон неожиданностей. Радостная улыбка еще не сползла с его губ, когда он подошел к своему столу, чтобы снять трубку звонившего правительственного телефона. И услышал гневный крик вице-преьера:

– Ты, что себе позволяешь? Думаешь, тебе все дозволено?

ВОСПОМИНАНИЯ

Каждая избирательная компания в России, не привыкшей к подобным потрясениям, была по-настоящему революционной, а президентские гонки – не просто выборами

достойного из нескольких кандидатов, как в других странах. На самом деле в эти моменты всякий раз решалась судьба страны, определялась стратегическая линия на дальнейшее развитие крупнейшей державы мира.

Выборы в начале нового тысячелетия оказались тоже такими же.

Все стало ясно еще в первом туре, когда объединенными усилиями олигархов, семьи бывшего президента и части спецслужб удалось устранить самого крупного соперника – старого премьера, серьезно претендующего на власть.

Он объединился с самыми влиятельными в стране политиками – мэрами крупнейших городов, президентами важнейших национальных регионов. Было продумано название новой партии – «Россия», ставшей символом единения страны. Новое движение быстро распространялось, и казалось, его победному шествию не будет конца.

К тому же все прекрасно понимали, что старый премьер был бы идеальным президентом. Мудрый, выдержанный человек с безупречной репутацией, пользующийся большим уважением во всем мире. Но перед Петровским стояла другая задача. Его агент–

ству поручили остановить триумфальное шествие новой партии и провести кандидатом в президенты молодого преемника бывшего главы государства.

Задача была сложной, но выполнимой.

Объявление преемником президента решительной войны с сепаратистами и террористами понравилась большинству населения страны. Оставалось только закрепить рейтинг нового кандидата. Олигархи давали любые суммы денег, лишь бы остановить старого премьера. В нем они видели еще большую угрозу, чем в кандидате от левой оппозиции, который уже никого не мог испугать своими грозными речами и причитаниями.

Началась массированная атака на позиции новой партии и ее лидеров. Газеты и телевизионные каналы соревновались друг с другом в изощренной травле. На ведущий телевизионный канал был приглашен тележурналист, снискавший себе репутацию «киллера». Многие порядочные люди отказывались даже говорить об этом деятеле, но он свое дело знал хорошо. Еженедельно с экранов телевизоров на руководителей новой партии обрушивались потоки гнусной

лжи и клеветы. Немыслимые оскорбления в их адрес буквально сыпались на телезрителей. Рейтинги программы поползли вверх, по слухам, тележурналист получил миллион долларов за свое усердие от одного из неизвестных олигархов.

Петровский, собрав своих аналитиков, поставил перед ними задачу вывести во второй тур основного кандидата и представителя левой оппозиции. В этом случае победа легко доставалась преемнику президента. Святослав Олегович знал, что беспринципная позиция части левой оппозиции не позволит им объединиться со старым премьером. Если бы в этот момент левая оппозиция повела себя разумно, она гарантированно разгромила бы любого кандидата, выставив своей кандидатурой левоцентристски настроенного бывшего премьера страны, который спас миллионы людей от гражданской войны, голода, разрухи, экономического кризиса. Но амбиции провинциальных лидеров, какими были большинство представителей левой оппозиции, не позволили им так поступить. Вместо этого левая оппозиция начала подыгрывать существующему на тот момент правительству, пытаясь обойти

основного кандидата в президенты – бывшего премьер-министра страны.

Против «России» объединились все. И правые, и левые. Каждый по-своему желал поражения основной партии, которая могла не только победить на выборах, но и сформировать вполне дееспособное правительство. Однако несколько роковых ошибок лидеров «России» привели ее к поражению.

Сначала была полностью провалена информационная поддержка партии. Перешедший на сторону «России» молодой пресс-секретарь бывшего президента оказался не готов к серьезной борьбе. Более того, он вообще не смог противостоять откровенному нажиму соперников, полностью сдав все позиции.

В самой партии не было единства в отношении тактики действия на предстоящих парламентских и президентских выборах. Одни региональные руководители хотели договориться с властями и сохранить лицо. Другие считали, что можно одновременно работать на двух хозяев.

В противовес партии «Россия» за несколько месяцев до выборов была создана партия «Единение», состоящая из обычных

функционеров власти, готовых на все ради сохранения собственных постов. В нее набирали всех, кого только можно было найти, – от популярных актеров до местных знаменитостей. Был задействован административный ресурс, с каждым из региональных лидеров проводилась индивидуальная работа. В результате многие дрогнули.

И наконец, сыграла свою роль активная пропаганда, развязанная сотрудниками агентства Петровского против партии старого премьера. Усилия «Миллениума» оказались достаточно плодотворными. Первое место на выборах получили коммунисты, с которыми никто всерьез не вел никакой борьбы, заранее отдав им эту победу. На втором – «Единение», триумфально победившее во многих регионах страны. На третьем – «Россия». И лишь на четвертом оказалась правая партия, которую поддержали многие олигархи. Заодно в парламент прошли маргинальная партия либерал–демократов и небольшая демократическая партия «Спелый плод».

Парламентские выборы нанесли сильнейший удар по престижу партии «Россия». Старый премьер понял бесполезность всех

усилий по выдвижению его кандидатуры. Самое печальное заключалось в том, что это поняли и все остальные губернаторы. Лидер партии, набравшей всего шестнадцать процентов голосов на парламентских выборах, не мог серьезно претендовать на власть в стране. Это было очевидно всем без исключения.

Парламентская победа над старым премьером открыла новому президенту путь к власти. После того как старый премьер снял свою кандидатуру, все пошло по накатанному пути. Несколько демократических партий еще попытались что–то предпринять, но в итоге во второй тур прошли исполняющий обязанности президента и лидер левой оппозиции. Исход выборов во втором туре теперь можно было прогнозировать и без аналитиков «Миллениума». Все стало ясно еще в первом туре. Победа была полной и безусловной.

Когда Петровского обвиняли в безнравственности, он обычно пожимал плечами, недоумевая, чего от него хотят. Через несколько месяцев две противостоящие друг другу партии начали договариваться. И вскоре «договорились» до того, что реши–

ли создать единую партию. Прежде непримиримые враги превращались не только в союзников, но и в однопартийцев.

Новый президент, оказавшийся на удивление трезвым и здравомыслящим человеком, не стал сводить счеты с бывшими политическими соперниками. Вместо этого, наоборот, приблизил к себе бывшего премьера, сделав его одним из своих важных советников. Видимо, сказалось общее прошлое обоих в спецслужбах. К тому же все сотрудники разведки испытывали глубокое личное уважение к бывшему премьеру, когда-то спасшему их ведомство от «демократических комиссаров» и разгрома.

Телекиллера, сделавшего свое грязное дело, отстранили от работы, и он исчез с экрана. Ни один канал не решился пригласить его. Пресс-секретарь новой партии с гордой дворянской фамилией, проваливший работу на новом поприще, вернулся на старое место. Так что Петровский небезосновательно поражался, что в разговорах о политиках и аналитиках циником называли его одного, не упоминая других.

Апофеозом политического цинизма стали два сговора в стенах парламента. Сна-

чала левая оппозиция и партия «Единение», договорившись между собой, захватили все парламентские посты. Через два года новая партия, объединившись также в закулисных переговорах с «Россией», отстранила левую оппозицию, раздала посты собственным выдвиженцам и представителям других объединений. И никто не посчитал это торгом. Все решили, что идет обычная политическая борьба.

Последним запоздалым ее отзвуком стало интервью ведущего тележурналиста с новым лауреатом Нобелевской премии. Тележурналист пользовался популярностью и справедливо считал себя одним из самых опытных профессионалов на телевидении. Увлечшись общей риторикой против левой оппозиции, он не заметил, как перешел некую грань, отделяющую обычное интервью от настоящего хамства. Лауреату Нобелевской премии и всемирно известному ученому, не скрывавшему своих левых взглядов, пришлось публично одернуть зарвавшегося молодого человека. После этого тележурналист перестал вести популярные передачи, а через некоторое время окончательно ушел с телевидения. Наступал новый век. Век

прагматиков и циников. Петровский уже ничему не удивлялся. Ни человеческой природе, ни низменным страстям. Все казалось мелким и обыденным. Его лидерство в политическом анализе теперь ни у кого не вызывало сомнений. Он стал самым уважаемым «гуру», негласным советником президента, получив право на любые контакты с политическими партиями и различными объединениями.

Услышав крик вице-премьера, он понял, что произошло нечто экстраординарное. Только этим можно было объяснить личный звонок вице-премьера правительства, его неожиданный тон.

– Что случилось? – спросил Петровский. – Почему вы так нервничаете?

– Ты еще спрашиваешь? – Вице-премьер был старше Петровского на двенадцать лет, и они были знакомы еще с девяносто шестого года. – Что ты устроил в Омске? Или ты не знаешь, как там отличился твой американец?

– Ничего не понимаю, – отозвался Святослав Олегович, хотя догадывался, что произошло нечто неприятное у омского гу-

бернатора, которому вице-премьер негласно покровительствовал. Но он точно знал и другое. Если бы что-то случилось с их кандидатом, Бронштейн об этом уже обязательно сообщил бы. Но он не звонил, значит, там все в порядке.

– Ты вчера встречался с губернатором, – продолжал бушевать вице-премьер. Если уж он сам набрал номер правительственного телефона Петровского, не прибегая к помощи секретарей, значит, действительно взбешен. Все чиновники знали, что эти аппараты прослушиваются службой ФАПСИ. – И вы договорились о совместных действиях...

«Вот мерзавец, – спокойно подумал Петровский о губернаторе. – Мне пообещал, что наш разговор останется в тайне, а сам сообщил о наших договоренностях вице-премьеру. Ну конечно, он должен был сообщить. Наверняка вице-премьер ищет, каким образом наладить контакты с руководством компании «Финойл». Соглашение в Омске было одобрено с двух сторон. А я-то искал подвох в словах губернатора. Ему просто приказали найти компромиссное решение. А заодно он решил подстраховаться и вспомнил про губернаторские выборы».

– Вы ведь, кажется, обо всем договорились, – продолжать бушевать вице-премьер, – а сегодня мы вдруг узнаем, что твой еврей завалил на выборах нашего кандидата.

– Как это завалил? – спросил Петровский. – Ничего не понимаю.

– Ты все прекрасно понимаешь, – закричал вице-премьер, теряя терпение.

Петровский даже подумал, что несчастного чиновника может хватить удар.

– И твой американский еврей все понимает, – орал он, – нарочно все подстроил...

– Скажите мне, что случилось, – попросил Петровский. Он услышал звонок своего мобильного телефона и, взглянув на него, увидел личный номер Бронштейна. Святослав Олегович быстро включил аппарат и поднес его к уху.

– Что у вас?

– Все в порядке, но...

– Вы можете остаться на линии?

– Конечно.

– Тогда слушайте, я говорю с вице-премьером...

Петровский положил мобильник на стол и терпеливо сказал:

– Я нахожусь в нескольких тысячах километров от Омска и не могу знать, что там происходит в данный момент. Объясните мне, почему вы так нервничаете.

– Ты еще спрашиваешь?! – снова разозлился вице-премьер. – А сам, наверное, рад, что всех обманул. Только учти, нельзя быть самым умным. Я сегодня расскажу президенту, как ты нас всех кинул...

– Давайте по порядку, – холодно предложил Святослав Олегович. Он не любил, когда его шантажируют. – Если будете кричать вместо того, чтобы объяснить мне, что именно произошло, я просто положу трубку.

– Что?! – не поверил вице-премьер. – Теперь ты так решил со мной разговаривать? Забыл, сколько я для тебя сделал? И для твоего друга Яши Слаповского.

– Я всегда помню о ваших заслугах, – сообразив, что несколько перегнул палку, ответил Петровский. – Но объясните мне, что там в Омске?

– Этот твой выскочка Абрикосов набрал сорок процентов всех голосов, – гневно сообщил вице-премьер, – больше, чем все остальные вместе взятые.

«Однако здорово поработал Леонид Исаакович! – радостно подумал Петровский. – Теперь пусть говорят все, что угодно. Бронштейн великий специалист. Из никому не известного заместителя начальника местного управления сделал человека, который набрал сорок процентов голосов всех избирателей и вышел во второй тур».

– То, что твой Абрикосов победит, никто не сомневался, – продолжал вице-премьер, – но вы же договорились, что он должен быть в первом туре только вторым, а первым – директор комбината.

– Верно, – согласился Петровский, – мы так и договаривались.

– И вы нас всех кинули, – опять закричал вице-премьер. – Директор комбината набрал только восемнадцать процентов голосов и не прошел во второй тур. Двадцать процентов набрал кандидат от левой оппозиции. Вы нарочно так сделали, чтобы скомпрометировать губернатора и меня на этих выборах? Чтобы мы не смогли провести нашего человека хотя бы во второй тур?

«Ясно, – подумал Святослав Олегович, – Леонид Исаакович предупреждал о такой опасности. Погода все-таки сыграла свое дело.

Директор получил то, что мог, а вот коммунистический электорат всегда отличается дисциплинированностью и энтузиазмом. Они все пошли на выборы, несмотря на плохую погоду. И обеспечили своему кандидату нужные голоса. Все верно. Ничего другого и не могло быть. Если бы погода не испортилась, во второй тур прошли бы Абрикосов и эта креатура губернатора – директор комбината. Но теперь вместо него прошел представитель левой оппозиции. Конечно, это пощечина губернатору и всем, кто его поддерживает».

– Если вы мне дадите несколько минут времени, я постараюсь разобраться и найти компромиссное решение, – предложил Петровский.

– Какое еще компромиссное решение? – устало спросил вице-премьер. Очевидно, он утомился кричать. – Что ты можешь нам найти?

– Я перезвоню к вам через пять минут, – твердо пообещал Святослав Олегович. – Мне нужно посоветоваться с моими аналитиками. – Он положил трубку правительственного телефона и поднял свой аппарат мобильной связи. – Вы все поняли? – спросил у Бронштейна.

– Все, – ответил Леонид Исаакович. – Здесь творится то же самое. Говорят, к губернатору уже вызывали «Скорую помощь». У него сердечный приступ. Похоже, мы немного перестарались.

– Слишком перестарались, – усмехнулся Петровский. – Сорок процентов – это гораздо больше, чем нужно. А учитывая, что еще есть резервы для усиления...

– Есть, конечно. Но я предупреждал насчет погоды. В плохую погоду у левой оппозиции всегда больше шансов. Они идут на выборы и в дождь, и в снег. Дисциплинированные, сплоченные, бескомпромиссные. Поэтому их кандидат и набрал немного больше голосов, чем этот директор комбината.

– Вы испортили мне отношения с вице-премьером и губернатором области, – равнодушно произнес Петровский. Ему действительно было все равно. Деньги за Абрикосова они могли получить уже сейчас. Во втором туре их кандидат гарантированно победит.

– Нет, – возразил Леонид Исаакович, – мы все уже просчитали. И у меня есть решение этой тупиковой задачи.

– Какое решение? – насторожился Петровский.

– Я вам говорил о плохой погоде в восточной части области. На некоторых участках едва набралось пятьдесят процентов проголосовавших. Вы меня понимаете?

– Нет, – нахмурился Святослав Олегович. Он не любил, когда его сотрудники оказывались умнее его самого. Даже такие выдающиеся, как Бронштейн.

– В восточной части области выборы можно признать недействительными, – пояснил Леонид Исаакович. – Если там случайно пропадут несколько сот бюллетеней...

– Но на этом основании нельзя отменить выборы по всей области, – перебил его Петровский.

– Верно, – отозвался Бронштейн, – а нам и не надо отменять выборы по всей области. Вы уже поняли мою мысль?

– Вы абсолютный гений, – растерянно проговорил Петровский.

– Напомню об этом, когда вы будете платить мне гонорар, – рассмеялся Бронштейн. – Мы здесь все просчитали. Если отменить выборы по трем рабочим поселкам и по городам Кормиловка, Калачинск, то

можно несколько изменить ситуацию. Хотя Калачинск слишком крупный город и там придется убирать много бюллетеней. Поэтому я предлагаю заменить его небольшим поселком Осокино. Он находится недалеко от Омска. Там процент явки составил пятьдесят один и шесть. Нужные бюллетени можно убрать и все снова пересчитать. По моим предварительным данным, если мы быстро все сделаем, окончательный итог изменится. Мы наберем тридцать четыре процента, директор комбината – семнадцать, а представитель левой оппозиции шестнадцать с половиной. Тогда не будет никаких проблем. Левая оппозиция будет считать, что ее кандидата завалили чиновники губернатора, мы выполним условия нашего предварительного с ним соглашения и абсолютную победу Абрикосова. Весь левый электорат гарантированно отдаст нам свои голоса в знак протеста против политики губернатора.

Петровский потрясенно молчал. Бронштейн его просто поразил.

– Но мы отдаем шесть процентов наших голосов, – сказал он, понимая, что примет этот идеальный план.

– Можем отдать и больше, – услышал он смех Бронштейна, – теперь они готовы и на такой вариант.

– Что вам нужно?

– Согласие губернатора и его людей. Пусть даст указание сотрудникам милиции и участковым избирательным комиссиям. А мы сделаем все остальное. Лишь бы они нам не мешали.

– Сейчас я вам перезвоню. – Петровский бросил аппарат и начал набирать номер правительственного телефона вице-преьера. Телефон оказался занят. Очевидно, вице-премьер говорил с Омском. Подождав несколько секунд, он повторно набрал тот же самый номер. Снова занято. Святослав Олегович глянул на часы, дорога была каждая секунда. Он набрал номер телефона в третий раз. И радостно услышал, что попал.

– Слушаю, – поднял трубку вице-премьер. Теперь у него был потухший голос. Очевидно, он действительно говорил с губернатором области и отчетливо осознал всю нелепость положения, в котором они оказались.

– Добрый вечер еще раз, – начал Петровский, – у меня есть для вас хорошие новости.

– Хочешь предложить мне уйти в отставку? – слабо пошутил вице-премьер.

– Нет, – улыбнулся руководитель «Миллениума», а про себя подумал, что уже давно пора отправить этого чиновника на отдых. – У меня есть конкретный план по разрешению нашей ситуации.

– Что ты хочешь?

– Абрикосов набрал сорок процентов, но это пока предварительные данные. Ваш кандидат получил только восемнадцать процентов, а кандидат коммунистов двадцать.

– Ты мне нарочно повторяешь эти цифры, чтобы я еще больше разозлился? – рявкнул вице-премьер. – Поздравляю! Твоя американо-еврейская команда очень хорошо поработала.

«Как же им не нравится Леонид Исаакович», – радостно подумал Петровский и сухо сказал:

– Послушайте, что я вам предлагаю. Наши специалисты были во всех округах и считают, что в восточной части области подсчет проведен не совсем верно. Количество проголосовавших там несколько завышено, на избирательные участки пришло немного меньше пятидесяти процентов избирателей.

Значит, по этим участкам выборы можно считать несостоявшимися.

– Как это – по участкам? – не понял вице-премьер. – Вы хотите сказать, что надо отменить выборы в области?

– Ни в коем случае. Выборы прошли, и они признаны состоявшимися. Никто не позволит вам отменить выборы по целой области. Это не реально. Но отменить их в некоторых небольших городках мы вполне можем. Моя американо-еврейская команда готова для вас постараться, – не удержался от сарказма Святослав Олегович.

– Что это нам дает? – спросил вице-премьер, немного успокаиваясь.

– Наши аналитики уже просчитали все возможные варианты, – сообщил Петровский. – Если мы отменим выборы в указанных районах и городах, то общая картина немного изменится. У Абрикосова останется около тридцати двух процентов голосов, – он намеренно убрал еще два процента, чтобы понравиться своему собеседнику, – директор комбината наберет семнадцать процентов, а представитель левой оппозиции – только шестнадцать с половиной. И в таком случае во второй тур

проходят Абрикосов и ваш кандидат. Как мы и договаривались.

– Вы договаривались, что наш кандидат займет первое место в первом туре, а ваш второе, – напомнил вице-премьер.

– Это уже сделать невозможно, – возразил Святослав Олегович. – Вы же не хотите отменять все выборы? И потом мы не виноваты, что вашего кандидата так не любят избиратели. Вы же знаете, изменить результаты выборов можно на три или четыре процента, но никак не на двадцать. И учтите, мы идем на очень большую уступку, разрешая отнять у нашего кандидата семь-восемь процентов набранных голосов, тогда как ваш кандидат теряет только один. По-моему, это свидетельство нашего желания выполнить все договоренности.

– Все понял, – отозвался вице-премьер. – Мне кажется, твой план самый удачный. Сейчас я позвоню губернатору. У него был небольшой сердечный приступ, но он пока лежит в своем кабинете. Что он должен делать?

– Ничего. Пусть только не мешает моим людям. И пусть примет Бронштейна, тот ему все объяснит.

– По-моему, он видеть не может этого вашего американского еврея. Неужели ты не мог найти никого получше одесского проходимца?

– У этого проходимца всегда самые лучшие результаты, – возразил Петровский. – А если он ему не нравится, мы можем оставить все как есть,

– Не говори глупостей, – опять разозлился вице-премьер, – и нечего делать из меня антисемита. У меня жена еврейка, как тебе хорошо известно. Но мне не нравится, когда наши внутренние проблемы решают приехавшие из-за океана иностранцы.

– Вы же сами назвали его одесским евреем, – напомнил, улыбнувшись, Петровский. – А такие люди нужны по обе стороны океана. К тому же у него есть и российское гражданство. Позвоните губернатору прямо сейчас. Пока еще есть время, мы успеем убрать часть бюллетеней.

– Сейчас позвоню, – согласился наконец вице-премьер. Он уже хотел положить трубку, но неожиданно сказал: – Послушай, Святослав, давно хочу тебя спросить: откуда ты набираешь свою команду? У тебя самые умные мужчины и женщины в нашей стра-

не. Иногда мне кажется, что ты их как-то по-особенному дрессируешь.

– Я держу их на особой диете, – усмехнулся Петровский, – чтобы они были голодными и злыми.

– Представляю, сколько ты им платишь! – задумчиво произнес вице-премьер. – Скажи честно, у тебя хоть были осечки? Или ты привык к тому, что всегда выигрываешь?

– Были, – честно признался Святослав Олегович, – последняя случилась за минуту до нашего разговора. Я очень сильно ошибся в одной моей сотруднице.

– Надеюсь, ты говоришь правду, – проворчал вице-премьер, – хотя не знаю, когда тебе можно верить, а когда нельзя. Скажи своему американцу, чтобы немедленно ехал к губернатору. Сейчас я ему позвоню. И если все будет так, как ты сказал, я твой должник. Только не нужно нас снова обманывать. Иначе я просто не знаю, что с тобой сделаю.

– Никогда, – заверил его Петровский, – вы же знаете, как я к вам отношусь.

– Это и пугает меня больше всего, – буркнул вице-премьер, – до свидания!

Святослав Олегович положил трубку правительственного телефона, и на его лице снова появилась прежняя улыбка. Сегодняшний день действительно был самым неожиданным в его жизни.

Он перезвонил Бронштейну и велел ему ехать к губернатору.

– Он меня примет? – удивился Леонид Исаакович. – Боюсь, ему неприятно со мной разговаривать. И вообще он считает, что я американский шпион и представляю в его области ЦРУ.

– Это тоже не исключено, – заметил Петровский, – но даже в этом случае вам лучше встретиться и обговорить все детали. Не очень усердствуйте. Ему нельзя особенно доверять. И не нужно отнимать у нашего кандидата так много голосов. Лучше обойтись малой кровью. Просчитайте все еще раз. Но ваш план мне нравится. И нашему вице-премьеру он тоже понравился. Сейчас он разговаривает с губернатором. Кстати, учтите – у губернатора из-за вас был сердечный приступ, он лежит в кабинете.

– Нужно ставить на нормальных людей, а не на идиотов, – холодно заметил Леонид Исаакович.

– Где их найти, нормальных? – вздохнул Петровский. – Если бы меня спросили, я бы давно выдвинул в депутаты вас и Юлая Абуталиповича, даже несмотря на ваше американское гражданство и возможную связь с ЦРУ.

– Будете про это столько говорить, я в конце концов сам поверю в такую возможность, – пошутил Бронштейн. – Ладно, еду к губернатору. Надеюсь, он все поймет правильно. Хотя он такой неповоротливый! Но у меня есть шанс быть услышанным. У него прекрасный советник, бывший руководитель областного КГБ. С ним я быстрее найду общий язык. Этот человек гораздо более прагматичен, чем ваш губернатор.

– Он не мой губернатор, – возразил Петровский, – но будьте осторожны. Ни одного лишнего слова, которое они могли бы потом использовать против нас. Вы меня понимаете?

– Я вообще по жизни стараюсь не говорить лишнего, – признался Бронштейн.

Закончив разговаривать с Леонидом Исааковичем, Петровский удовлетворенно

подумал, что омскую проблему можно считать решенной. Наверняка такое разрешение ситуации одобрит и руководство компании «Финойл». Теперь можно позвонить в Башкирию. Он набрал номер Юлая Абуталиповича и услышал его радостный крик.

– Мы собрались в доме моего брата и пьем за твое здоровье.

– Не слишком ли рано? – пробормотал Святослав Олегович. – Что у вас там происходит?

– Наш президент приехал к Гребешкову в больницу и сказал, что очень ценит его творчество. Этот сюжет показали по всем каналам нашего телевидения. И сейчас мы получили предварительные итоги. Только недавно. Гребешков набрал семьдесят восемь процентов голосов. Можно считать его депутатом Государственной думы. Его уже поздравил наш президент.

– Скажи, что я его тоже поздравляю.

– Передам обязательно. Знаешь, как тебя назвала тут одна из наших журналисток? Великим Манипулятором. Она считает, что ты Великий.

– Мне больше нравится второе слово, – признался Петровский и положил трубку.

«Как все просто, – холодно подумал он. – Достаточно иметь популярность в народе благодаря своим песням, попасть в нужный момент в больницу, получить благословение главы местной власти, и ты депутат. Хотя нет, у Гребешкова были еще мы, которые организовали ему такой округ и такую поддержку. Но это уже несущественно. Гребешков так триумфально победил, что его победа освещает своими лучами и наше агентство «Миллениум». Завтра все газеты напишут, что Петровский поддержал на выборах народного артиста Гребешкова, который триумфально победил, хотя и находился в больнице».

Святослав Олегович закрыл глаза и откинулся на спинку кресла. Начиная сказываться усталость последних дней и бешеный темп, в котором он провел последние сутки. Значит, с Омском и Уфой они разобрались. В Омске Абрикосов имеет подавляющее преимущество, вышел во второй тур. Кроме всего прочего, они оказали важную услугу вице-премьеру и губернатору области, а заодно и выполнили поручение такой мощной финансовой компании, как «Финойл».

Теперь с Уфой. Кандидатура Гребешкова очень удачно совпала с общим настроем

нием, царившим в Башкирии. Им нужен был такой проходной кандидат. С одной стороны, известный артист, пользующийся поддержкой левой оппозиции, с другой стороны, человек, не вызывающий резкого отторжения Кремля. Наверное, это своеобразный подарок президенту Башкирии. И он его получил. Отныне Гребешков будет представлять в Государственной думе близких ему башкир. Хотя что он понимает в их проблемах?

Петровский помнил, как выступал Собчак на первом съезде народных депутатов, клеймя позором столичных чиновников, выдвигавшихся от национальных автономий. А через полтора десятка лет супруга Собчака стала сенатором от Тувы, и никто не выступил с протестом. Изменились времена и нравы. Прежний президент терпеть не мог Собчака, но при нем политик стал мэром второй столицы и оставался им довольно долго. Новый президент был помощником мэра Собчака, который неожиданно умер, не успев рассказать миру об их совместной работе...

Он снова потянулся к телефону. При этом глянул на работающий компьютер и

увидел результаты последних данных. Левая оппозиция немного обходила правящую партию. Святослав Олегович улыбнулся: прогнозы его агентства всегда оказываются самыми верными. Он набрал номер Паши Бубенцова, дождался, когда тот ответит, и устало сказал:

– Здравствуй, Паша. Что там у тебя? Снова похитили труп? Или ты опять кого-нибудь заварил у себя дома? Или ваш учитель истории поднял знамя и провозгласил новую революцию? А может, областной прокурор стал Черненьким? Что у тебя там еще случилось?

– Ничего, – не понял юмора Павел, – у нас пока все нормально. Выборы еще не закончились.

– Качанов пользуется всеобщей любовью и поддержкой? – не мог остановиться Петровский. – Его носят на руках по улицам города и кричат от восторга?

– Он сидит дома и никуда не выходит, как вы приказали, – испуганно доложил Бубенцов. Паша не понял пьянящего веселья патрона. – А супруга Нечипоренко, как только мы ее привезли к погибшему мужу, начала исследовать его тело. Говорит, что не

разрешил без ее согласия использовать супруга на запасные части. Кричит, что на Западе за это платят большие деньги.

– Вот дура, – засмеялся Святослав Олегович. – Пусть проверяет, она уже ничего не сможет сделать.

– Но она страшно ругается, – сообщил Бубенцов. – Придумала, что у покойного вырезали мозг. Требуется, чтобы врачи провели экспертизу.

– Если требуется, пусть проводят, – согласился Петровский. – Только скажи этой дура, что мозг еще никому не пересаживали. Она может стать первой, если хочет. Мы пересадим ей коровий мозг, чтобы она больше соображала. Нельзя с таким скудным воображением работать парикмахером. Она может зарезать мужчин, когда их бреет.

– Она женский парикмахер, – понял наконец настроение шефа Павел Бубенцов.

– Значит, спалит волосы своим клиентам. – Петровский увидел, что открылась дверь и Инна внесла на подносе ужин. Он глянул на часы и спросил: – Почему так поздно?

– В первый раз привезли холодный суп, и я потребовала увезти, – пояснила секре-

тарь, – а во второй раз все нормально. Вы будете что–нибудь пить? Сок или минеральную воду?

– У нас есть хороший коньяк? – неожиданно поинтересовался Святослав Олегович.

Поднос в руках Инны чуть дрогнул. Она внимательно посмотрела на своего руководителя. Впервые за столько времени он поинтересовался алкоголем.

– Что–нибудь случилось? – спросила она, несмело улыбнувшись.

– Нет, – ответил Петровский, – просто у меня сегодня хорошее настроение.

Инна поставила поднос на столик и вышла из кабинета. Святослав Олегович вспомнил про телефон, который положил на стол. Снова взял его.

– Паша, – спросил он, – ты еще на линии?

– Конечно, – ответил Бубенцов.

– Пока нет никаких предварительных итогов нашей операции?

– Никаких, – ответил Паша, – но я думаю, Качанов пройдет.

– Если учесть, что мы купили и прокуратуру, и суд, – согласился Петровский.

– Что вы говорите? – не понял Паша.

– Ничего. Какой у Качанова номер? Хочу ему позвонить.

Бубенцов продиктовал номер телефона. Петровский записал, но затем поднялся и прошел к другому столу, где стоял поднос с едой. Суп был достаточно горячий. Не успел он отхлебнуть несколько ложек, как появилась Инна с бутылкой французского коньяка «Хенесси».

– Откуда? – удивился Петровский. – Неужели у тебя в приемной спрятан такой дорогой коньяк? Вот уж никогда бы не подумал.

– Нет, – сказала она, – я взяла эту бутылку из кабинета Юлая Абуталиповича. Позвонила ему в Уфу и получила разрешение.

Святослав Олегович тихо захохотал. После стольких дней томительного ожидания наступила обычная релаксация. Он взял рюмку, посмотрел на бутылку. И неожиданно спросил:

– А почему нет второй рюмки?

– Вы кого–то ждете? – уточнила Инна.

– Нет. Но в одиночку напиваться глупо. Пойди принеси вторую рюмку и сядь рядом.

Секретарь, не изменившись в лице, вышла из кабинета. Через минуту вернулась с рюмкой в руках. Он разлил коньяк.

– За наше агентство, – сказал Петровский, поднимая рюмку, – за наш успех.

– За ваш успех, – искренне отозвалась она. И выпила рюмку до дна.

Он попробовал языком коньяк и затем залпом выпил, хотя помнил, что коньяк, особенно такой дорогой, так пить нельзя. Его нужно смаковать, пробовать на вкус и наливать не в рюмки, а пузатые бокалы, чтобы согреть янтарную жидкость теплом своих рук. Но в его кабинете не было пузатых бокалов. Он никогда не позволял себе пить на работе. Для этого существуют рестораны и бары.

– Святослав Олегович, – неожиданно обратилась к нему Инна, – можно задать вам один вопрос?

– Один можно, – кивнул он, снова разливая коньяк по рюмкам.

– Давно хотела вас спросить, – она явно смущалась, – зачем вы раздеваете всех женщин, прежде чем принять их на работу? Ведь вы можете выбрать для этого самых лучших специалистов. Раньше я думала, что

вы сексуальный маньяк, вуайерист, но потом поняла, что они вас даже не волнуют. И вы раздеваете всех, от двадцати и до шестидесяти. Почему? Почему вы это делаете? И почему вы не раздеваете мужчин? Или на них вы вообще не хотите смотреть?

– А может, я поклонник какого-нибудь африканского божка и смотрю на тела своих сотрудниц, чтобы предохранить себя от ведьмы или другого колдовства? – рассмеялся Петровский.

– Я вас серьезно спрашиваю.

– Если серьезно, то это самое настоящее испытание. И не очень приятное. Не каждая женщина согласится. Но несогласных мы здесь не держим. Дело не в том, что я хочу посмотреть на женщину, ты верно заметила, что я на них даже не смотрю. Дело в ее готовности переступить некую грань, отделяющую порядочного человека от человека вообще. Я очень уважаю порядочных людей, но на работе мне нужны сотрудники, не имеющие представления о собственных моральных ценностях и абсолютно доверяющие мне. Вот, собственно, и все мои критерии. Хочешь, расскажу тебе, как подбирает актрис в свои фильмы великий режиссер

Тинто Брасс? Ты не поверишь, но он лично рассказывал мне об этом. Брасс заставляет раздеваться женщин догола, а затем бросает монету. Актриса должна поднять монету находясь спиной к режиссеру. И вот по этим критериям он выбирает женщин для своих фильмов. Согласись, рядом с ним я просто невинное создание.

– По сравнению с ним конечно, – буркнула Инна.

Петровский доел суп и открыл вторую тарелку. Там была запеченная утка. Он посмотрел на Инну.

– Делим утку пополам, – решительно произнес он, – иначе я не буду есть.

– Хорошо, – согласилась она, – давайте половину. Я тоже с утра ничего не ела.

Они вместе съели утку и выпили полбутылки коньяка. После чего Инна собрала поднос и вышла из кабинета. Петровский вернулся за стол и снова набрал номер Бубенцова.

– Нет пока предварительных итогов? – поинтересовался он.

– Еще не получили, – виновато сообщил Паша, – но ждем. Как только получим результаты, сразу вам перезвоню.

– Хорошо. Как там решилась проблема вдовы?

– Повезла тело обратно в больницу «Скорой помощи», – ответил Бубенцов. – Сколько мы ее не уговаривали, она нас не слушает. Говорит, что будет требовать провести экспертизу трупа. Железная баба. Как он с такой стервой жил? Она все боится, что из него что-то вырезали. На кой он нам нужен?

– Действительно, надо было отрезать что-нибудь на память, – грустно пошутил Петровский. – Это у нас первый такой случай. Теперь будем называться агентством похитителей трупов.

– Разве можно говорить такое по телефону? – испугался Бубенцов.

– Теперь все можно, – усмехнулся Петровский. – Выборы закончились. Нечипоренко был в списках, а когда именно он умер, пусть теперь волнует его жену. И наш революционный историк был.

– Вы звонили Качанову?

– Пока нет. А почему ты спрашиваешь?

– Он вас ищет. Говорит, что ему нужно срочно с вами переговорить.

– Скажи, чтобы позвонил мне в офис. Я еще на эту мразь буду тратить свои деньги? Пусть сам звонит.

Петровский положил мобильный телефон на стол и начал громко смеяться. Напряжение последних дней спало, теперь сказывались выпитые рюмки коньяка. Вскоре раздался звонок, он вновь поднял аппарат и услышал хриплый голос Качанова:

– Здравствуйте, дорогой Святослав Олегович. Мне кажется, что все идет нормально и скоро мы получим радостную весть.

– Это ты скоро получишь радостную весть, – возразил Петровский. – А мне вообще неприятно, что я помогал такому бандиту, как ты.

– Вы с ума сошли? – разозлился бизнесмен.

– Это ты с ума сошел, дешевка. Я тебе обеспечил выборы в Думу и депутатский иммунитет. А когда твой соперник попал в аварию, ты мне звонил и грозился. Гроб велел заказать. И сукой меня обозвал. Или думаешь, мне было приятно слышать такие слова?

– Извините, – смягчился Качанов, – я не хотел вас обидеть. Я тогда сорвался, честное слово.

– А если я сейчас сорвусь и вдруг расскажу, что Нечипоренко умер не сегодня, а вчера? И мы его тело в другом городке целый день ото всех прятали. Знаешь, где ты будешь завтра? В «Матросской тишине». Прокуратура только и ждет, чтобы ты проиграл эти выборы.

– Я вам очень обязан, – признался Качанов, – и мне так стыдно, что я сорвался.

– В следующий раз не срывайся, – посоветовал Петровский. – И вообще веди себя в Думе тихо. Очень тихо и осторожно. Иначе тебя выдадут прокуратуре и посадят в тюрьму. А оттуда ты никогда не выйдешь. В тюрьмах особенно не любят депутатов. Да и вообще всех бывших чиновников.

Бизнесмен молча слушал оскорбления и понимал, что их заслужил. Святослав Олегович решил больше не перегибать палку.

– И вообще твои выборы обошлись нам в копейку, – сообщил он бизнесмену. – Я дважды самолеты заказывал, в ваш Курск летал, чтобы тебя спасти. Сколько денег в прокуратуре заплатили, в суде, – он не боялся говорить об этом по телефону. Если их прослушивают, то пусть отменяют итоги выборов и сажают Качанова,

вместе с прокурором области и судьями местного суда. – Мы из-за тебя последние дни вообще не спали.

– Я все оплачу, – пообещал Качанов, – как только получу мандат депутата.

– Конечно, оплатишь. И мандат получишь. Только больше мне никогда не угрожай. Иначе я тоже начну угрожать. Только гроба у тебя тогда не будет. Закопают где-нибудь на пустыре. Или ты хочешь, чтобы я попробовал?

– Я уже извинился. – Голос Качанова начал вибрировать.

– Ну и правильно сделал. Готовь шампанское, скоро сообщу тебе о победе. – Петровский отключился, удовлетворенный тем, что высказал мерзавцу все, что о нем думал.

И именно в этот момент наконец раздался долгожданный звонок. Он поднял телефон. В который раз за последние три дня.

– Объявлены предварительные итоги выборов, – сообщил ликующий Бубенцов. – Мы набрали пятьдесят два процента. Седых только двадцать один, а Нечипоренко шестнадцать. Мы победили уже в первом туре, Святослав Олегович. Я вас поздравляю.

– Спасибо. – Он убрал аппарат и, заложив руки за спину, сладко потянулся.

Все три его кандидата сегодня благополучно победили. Один в Башкирии и второй в Курске уже прошли в Думу, третий в Омске разгромил всех соперников и имеет наилучшие шансы быть избранным во втором туре.

Петровский повертел шеей и услышал характерный хруст. Вот так сказываются ночные бдения и многочасовые сидения за столом. Он поднялся, подошел к зеркалу и подмигнул своему отражению.

«Манипулятор, – вспомнил Святослав Олегович восторженный крик Юлая. – Надо же, какое интересное прозвище. Манипулятор. Что ж, буду теперь так называться. Мне нравится».

Литературно-художественное издание

Абдуллаев Чингиз

МАНИПУЛЯТОР

В 2 томах

Том 1

ТРИ ОСЕННИХ ДНЯ

Роман

Ответственный редактор *А.С. Кобринская*
Редакторы *Е.А. Кушнарева, Т.Н. Космачева*
Технический редактор *Т.П. Тимошина*
Корректор *И.Н. Мокина*
Компьютерная верстка *Л.А. Быковой*

ООО «Издательство Астрель»
143900, Московская обл., г. Балашиха, пр-т Ленина, д. 81

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл,
ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 МПТР России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

ЦИКЛ РОМАНОВ ЧИНГИЗА АБДУЛЛАЕВА

«КРИМИНАЛЬНАЯ КОМЕДИЯ»

I. Этюды частной жизни

1. Романы о Дронго

«Голубые ангелы», «Почти невероятное убийство», «Охота на человека», «Игры профессионалов», «В ожидании апокалипсиса», «Правило профессионалов», «Выбери себе смерть», «Правила логики», «Закон негодяев», «Кредо негодяев», «Совесть негодяев», «Тень Ирода», «Симфония тьмы», «Три цвета крови», «Плата Харону», «Линия аллигатора», «Океан ненависти», «Всегда вчерашнее завтра», «Сколько стоит миллиард», «Гран-при для убийцы», «Зеркало вампиров», «Символы распада», «Пепел надежды», «Стиль подлеца», «Рассудок маньяка», «Бремя идолов», «Тоннель призраков», «День гнева», «Идеальная мишень», «Фактор страха», «Мудрость палача», «Последний синклит», «На стороне Бога», «Упраздненный ритуал», «Рандеву с Валтасаром», «Самое надежное», «Смерть на холме Монте-Марио», «Один раз в миллениум», «Камни последней стены», «Путь воина», «Опрокинутая реальность», «Взгляд Горгоны», «Допустимая погрешность», «Флирт в Севилье», «Резонер», «Окончательный диагноз», «Смерть над Атлантикой», «Крах лицедея», «Осенний мадригал», «Когда умирают слоны», «Волшебный дар».

II. Этюды общественной жизни

1. Романы о сотрудниках и работе спецслужб

«Пройти чистилище», «Обретение ада», «Мрак под солнцем», «Уйти и не вернуться», «Лучше быть святым», «Умереть и любить только в Андорре», «Сотвори себе мир».

2. Романы об одноруком киллере

«Мое прекрасное алиби», «Третий вариант», «Исповедь Сатурна».

3. Романы о Марине Чернышовой

«Зло в имени твоём», «Измена в имени твоём», «Месть женщины», «Дамы сохраняют неподвижность».

4. Криминальные драмы

«Стандарт возмездия», «И возьми мою боль», «Альтернатива для грешников», «Альтернатива для дураков», «Срок приговоренных», «Очевидная метаморфоза, или один день из жизни Дениса Ивановича», «День луны», «Осуждение истины», «Рай обреченных», «Душа сутенера», «Сила инерции», «Поцелуй феи», «Английский бульвар», «Манипулятор», «Свод Хаммурапи».

III. Этюды истории

«Заговор в начале эры»

Названия некоторых сборников не всегда совпадают с авторскими названиями.